

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.А. ДОБРОЛЮБОВА

На правах рукописи

ШУТОВА Татьяна Игоревна

**ДИСКУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ (1972 – 2012гг.)**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Е.С. Гриценко

Нижний Новгород – 2018

ДИСКУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ (1972 – 2012гг.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	10
1.1 Основные подходы к определению дискурса	10
1.2 Дискурс как средство конструирования социального мира	13
1.3 Корпусно ориентированный дискурс-анализ как методологическая основа исследования	14
1.4 Методика и программное обеспечение корпусно ориентированного дискурс-анализа	17
1.4.1 Инструменты корпусной лингвистики и способы определения статистической значимости	22
1.4.2 Выявление ключевых слов текста: тест на логарифмическое правдоподобие.....	27
1.4.3 Выявление коллокаций: индекс взаимной информации	33
1.5 Программное обеспечение исследования: программы <i>kwic</i> и <i>AntConc</i>	34
ВЫВОДЫ.....	35
Глава II. ДИСКУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	37
2.1 Феномен терроризма в современной гуманитарной науке	38
2.1.1 Эволюция понятия «терроризм»	38
2.1.2 Подходы к определению терроризма.....	42
2.1.3 Динамика значения и сочетаемость слова <i>terrorism</i>	45
2.2 Дискурс противодействия терроризму в отечественной и зарубежной лингвистике	47
2.2.1 Метафора «войны» с терроризмом как дискурсивный приём...	50

2.2.2 Реконтекстуализация глобального дискурса войны с терроризмом	55
ВЫВОДЫ	57
Глава III. ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ <i>DEMOCRACY, WORLD, TERRORIST</i> В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ОПЫТ КОРПУСНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА	59
3.1 Дискурс противодействия терроризму (1972 – 2012 гг.): характеристика корпуса.....	59
3.2 Смысловые доминанты американского дискурса противодействия терроризму и их содержательная динамика	66
3.3 Семантическое наполнение концептов <i>democracy, world, terrorist</i> в дискурсе противодействия терроризму (1972 – 2012 гг.)	70
3.3.1 Эволюция концепта <i>democracy</i> в американском дискурсе противодействия терроризму	72
3.3.2 Эволюция концепта <i>world</i> в американском дискурсе противодействия терроризму	82
3.3.3 Эволюция концепта <i>terrorist</i> в американском дискурсе противодействия терроризму	95
ВЫВОДЫ	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	118
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	122
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИНТЕРНЕТ-МАТЕРИАЛОВ	134
СПИСОК ПРИЛАГАЕМЫХ РИСУНКОВ И ТАБЛИЦ	140
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	141

ВВЕДЕНИЕ

До середины XX века язык рассматривался как продукт культуры, возникающий в ходе освоения человеком окружающей действительности, транслятор опыта и знаний. Позднее представители гуманитарной науки пришли к заключению, что язык способен не только отражать окружающий мир, но и структурировать его восприятие, тем самым (вос)создавая (конструируя) социальную реальность. Лингвистика перешла от анализа языка как системы «в себе и для себя» к рассмотрению его функционирования в широком социальном контексте.

Настоящая диссертационная работа посвящена изучению языковой специфики одного из основных глобальных дискурсов современности – дискурса противодействия терроризму.

Актуальность исследования обусловлена его включённостью в парадигму современного дискурс-анализа как одного из магистральных направлений развития науки о языке и связана с необходимостью расширения исследовательского инструментария критического дискурс-анализа, установкой на экспликацию дискурсивных смыслов и схем, отражающих интересы участников политического процесса. В содержательном аспекте актуальность диссертационного исследования обусловлена обращением к языковому воплощению политики противодействия терроризму, угроза которого осознаётся человечеством как глобальная проблема XXI века.

Объектом исследования является американский дискурс противодействия терроризму, представленный специально составленным корпусом текстов, в который вошли выступления американских политиков и официальные документы периода 1972 – 2012 гг. **Предметом** исследования являются языковые аспекты эволюции рассматриваемого дискурса на примере трёх ключевых концептов – *democracy*, *world* и *terrorist*.

Выбор данных концептов продиктован следующими причинами: в англоязычном коммуникативном пространстве демократия (*democracy*) позиционируется как основная цель и способ борьбы с терроризмом; ключевой характер концепта *world* подтверждён корпусной методикой: при обработке корпуса с помощью онлайн-инструмента *texttexture* слово «мир» (*world*) вошло в число самых частотных слов во всех ключевых контекстах исследуемого корпуса (подробнее см. ниже, с. 83); релевантность концепта «террорист» (*terrorist*) обусловлена тем, что террорист – это основное действующее лицо (актор) терроризма, и в анализируемом дискурсе данный концепт представляет ту силу, против которой ведётся борьба.

Цель диссертационного исследования – выявление особенностей смыслового наполнения ключевых концептов американского дискурса противодействия терроризму с использованием методов корпусно ориентированного дискурс-анализа.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- описать основные направления изучения дискурса о терроризме в отечественной и зарубежной гуманитарной науке;
- раскрыть особенности корпусно ориентированного дискурс-анализа и обосновать перспективность его применения в рамках проводимого исследования;
- составить корпус текстов американских политических деятелей и официальных лиц, обращавшихся к теме противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 годы, для последующего изучения;
- разработать и апробировать методику анализа рассматриваемого дискурса на примере ряда ключевых концептов с использованием методов корпусной лингвистики;
- раскрыть особенности смыслового наполнения концептов *terrorism*, *democracy*, *world* в динамике и описать специфику дискурса о терроризме в аспекте метафорики и номинативной стратегии;

- охарактеризовать американский дискурс войны с терроризмом как основу глобального дискурса противодействия терроризму.

Материалом исследования послужил специально составленный корпус текстов объёмом около 730 тысяч слов, который включает доклады, интервью, обращения, постановления и т.д. первых лиц США (президентов, госсекретарей, министров обороны, сотрудников ЦРУ, представителей дипломатического корпуса), посвящённые проблемам терроризма и противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 годы.

Выбор в качестве материала исследования официальных документов, заявлений и выступлений не случаен. Линия борьбы с терроризмом, проводимая исполнительной властью, имеет определяющее значение благодаря институциональной власти президента. Исполнительная власть имеет постоянный контроль над информацией о террористических угрозах и определяет официальную реакцию государства на эти угрозы. Таким образом, институционально закреплённая власть президента над дискурсом о терроризме и возможность создавать повестку дня по данной теме для общественности, науки и СМИ обуславливают важнейшую роль включённых в корпус документов для изучения особенностей рассматриваемого феномена в американской лингвокультуре [Winkler 2006: 4].

Часть корпуса, представляющая период с 1972 по 2007 гг., сформирована из материалов книги “The Evolution of U.S. Counterterrorism Policy” [Alexander, Kraft 2007]. Для включения в корпус текстов, опубликованных в период с 2007 по 2012 гг., был дополнительно проведён поиск речей и письменных документов на сайтах www.whitehouse.gov (Администрация президента США), www.state.gov (Государственный департамент США) и www.defense.gov (Министерство обороны США).

Основным методом, используемым в диссертационной работе, является метод корпусно ориентированного дискурс-анализа. На определённых этапах применялись также методы контекстуального анализа и семантической интерпретации.

Теоретическую основу диссертационного исследования составило понимание языка (дискурса) как социальной практики и средства конструирования социального мира (Н.Файерклаф, Т. ван Дейк, Р.Водак, В.И.Карасик, А.В.Кирилина, Е.С.Гриценко). В работе также использовались методологические подходы, предложенные в исследованиях, посвящённых различным аспектам дискурса войны с терроризмом (труды А.Ходжеса, Ч.Найлепа, Р.Джексона, К.Уинклер, А.Спенсера, Д.А.Журавлёва, К.Г.Мальцева и др.). Методика составления корпуса и принципы практического применения инструментов корпусной лингвистики для целей диссертационного исследования разрабатывались с опорой на труды П.Бейкера, Т.МакЭнери, К.Габриэлатоса, С.Ханстон, А.Партигтона.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые на материале хронологически структурированного массива тематически соотнесённых текстов раскрыта дискурсивная динамика понятий *democracy*, *world*, *terrorist* с применением методов корпусной лингвистики. Новой является разработанная и апробированная в диссертации комплексная методика, сочетающая элементы (критического) дискурс-анализа и корпусной лингвистики.

Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие методики исследования дискурса с использованием инструментария корпусной лингвистики и углубляет представления об особенностях становления и развития дискурса противодействия терроризму в его локальном и глобальном измерениях.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты могут иметь практическое применение в политологии и журналистике. В области высшего образования материалы работы используются при разработке курсов по политической лингвистике, дискурс-анализу и корпусной лингвистике.

В результате исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **теоретические положения**:

1. В современном мире особую важность приобретают методы анализа политического дискурса, использующие конкретный лингвистический инструментарий для подтверждения интуитивно ощущаемых тенденций. Методы корпусно ориентированного дискурс-анализа (рейтинг частотности, неслучайная сочетаемость, ключевые слова и др.) позволяют объективировать концептуальную динамику дискурсивных феноменов, выявить особенности их содержательного наполнения, которое может отличаться от смыслового объёма соответствующих слов в референциальном (общенациональном) корпусе.

2. Специфику американского дискурса противодействия терроризму определяет содержательное наполнение его ключевых концептов; она проявляется в особенностях позиционирования США на мировой арене, в метафорическом осмыслении форм и методов борьбы с терроризмом, способах лексической номинации террористических актов и угроз.

3. Концептуальная динамика демократии (*democracy*) как одной из смысловых доминант анализируемого дискурса заключается в расширении географии и изменении статуса данного явления. Демократия становится дискурсивным антиподом терроризма, позиционируется как цель и способ борьбы с ним. Феномен демократии перестаёт ассоциироваться исключительно с западным миром и регулярно появляется в контекстах, связанных с Ближним Востоком.

4. Мир (*world*) в американском дискурсе противодействия терроризму нестабилен, подвержен разного рода угрозам. Он делится на «цивилизованный» (западный) мир и «мусульманский» мир, которые являются антиподами. Отмечена выраженная динамика в дискурсивном позиционировании США: если в 1970-1980 гг. Соединённые Штаты позиционировались как составная часть мира, то в 2000-х гг. отмечена тенденция репрезентации США и мира как равностатусных величин.

5. Фигура террориста (*terrorist*) в изучаемом типе дискурса является гендерно-нейтральной, обобщённой и обезличенной, что позволяет говорить о дегуманизации. При этом если для периода 1972 – 1993 гг. характерна акцентуация политических мотивов террористов, диверсификация их национальной и региональной принадлежности, то после событий 11 сентября 2001 г. террорист в американской политической риторике позиционируется в первую очередь как представитель мусульманского мира и (или) выходец с Ближнего Востока.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 6 публикациях, в том числе трёх статьях в рецензируемых изданиях из перечня ВАК. Содержание исследования было представлено в докладах на международных научных конференциях в Нижегородском государственном лингвистическом университете (международная научная конференция «Язык, культура и общество в современном мире», 28-30 мая 2012 г.), Казахском национальном университете («Язык и глобализация»: Международная научно-теоретическая конференция «Ахановские чтения», 17-18 мая 2013 г., г.Алматы, Казахстан), Российском университете дружбы народов («Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика»: X международный конгресс по прикладной психолингвистике, 26-29 июня 2013 г., г.Москва), Университете г.Вааса (международный симпозиум “XXXIV International VAKKI Symposium”, 13–14 февраля 2014 г., г.Вааса, Финляндия), Университете Лоранда Этвеша (международная конференция “Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines (CADAAD)”, 1-3 сентября 2014 г., г.Будапешт, Венгрия), и Университете г.Ольборг (международная конференция “1st International and Interdisciplinary Conference on Discourse and Communication in Professional Contexts” (18-21 августа 2015, г.Ольборг, Дания).

Цель и задачи диссертации определили логику исследования и **структуру** работы, которая состоит из введения, трёх глав, заключения,

списка использованной научной литературы, списка интернет-ресурсов, списка таблиц и рисунков и приложений.

Во *введении* определяются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность и научная новизна, формулируются цель и основные задачи, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

Первая глава посвящена описанию теоретических и методологических основ диссертационного исследования, краткому обзору наиболее значимых научных работ в области дискурс-анализа и корпусной лингвистики, описанию инструментов корпусно ориентированного дискурс-анализа.

Во *второй главе* рассматриваются подходы к определению терроризма, анализируются лингвистические исследования терроризма и дискурса противодействия терроризму, раскрывается специфика дискурса войны с терроризмом как одного из глобальных дискурсов современности и его динамика в свете политических и идеологических трансформаций.

В *третьей главе* описывается специально составленный для проведения диссертационного исследования корпус текстов, раскрывается используемая в работе методика, описывается динамика содержательного наполнения смысловых доминант американского дискурса противодействия терроризму.

В *заключении* подводятся основные итоги проведенного исследования.

В *приложении* представлены материалы, которые способствуют более полному и глубокому освещению результатов работы (например, приведены списки ключевых слов каждого анализируемого периода (подкорпуса), примеры коллокаций с анализируемыми понятиями и т.д.).

Библиография представлена 117 единицами на русском и английском языках и ссылками на использованные в исследовании Интернет-ресурсы (40 ссылок).

ГЛАВА I. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1.1 Основные подходы к определению дискурса

В современном гуманитарном знании можно выделить три основных подхода к определению дискурса.

В рамках так называемого «узкого» подхода дискурс понимается как особый вид коммуникации или когнитивно-коммуникативное событие, включающее адресанта и адресата высказывания; само сообщение; код, на котором создано сообщение, а также экстралингвистическую ситуацию, в которой происходит коммуникация («речь, погружённая в жизнь») [Арутюнова 2000: 136-137]. По мнению одного из основоположников критического дискурс-анализа Т. ван Дейка, «дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [van Dijk 1998: 20].

Е.О. Шейгал определяет (институциональный) дискурс как «предельно широкое понятие, охватывающее как языковую систему (ту её часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст». Она представляет дискурс в виде формулы ДИСКУРС = ПОДЪЯЗЫК + ТЕКСТ + КОНТЕКСТ, где текст – это «творимый текст + ранее созданные тексты», а «контекст» включает в себя «ситуативный контекст» и «культурный контекст» [Шейгал 2000: 26].

В.И. Карасик понимает под дискурсом «текст, погружённый в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодействующих подходов в изучении, в том числе

прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический» [Карасик 2000: 5–6]. При этом, поскольку дискурс исследуется по мере своего появления и развития, термин «дискурс» не применяется к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [Арутюнова 2000: 136 - 137].

В более широком, философском смысле дискурс понимается как форма представления знаний, законченное «произведение», например, в виде текста, с использованием смыслового кода (словаря и т.п.) (М. Фуко). При таком подходе выделяют два аспекта дискурса:

1) Дискурс трактуется как конкретное речевое произведение, обладающее определённым сюжетом (например, дискурс выборов Президента РФ) и (или) как некая научная теория или дискуссия, характеризующая определённую школу или эпоху (например, философский дискурс современности). В таком понимании дискурс представляет собой совокупность определённых способов производства смыслов и предстаёт как коммуникативно-прагматическая стратегия текстообразования, задающая отношение содержания высказывания и действительности, субъектные позиции и модальности высказывания, формы жанровой организации и композиционного членения текста (Чернявская 2001, 2002).

2) Дискурс определяется как рамка, «порождающая система» (Дж.Покок, Кв.Скиннер) или идеология. При таком подходе дискурс понимается как зона формирования и закрепления значений, признаваемых истинными. Другими словами, дискурс трактуется как совокупность знаний по определённой теме или разделяемые обществом способы мышления, восприятия и поведения, отражённые в текстах разных жанров. К примеру, когда речь идёт о феминистском дискурсе или о дискурсе антиглобализма, имеется в виду совокупность высказываний, отражающих суть феминистских или антиглобалистских взглядов.

В рамках настоящей работы мы придерживаемся широкого понимания дискурса как способа представления знаний, «совокупности тематически соотнесённых текстов» [Saraceni 2010: 14]. При таком подходе дискурс противодействия терроризму предстаёт как некая «порождающая система» - неопределённый объём текстов разных жанров, объединённых общей целью формирования (фиксации) и трансляции характерных для официальной американской политической риторики взглядов и мнений о природе и сути терроризма, его истоках, агентах и способах борьбы с ним.

Существование различных подходов к определению дискурса поднимает вопрос границ дискурса: где заканчивается один дискурс и начинается другой. Ни один подход не позволяет чётко ответить на этот вопрос. М.Йоргенсен и Л.Филипс предлагают определять дискурс как аналитический концепт, т.е. представление, которое исследователь проецирует на реальность с целью её структурирования (осмысления) [Jørgensen, Philips 2002: 143]. Это означает, что вопрос границ дискурса определяется в соответствии с целями исследования: каждый учёный самостоятельно решает, что составляет конкретный дискурс. Так, в одной из своих работ Н. Файерклаф выделил не только военный дискурс, но и дискурс военного нападения, который, в свою очередь, подразделил на «официальный дискурс военного нападения» и «художественный дискурс военного нападения» [Fairclough 1995b: 95, цитата по Jørgensen, Philips 2002: 143]. Кроме того, дискурсы всегда определяются через соотношение или противопоставление другим дискурсам в одном смысловом поле [Gee 2005: 30-31].

В настоящем исследовании дискурс трактуется как способ организации и представления знаний о какой-либо области, явлении или событии; это некий набор мультимодальных текстов, включённых в более широкую социальную и историческую канву, одновременно являющийся носителем, ретранслятором и средством (вос)производства идей, смыслов, ценностей и интерпретаций.

1.2 Дискурс как средство конструирования социального мира

Представление о языке как системе, которая не определяется окружающей реальностью, а скорее сама определяет реальность, исходит из положений структурной лингвистики (Ф. де Соссюр) и постструктурализма (М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Бодрийяр). Согласно теории структурализма, знаки в структурированном, системном языке приобретают значение в соотношении с другими знаками, при этом сопоставляемые знаки изменяются в зависимости от контекста: так, в одном контексте слово *work* может быть антонимом слова *leisure*, а в другом – *passivity*.

Исходя из этого, существование единого образа реальности, который можно досконально изучить и объяснить, не представляется возможным. В постструктуралистской парадигме реальность – это социальный конструкт, а окружающий социальный мир создаётся идеями, убеждениями и поведением людей: по мере распространения в обществе тех или иных идей люди начинают действовать в соответствии с ними. Будучи закреплёнными в правилах, нормах, институтах и механизмах социального контроля, эти идеи (идеологии) тем самым создают социальную реальность.

Основными идеями социального конструктивизма, таким образом, являются признание основополагающей роли языка (дискурса) в создании и представлении социального мира и утверждение, что дискурс как социальная практика постоянно (вос)производит социальную реальность. Можно сказать, что с помощью языка (дискурса) мы формируем представления о социальной действительности, которые не являются отражениями ранее существовавшей реальности, а вносят вклад в её (вос)производство. Иначе говоря, события и явления реальны, но они приобретают значения (оценки) через дискурс [Jørgensen, Philips 2002: 9].

Исследователи подчёркивают, что любое использование языка «политически / идеологически значимо» [Gee 2005: 1]. Под политической значимостью понимается то, как распределяются власть, статус и влияние в интерпретации различных групп лиц. Так, одного и того же человека можно

назвать *freedom fighter* и *terrorist*, подчёркивая тем самым различное отношение говорящего к референту.

Показательна в этом отношении публикация в 2011 г. детской книжки-раскраски *We Shall Never Forget 9/11*, приуроченная к десятой годовщине терактов в Нью-Йорке: в ней практически каждое упоминание мусульман или ислама сопровождается словами «террорист» и «экстремист» [lenta.ru, публикация от 3 августа 2011 г., дата поста 06 декабря 2012 г.]. Данная публикация произвела большой общественный резонанс, вызвав возмущение американских мусульман и представителей мусульманского мира в целом.

1.3 Корпусно ориентированный дискурс-анализ как методологическая основа исследования

Дискурс-анализ является одним из наиболее влиятельных социоконструктивистских подходов к анализу культуры и общества. Цель данного метода состоит в том, чтобы выяснить, каким образом миру или отдельным его аспектам дискурсивно приписываются те или иные значения и какие социальные последствия это имеет. В рамках данного подхода исследователь работает с устным или письменным высказыванием, выявляя общие тенденции и определяя социальные последствия различных дискурсивных представлений реальности. Сложность состоит в том, что исследователь при этом обычно сам является частью изучаемой культуры (представителем определённого дискурса), поэтому ему (ей) необходимо выявить и критически осмыслить особенности того, частью чего он(а) сам(а) является.

Объектом дискурс-анализа являются естественные дискурсивные / речевые события (диалоги, монологи, полилоги), а также различные документы, электронная переписка, тексты, аудио- и видеотрывки средств массовой коммуникации, художественной литературы и т.п. Помимо этого, в настоящее время, как отмечает О.А.Леонтович, в число материалов для

дискурс-анализа может включаться всё, что может быть «прочитано», в том числе изображения, фотографии, элементы дизайна, архитектуры, технологии и т.п. [Леонтович 2015: 186]. Ярким примером может служить изучение дискурсов о миграции с точки зрения «языка стен» (Wodak (2014; пленарный доклад на конференции CADAAD 2014 в г.Будапешт), Sicurella (2017) и др.).

Одним из важнейших направлений в рамках дискурсивной парадигмы является критический дискурс-анализ (КДА). Термин «критический» применительно к дискурс-анализу был введён в научный обиход Ю.Хабермасом, который подчёркивал, что слово «критический» в данном контексте означает попытку увидеть взаимосвязь вещей [Fairclough 1992: 147].

По Н.Файерклафу, любое использование языка имеет три измерения: устный или письменный текст, процессы производства и интерпретации текста и социальная практика. В качестве примера учёный приводит газетную статью о «халявщиках, живущих на пособие» (*benefit scroungers*) и «ордах иммигрантов» (*hordes of immigrants*), подчёркивая, что данная статья написана не в социальном вакууме, а под воздействием определённых институциональных и социальных взглядов (структур). При этом статья сама помогает формировать их, (вос)производя анти-иммиграционные настроения в обществе [Fairclough 1995b: 57].

В рамках критического дискурс-анализа не существует универсального инструмента или метода; используются различные методики и исследовательские приёмы, которые отражают соответствующие теоретические и философские предпочтения исследователей (Fairclough, 1992; van Dijk, 1993; Wodak, 2001).

Н.Файерклаф подчёркивает важность экспликации отношений доминирования и неравенства, характерных для неокапиталистического общества. Он видит ценность КДА в возможности его использования (наряду с другими методами) для изучения динамики социальных и культурных

изменений и борьбы против эксплуатации и угнетения. Основное внимание, по его мнению, должно быть уделено анализу отношений между социальной динамикой и динамикой дискурсивной. К примеру, анализируя особенности академического (университетского) дискурса в 1990-х годах, Н.Файерклаф обратил внимание, что на него большое влияние оказывает дискурс рынка и культуры потребления (Fairclough 1993), что, в свою очередь, связано с реальными (социоэкономическими) трансформациями, которые происходили в то время в западных университетах.

Т. ван Дейк предложил *социо-когнитивный подход* к изучению дискурса, который проблематизирует отношения между социальными системами и социальной когницией. По мнению данного исследователя, тематика ежедневных новостей обращена к проблемам, которые актуальны для повседневных дискурсивных практик. Например, противопоставляя «нас» и «их» или разделяя иммигрантов и беженцев на тех, кто заслуживает снисходительного отношения (*political refugees*), и тех, кто его не заслуживает (*economic refugees, fake refugees*), политики и журналисты формируют общественное мнение, определённым образом настраивая людей [van Dijk 1997: 44-45]. В своих последних работах Т.ван Дейк делает вывод о том, что власти жизненно необходим контроль над общественным дискурсом.

Дискурсивно-исторический подход Р. Водак предполагает исторический (интертекстуальный) мониторинг определённых фраз и тем (van Leeuwen and Wodak 1999) и характеризуется особой важностью, придаваемой политическим вопросам (например, расизму). Основной особенностью дискурсивно-исторического метода является поиск и интеграция всей доступной фоновой информации, относящейся к различным уровням (письменного, устного и визуального) текста. Эта методология направлена на выявление косвенных негативных оценок в суждениях, на выявление кодов и аллюзий, способствующих дискурсивному формированию предвзятого мнения.

Несмотря на различия в подходах и акцентуацию разных способов анализа, все три названных направления КДА работают в едином ключе – социальной критики.

1.4 Методика и программное обеспечение корпусно ориентированного дискурс-анализа

Сторонников (критического) дискурс-анализа нередко упрекают в том, что в рамках данного направления отбор языкового материала для изучения производится исходя из интересов исследователя (с целью доказать выдвигаемый тезис). По этой причине выборка может быть недостаточно репрезентативной, а результаты анализа – недостаточно достоверными. Для повышения надёжности и объективности анализа в последнее время исследователи всё чаще обращаются к корпусным методам.

В современной лингвистике корпусный анализ обычно используется для выявления частотности лексических единиц, грамматических форм, особенностей смысловой контекстуальной динамики в различные периоды времени, а также для поиска информации о совместной встречаемости лексических единиц, об особенностях их сочетаемости в естественной контекстной среде. Под корпусом понимают «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определённых филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» [Захаров 2003: 52].

Использование методов корпусной лингвистики в дискурс-анализе началось сравнительно недавно (см., например, Krishnamurthy, 1996; Stubbs, 1994) и в последнее время становится всё более популярным (Baker, 2004, 2006, 2010; Mautner, 2000 и т.д.). Привлечение инструментария корпусной лингвистики к анализу дискурса получило в англоязычной лингвистической науке ряд наименований, например, CADS (corpus-assisted discourse studies), corpus-informed discourse studies, corpus-based discourse analysis и др. На стыке этих дисциплин работают П.Бейкер, Т.МакЭнери, К.Габриэлатос,

С.Ханстон, А.Партигтон, Г.Маутнер и др. В отечественной лингвистике данное направление исследований дискурса пока не получило широкого распространения.

Так как все корпуса существуют в электронном виде, лингвисты, занимающиеся их анализом, используют специальное программное обеспечение. Некоторые корпуса могут исследоваться с помощью программ, запускаемых пользователем на компьютере, другие имеют встроенные инструменты для проведения анализа (в основном это касается онлайн-корпусов).

В последнее время наряду со специально составленными корпусами, собственно Интернет начинает всё чаще рассматриваться и использоваться как референциальный корпус: “[I]anguage scientists and technologists are increasingly turning to the Web as a source of language data, because it is so big, because it is the only available source for the type of the language in which they are interested, or simply because it is free and instantly available” [Kilgarriff and Grefenstette 2003: 333; цитата по Baker 2010: 13]. По разным оценкам в 2009 году всемирная паутина насчитывала порядка 5 триллионов слов (Baker 2010), что в 50 тысяч раз больше, чем количество слов в BNC (*British National Corpus*) и в 11 тысяч раз больше, чем количество слов в COCA (*Corpus of Contemporary American English*). Корпусный анализ позволяет сравнить специализированный корпус с повседневным языком, отражённым, в частности, в сети Интернет.

Популярность методов корпусной лингвистики в дискурс-анализе связана с тем, что при традиционном анализе языковой материал отбирается вручную, но при этом не принимаются во внимание особенности сочетаемости слов или их частотности в анализируемом тексте. При таком подходе, как уже отмечалось выше, существует вероятность пропустить (не заметить) важные для изучаемого дискурса смысловые элементы словосочетания или уделить слишком много внимания малозначимым текстовым деталям. Иногда корпус текстов для критического дискурс-

анализа может быть нерепрезентативен в силу своего небольшого размера (например, составлять всего 6 000 слов). Небольшой корпус удобен исследователю потому, что он может быть либо проанализирован вручную, либо предварительно подвергнут компьютерному анализу, и поэтому все данные будут интерпретироваться учёным напрямую [Sinclair, 2001: xi, цитата по Baker, Gabrielatos et al., 2008], в то время как в большом корпусе “important features of the context of production may be lost when using such [i.e. Corpus Linguistics] techniques” [Clark, 2007: 124, цитата по Baker, Gabrielatos et al., 2008]. Однако недостатком маленького корпуса текстов в первую очередь является то, что в нём могут отсутствовать некоторые важные смысловые характеристики, а результаты, полученные на основе таких корпусов, не могут быть признаны надёжными в силу малой частотности словосочетаний, особенно если при этом не указаны статистические характеристики анализируемых слов или словосочетаний.

С другой стороны, традиционного корпусного анализа недостаточно для объяснения или интерпретации причин, по которым были найдены (или отсутствуют) определённые речевые образцы, поскольку корпусный анализ в чистом виде не принимает в расчёт социальный, политический, исторический и культурный аспекты изучаемого текстового материала.

Один из основных приёмов корпусного анализа – это выявление частотности слов как показателя маркированности текста. Корпусная методика может использоваться для выявления повторяющихся речевых образцов в большом объёме текстов, которые в рамках традиционного критического анализа дискурса, фокусирующегося на одном тексте или ограниченном объёме текстов, могут остаться незамеченными. Если исследователь обнаруживает большее (или меньшее) использование определённых слов или оборотов в специализированном корпусе по сравнению с референциальным корпусом, это может свидетельствовать, например, об идеологическом уклоне специализированного корпуса. Так, например, Н.Файерклаф использовал корпус речей Т.Блэра для обоснования

тезиса о том, что в основу своей идеологической доктрины новая лейбористская партия закладывает идеи рынка и потребления: “sets out to achieve consent not through political dialogue but through managerial methods of promotion [...] treating the public as its consumers rather than as citizens” [Fairclough 2000: 12, цитата по Mayr 2008: 140]. В подтверждение данного вывода учёный, в частности, приводит высокую встречаемость в выступлениях политика таких ключевых слов, как *we, Britain, welfare, people, reform, deliver, promote, business, deal* и т.п.

Количественный подход к дискурсивным явлениям связан с так называемым «приращённым эффектом дискурса» (incremental effect of discourse) [Baker 2006: 13]. Речь идёт о том, что дискурсивные представления о людях, событиях, институтах и т.д. создаются посредством повторения речевых образцов, и так называемый кумулятивный эффект влияет как на восприятие этих людей и событий, так и на формулировку последующих мыслей о них. Кроме того, поскольку значение лексической единицы – это всё то, что было сказано о ней в изучаемом дискурсе [Teubert 2010: 188], использование методов корпусной лингвистики в рамках дискурс-анализа позволяет оптимизировать процесс поиска упоминаний лексической единицы и её лексического окружения.

Анализ корпусов позволяет также выявлять идеологические импликации путём анализа сочетаний слов, поскольку слова встречаются в характерных сочетаниях, которые указывают на связанные с ними ассоциации и коннотации [Stubbs 1996: 172]. Лексемы, часто встречающиеся вместе, могут стать устойчивыми словосочетаниями и выражениями, несущими общую информативную нагрузку. Когда такие устойчивые словосочетания укореняются в языке, их внутреннее содержание становится сложнее «деконструировать» и подвергнуть критике. Например, С.Ханстон (2002) указывает на частотность совместной сочетаемости слов *illegal* и *immigrant* (в уже закрепившемся словосочетании *illegal immigrant*). По её предположению, существование подобного устоявшегося выражения

подталкивает людей к выводу о том, что иммиграция – это преступление. В результате, даже когда слово *immigrant* встречается отдельно, существует вероятность того, что у адресата сообщения возникнет ассоциативная связь со словом *illegal* [Hunston 2002: 119].

Наконец, ещё одна практическая задача, решаемая с помощью корпусного анализа – это выявление ключевых слов текста. Ключевые слова – это слова, статистически встречающиеся чаще в конкретном тексте или корпусе по сравнению с другим корпусом или текстом. Если сравнить корпус британских газет по конкретной теме (например, терроризм) с корпусом более общих газетных публикаций, мы найдём слова, относящиеся к самому терроризму (*terror, attack, bomb* и т.д.). Но если сопоставить тот же корпус с референциальным корпусом британского английского, то среди ключевых слов мы сможем обнаружить не только лексику, относящуюся к сфере терроризма, но и лексику, характеризующую стиль прессы в целом (*said, reported, yesterday* и т.д.). В случае, если референциальный корпус будет состоять из американских текстов, с большой вероятностью удастся обнаружить слова, отражающие культурные или орфографические различия между американским и британским вариантами английского языка (*colour, emphasize, London, UK*). Сказанное подтверждает, что важным аспектом (критического) дискурс-анализа становится подбор и составление корпуса текстов, который поможет наиболее полно выявить специфику изучаемых феноменов и избежать предвзятости в интерпретации результатов.

В этой связи перспективно совместное использование обоих методов. Корпусная лингвистика даёт общее представление о данных, в первую очередь с точки зрения частотности, ключевых слов и коллокаций. Корпусная методика может также указать на перспективность анализа определённых слов, понятий или метафор в силу их важности для корпуса или для хронологической отнесённости корпуса, что легко реализуется с помощью конкорданса. Корпусный анализ обычно показывает то, что эксплицитно выражено, оставляя подразумеваемое или недосказанное

(критическому) дискурс-анализу. В то же время, критический (как и другие типы дискурс-анализа) подразумевает выход за пределы собственно корпуса для сбора другой относящейся к теме информации (например, использование словарных дефиниций) для включения рассматриваемого феномена в более широкий социальный, культурный или исторический контекст.

Сочетание двух названных методов будет использоваться в настоящем исследовании для обеспечения бóльшей достоверности результатов. Их комбинация, в частности, позволяет выделить обоснованные точки входа в корпус (как количественно (статистически), так и качественно) и позволяет выявить концепты для дальнейшего анализа. В работе будет анализироваться динамика семантического наполнения понятий *democracy*, *world* и *terrorist* на протяжении четырёх десятилетий. Эту исследовательскую задачу нельзя выполнить на материале небольшого по объёму корпуса с помощью простого подсчёта частотности словосочетаний или словоформ. Использование методов корпусной лингвистики в сочетании с интерпретативным потенциалом методов критического дискурс-анализа позволит провести более глубокий и многосторонний анализ языкового материала.

1.4.1 Инструменты корпусной лингвистики и способы определения статистической значимости

Особенностью корпусно ориентированных исследований является то, что зачастую они начинаются с анализа частотности слов для выявления основных тем рассматриваемого корпуса. Такая процедура закладывает основу для последующего качественного анализа, например, исследования семантического окружения важных для текста и/или для корпуса (и дискурса) слов. В сущности, корпусно ориентированный подход заключается в использовании исследовательских инструментов (частотности слов, ключевых слов, коллокаций и словарной сочетаемости), который может быть

продуктивно скомбинирован для чёткого и системного определения дискурсивных закономерностей изучаемого корпуса.

Остановимся подробнее на эвристическом потенциале приёмов и методик корпусно ориентированного дискурс-анализа.

а) Список слов и частотность

Список слов (*wordlist*) – это количественный показатель, который измеряет точное количество (частотность) всех слов или словосочетаний, встречающихся в корпусе. Список слов предоставляет исследователю доказательства «маркированности» дискурсов или представленных в них отношений (Baker 2005, 2006, 2010). Частое использование тех или иных слов или словосочетаний в речи отдельного человека может свидетельствовать о предпочтительном способе (само)презентации и понимания мира.

Анализируя то, как частотность слов или фраз позволяет эксплицировать приверженность определённым взглядам, П.Бейкер [Baker 2010: 125-126] приводит пример слов *man* и *woman* в контексте их использования в BNC (British National Corpus). Названные слова появляются в корпусе 58 860 и 22 008 раз соответственно. По мнению Бейкера, это свидетельствует о маскулинных предпочтениях британского социума и позволяет говорить об андроцентризме британской лингвокультуры. Выявленное лексическое предпочтение подтверждается анализом контекстов употребления слова *man*, которое по-прежнему часто используется в метагендерном смысле – как общее обозначение мужчин и женщин, а также встречается как глагол (например, в словосочетании *to man the lifeboats*). Слово *woman* имеет более узкую референцию.

Впрочем, более высокая частотность вхождений единиц отнюдь не всегда означает их высокий статус. К примеру, BNC даёт следующие результаты для слов *homosexual* и *heterosexual*: 821 и 377 соответственно [Baker 2010: 126]. По мнению исследователя, в данном случае более высокая

частотность первого слова связана с повышенным вниманием общества к вопросам гомосексуализма, в то время как гетеросексуальность рассматривается как норма и своеобразная точка отсчёта; следовательно, в данном случае лексема *homosexual* маркирована в силу того, что общество считает соответствующее явление нестандартным [Baker 2010: 126].

Г.Маутнер [Mautner 2009: 38-42] предлагает интересный способ анализа коммуникативных стратегий с опорой на частотность употреблений отдельных слов в корпусе текстов. Изучая корпус электронной переписки между бывшим премьер-министром Англии Т. Блэром и журналистом Генри Портером по тематике антитеррористического законодательства, она обнаружила, что частотность использования слова *law* значительно различалась в письмах Портера (0,74 слова из 100) и Блэра (0,27 слова из 100). Явное предпочтение слову *law* со стороны Портера, по мнению Маутнер, отражает его убеждение, что правительство Блэра подрывает верховенство закона. Относительно низкая частотность слова *law* у Т.Блэра Маутнер интерпретирует как нежелание премьер-министра прямо отвечать на аргументы Портера. Другими словами, низкая частотность определённой лексики может интерпретироваться как стратегия уклонения [Mautner 2009: 40].

б) Ключевые слова

Несмотря на то, что списки слов представляют собой важный элемент корпусного анализа, они дают исследователю сугубо статистическую информацию. В отличие от этого, ключевые слова обладают свойством передавать главную идею (*keyness*) определённого текста; они отражают его основной посыл [Scott, Tribble 2006: 56]. Обычно ключевые слова встречаются в корпусе значительно чаще по сравнению с аналогичными словами в референциальном (опорном) корпусе [Scott 2010: 38].

Определение ключевых слов (существительных, прилагательных, наречий, глаголов) помогает выявить дискурсивные стратегии – такие как

предикация, категоризация, аргументация, усиление или смягчение значения и др. Речь идёт о лексических средствах для конструирования представлений о, например, «своих» и «чужих», а именно об эпитетах, метафорах, выборе глаголов. Проанализировав контекстуальное использование ключевых слов, можно группировать их в соответствии с выполняемыми ими риторическими, прагматическими, семантическими или грамматическими функциями.

Подчёркивая важность выявления ключевых слов, А.О'Киффи, М.Маккарти и Р.Картер (O'Keeffe et al. 2007) отмечают, что при сравнении списка слов из лекций по экономике (малый корпус) и списка слов большого академического корпуса с использованием функции "*keyword*" (встроенной в большинство программ для корпусного анализа), получатся слова, которые являются неожиданно частотными в меньшем тексте относительно общего корпуса текстов. Именно к таким словам и применяется термин "*keyness*" (свойство быть ключевым) и они рассматриваются как специфические для данного текста, контекста. При сравнении корпуса лекций по экономике и общего корпуса академического английского языка в число необычно частотных попали такие слова как *tax, income, system, average, basic, rate, supply, poor, thousand, impact, equity, percent, rates, ordinary, marginal, scheme, labour, terms, cost, characterized, workers, systems, negative*. Такая процедура позволяет определить ключевой словарь отдельно взятого текста или корпуса специализированных текстов [O'Keeffe, McCarthy, Carter 2007; цитата по Горина 2014: 93], а также помочь, например, при составлении глоссариев.

Необходимость референциального (бóльшего по объёму) корпуса для выявления ключевых слов объясняется тем, что в его отсутствие существует бóльшая вероятность отнести к ключевым словам наиболее часто повторяющиеся слова или слова, которые с большой вероятностью можно считать важными для определённого контекста (как, например, слова «мука», «сахар», «яйца» и т.д. в рецепте пирога). Самыми частотными в любом англоязычном корпусе, как правило, оказываются служебные части речи и

базовые глаголы и существительные (*the, was, of, time, like, new, first, know, people* и т.д.), то есть слова, которые не отражают сути текста и не могут служить индикаторами его проблематики. По этой причине фильтром для отбора ключевых слов служит критерий ожидаемой встречаемости слова. При этом референциальный корпус должен быть бóльшим по объему, т.е. более или менее достоверным образцом того языка, на котором написан анализируемый текст.

Список ключевых слов текста (корпуса) отражает смысловые доминанты текста, его основные темы (то, что М.Скотт и К.Триббл (2006) именуют “*aboutness*” текста). Так, ключевые слова использовались исследователями в качестве способа определения позиции и убеждений писателя. Ключевые слова могут также использоваться для изучения риторических стратегий и стратегий аргументации. Например, П.Бейкер исследовал представление ислама и мусульман в британской и американской прессе. Он сравнил четыре подкорпуса газетных статей (британский подкорпус с 1998 по 10 сентября 2001 года и с 11 сентября 2001 года по 2005 год и американский подкорпус, разбитый на два периода аналогичным образом). Список ключевых слов последнего подкорпуса показал, что под влиянием дискурса о терроризме мусульмане стали восприниматься в американском социуме как угроза обществу, его ценностям и интересам (по крайней мере, в новостной прессе).

Определение ключевых слов осуществляется на основе порогового значения или количества употреблений слова в исследуемом тексте. Обычно устанавливается пороговое значение 2 или 3. Слово, которое можно отнести к «ключевым», должно встретиться чаще, чем пороговое значение (т.е. более 2 или 3 раз) и быть значительно более частотным в исследуемом тексте, чем в объёме текстов референциального корпуса. Программа сопоставляет показатели частотности слов анализируемого текста с частотностью слов референциального корпуса. Расчёты производятся с помощью статистического теста на логарифмическое правдоподобие (*Log Likelihood*,

LL), процедура проведения которого будет описана ниже. Аналитические возможности этого инструмента позволяют отследить дистрибуцию ключевых слов, что помогает раскрыть развитие той или иной темы и получить представление о связи ключевых слов в тексте.

В настоящем исследовании процедура определения ключевых слов будет осуществляться с помощью программы *AntConc*. Её автором является профессор Энтони Лоуренс (Antony Lawrence), а сама программа находится в свободном доступе в Интернете.

1.4.2 Выявление ключевых слов текста: тест на логарифмическое правдоподобие

Поскольку всегда существует вероятность того, что различия в сочетаемости или частотности, наблюдаемые между двумя корпусами, появились случайно, необходимы точные инструменты определения статистической значимости выявленных соотношений. На практике, в числовом эквиваленте, гипотеза считается статистически значимой, т.е. неслучайной, если процент значимости составляет 95% и выше (что равняется уровню значимости 0,05 и ниже).

Для подсчёта величины «ключевого характера» (*keyness*) принимаются во внимание четыре параметра: количество вхождений (частотность) искомого слова в изучаемом тексте (корпусе), количество вхождений (частотность) искомого слова в референциальном корпусе, количество всех слов в изучаемом тексте (корпусе) и количество всех слов в референциальном корпусе [Scott, Tribble 2006]

С точки зрения математической статистики правдоподобие позволяет оценивать неизвестные параметры (в нашем случае, цифровое выражение статистической значимости), основанные на известных результатах. Тест на логарифмическое правдоподобие выявляет разницу между наблюдаемыми значениями, т.е., частотностью, наблюдаемой непосредственно в корпусе, и ожидаемыми значениями, т.е., частотностью, обусловленной чистой

случайностью. Чем больше разница между наблюдаемым и ожидаемым значениями, тем менее вероятно, что наблюдаемый результат случаен; напротив, чем ближе наблюдаемое значение к ожидаемому, тем выше вероятность, что наблюдаемый результат случаен. В тесте на логарифмическое подобие важными показателями являются значения 3,83, 6,64 и 10,83 (соответствующие параметрам значимости (p) 0,05, 0,01 и 0,001 и 95%, 99% и 99,9% вероятности соответственно). Чем ближе показатель вероятности (p) к нулю, тем статистически более важен показатель, и наоборот, чем ближе к единице, тем более велика вероятность, что полученный результат случаен. Важно и то, что разница объёма корпусов при сравнении не имеет значения, поскольку тест на логарифмическое правдоподобие автоматически сравнивает частотности пропорционально [McEnery et al., 2006: 55].

Одна из используемых в настоящем исследовании программ, *AntConc*, имеет функцию автоматического вычисления логарифмического правдоподобия. На рис. 1 приведён пример ключевых слов подкорпуса 1972 – 1993 гг. по сравнению с корпусом периода 1993 – 2001 гг., сгенерированных программой *AntConc*. Рис. 2 иллюстрирует выставление параметров вычисления ключевых слов в программе и загруженный референциальный корпус (с.29):

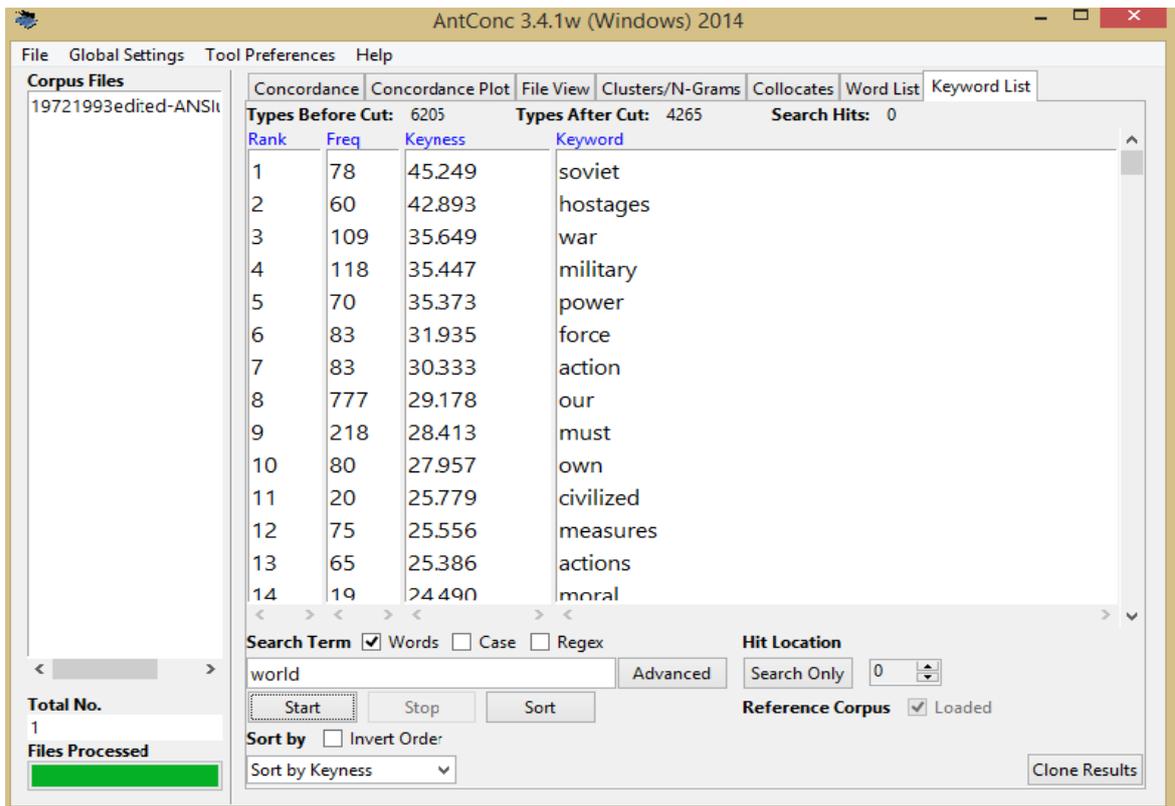

Рис.1. Сгенерированный список ключевых слов периода 1972-1993 гг. по сравнению с периодом 1993-2001 гг.

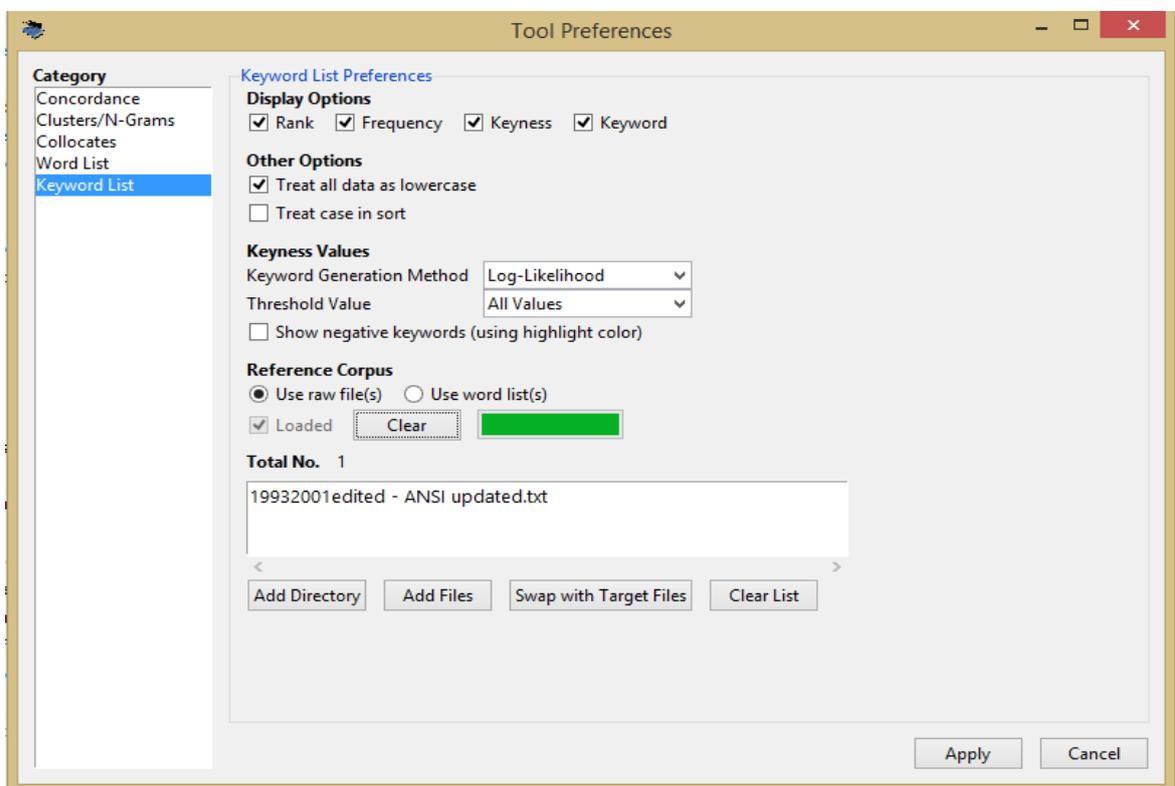

Рис.2. Выставление параметров вычисления ключевых слов: метод логарифмического правдоподобия (LL) и загрузка референциального корпуса

в) Коллокации

Термин «коллокация» применительно к целям проводимого исследования обозначает типичное и постоянное окружение слова. Понятие коллокации связано с парадигмальными и текстуальными аспектами выбора лексики, иначе говоря, установлением приемлемости тех или иных сочетаний (к числу приемлемых сочетаний относятся, например, *strong tea* и *powerful car*, а к числу непримлемых – *powerful tea* и *strong car*). Корпусный подход к определению коллокации опирается на арсенал вероятностно-статистических методов, которые используются при работе с корпусами для определения коллокаций. По этой причине в корпусной лингвистике коллокации стали определяться как статистически устойчивые словосочетания, характеризующиеся «предсказуемой совместной встречаемостью слов» в письменной и устной речи [Coulthard et al. 2000: 77; цитата по Горина 2014: 68].

Понятие коллокации тесно связано с феноменом семантической просодии (*semantic prosody*), понимаемой как «распространение коннотационной окраски слова за пределы самого слова» [Partington 1998: 68]. Например, отмечено, что глагол *cause* в подавляющем большинстве случаев употребляется со словами, имеющими негативную коннотацию (например, *cancer, commotion, crisis, delay*), в то время как, например, глагол *provide* типичен для положительно окрашенных контекстов (например, он стандартно сочетается со словами *care, food, help, relief, support*). До появления компьютеризированных корпусов и специализированного программного обеспечения такого рода заключения были большей частью интуитивны; в настоящее время эти выводы получили научное обоснование: так, данные о коллокационной сочетаемости слова можно получить при вертикальном чтении строк конкорданса, а также из данных о частотности этого слова.

В настоящее время существует два способа выявления коллокаций: списки слов и строки сочетаемости (конкорданс). Применение конкорданса даёт богатый контекстуальный материал для коллокаций, помогает уточнить особенности значения слова, его характерное употребление и окружение. Целью подобного анализа, как правило, является выявление высокочастотных образцов (примеров) совместной неслучайной встречаемости слов. Изучаемое в контексте слово – это узловое слово («нод», node), а термин «коллокат» (collocate) используется для слов, встречающихся в окружении узлового слова чаще, чем ожидалось исходя из случайного распределения. При введении слова в строку поиска программа генерирует список слов KWIC (“keyword-in-context”), т.е. строки сочетаемости слова, упорядоченные относительно правого и левого контекста запроса. Пример конкорданса приведен ниже:

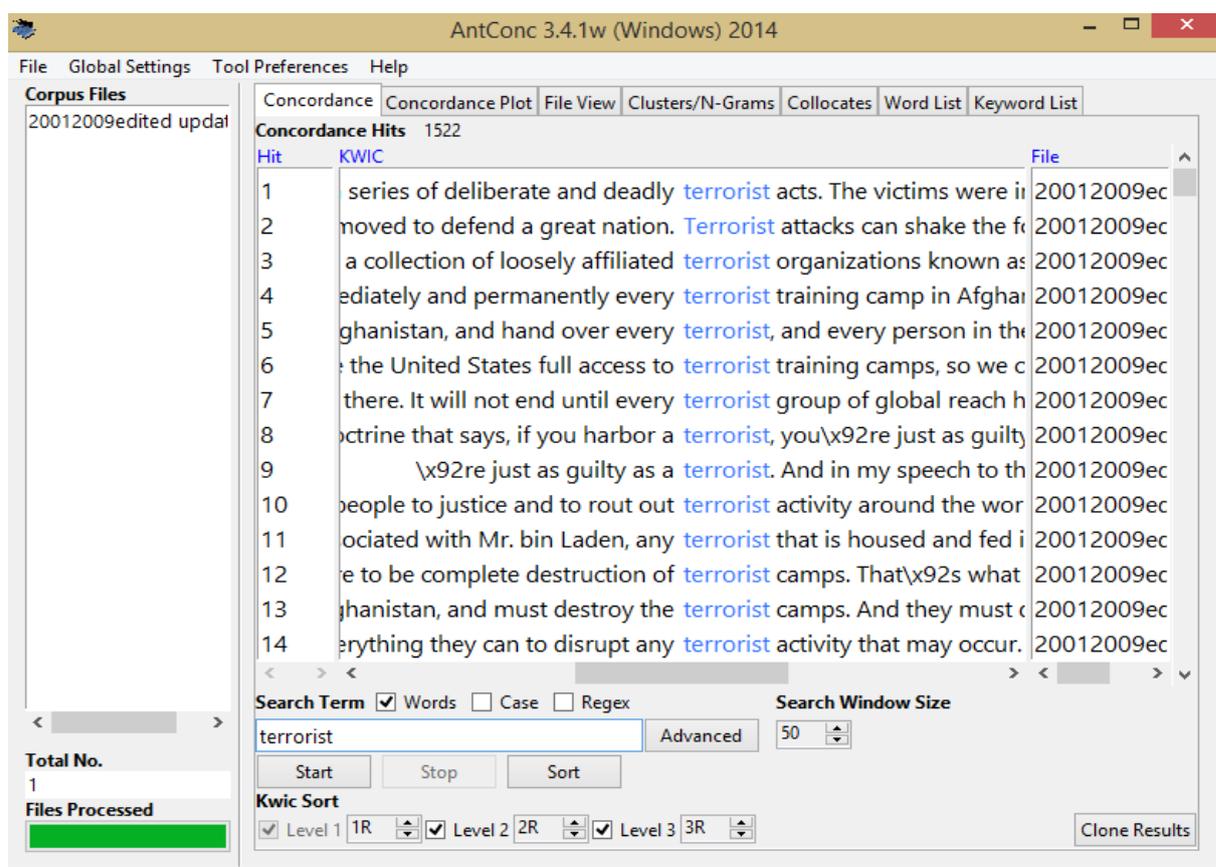

Рис. 3. Конкорданс для слова “terrorist” в подкорпусе 2001 – 2009 гг.

Ещё один путь выявления коллокаций – это упоминавшиеся выше списки слов. Списки слов можно сортировать по частотности, так называемому *t*-показателю (*t-score*) или по показателю взаимной информации (*mutual information*, *MI*). Каждый из этих показателей устойчивости или силы коллокации имеет свои особенности. Так, Д. Байбер, С. Конрад и Р. Реппен отмечают, что самый простой путь определения коллокационной пары опирается на относительную частотность, которая помогает определить самые распространённые коллокации [Biber, Conrad, Reppen 1998; цитата по Горина 2014: 89]. Очевидно, однако, что самыми частотными коллокациями искомого слова будут слова с абсолютной высокой частотностью, являясь не особенностью именно данного искомого слова, а простой случайностью. Поэтому одним из вариантов сортировки может быть показатель взаимной информации (*MI*), отражающий «притяжение» между двумя словами, или вероятность того, что если одно слово появляется в строке, слово, составляющее с ним коллокацию, появится поблизости. Показатель взаимной информации рассчитывается в корпусе автоматически и указывает на возможную сочетаемость: чем выше этот показатель, тем выше устойчивость коллокации. Так, комбинация слов *solve* и *problem* имеет высокий *MI*, а *solve the* – низкий, несмотря на то, что артикль *the* встречается рядом с глаголом *solve* значительно чаще в силу своей высокой абсолютной частотности.

В отличие от показателя взаимной информации, *t*-показатель (*t-score*) измеряет притяжение сочетающегося с анализируемым словом, но не наоборот, поэтому список таких слов будет содержать большое количество грамматических слов, которые важны для правильного грамматического использования изучаемого слова. Эта функция имела бы значение для настоящего исследования, если бы оно включало в себя рассмотрение грамматических аспектов словоупотребления. Однако поскольку одной из основных задач диссертационного исследования является определение особенностей эволюции дискурса противодействия терроризму (т.е. характеристика его смысловых особенностей в разные временные отрезки),

предпочтение отдано индексу MI, так как он делает акцент на необычных словах, в связи с чем необычные комбинации получают высокий индекс и при этом чаще всего специфичны только для данного (под)корпуса.

1.4.3 Выявление коллокаций: индекс взаимной информации

Критерий взаимной информации заимствован из теории информации и показывает, насколько совместное употребление двух слов далеко от случайного. Индекс MI вычисляется по формуле:

$$MI_{ij} = \log_2 \left(\frac{O_{ij}}{E_{ij}} \right); \quad O_{ij} = \frac{F_{ij}}{N}; \quad E_{ij} = \frac{F_i}{N} \times \frac{F_j}{N}$$

где F_i – число употреблений слова в корпусе, F_{ij} – число случаев, где они употреблены вместе, N – число слов в корпусе, O_{ij} – относительная частота случаев, когда слова встречаются вместе, E_{ij} – ожидаемая частота случайного распределения. Показатель MI обычно рассчитывается для интервала 4:4, т.е. 4 слова до узлового слова (нода) и 4 слова после. Этот метод находит слова, которые редко (и даже в единичных случаях) встречаются отдельно. Чем выше показатель MI, тем теснее связь между двумя элементами словосочетания, и наоборот, чем больше он стремится к нулю, тем более вероятно, что два слова оказались рядом случайно. Показатель MI может также иметь отрицательное значение, если два слова не встречаются вместе. С. Ханстон предлагает считать 3 минимально возможным показателем устойчивости сочетания (встречаемости) двух слов [Hunston 2002: 71].

Одна из используемых в настоящем исследовании программ, *AntConc*, имеет функцию автоматического вычисления MI. Пример сгенерированного списка коллокатов для слова *world* приведён ниже:

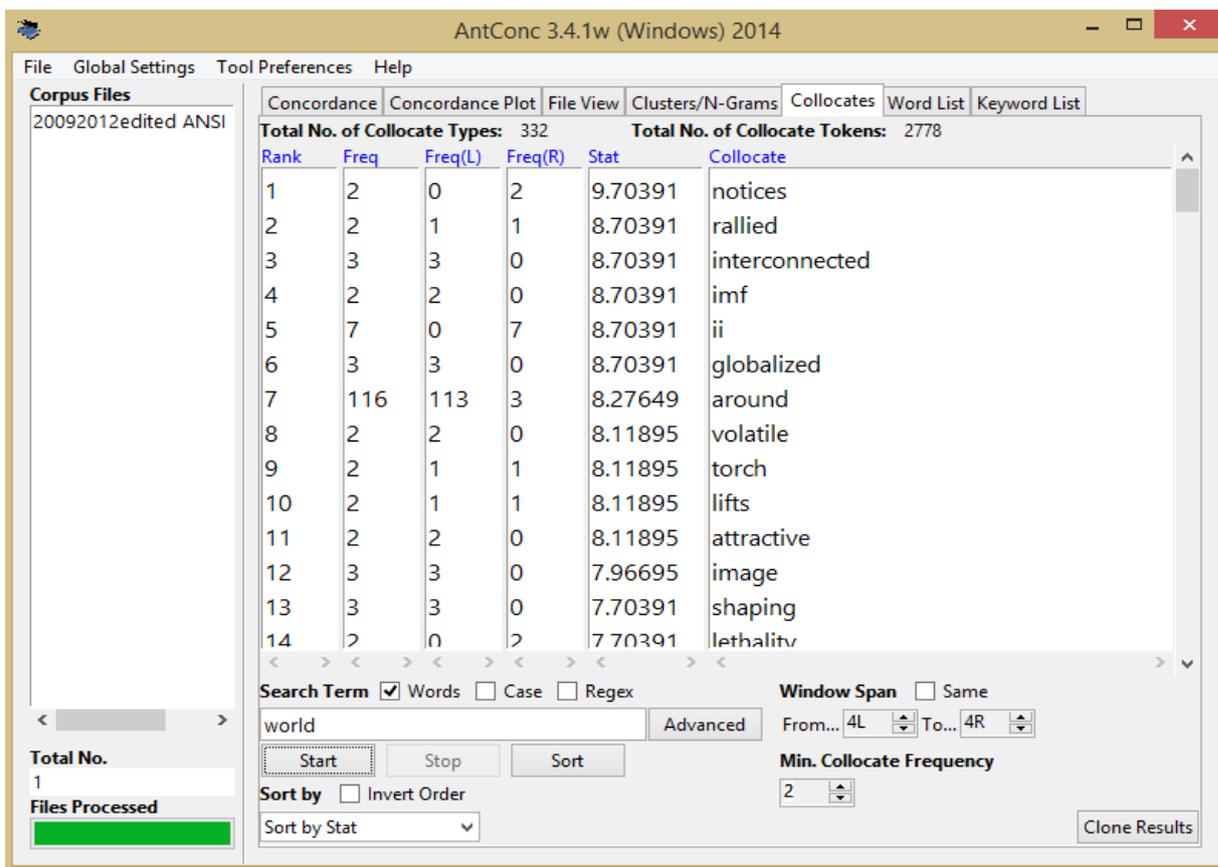

Рис. 4. Результаты поиска коллокатов к слову “world” для подкорпуса 2009-2012 гг.

1.5 Программное обеспечение исследования: программы *kwic* и *AntConc*

Для анализа корпуса в настоящем исследовании применялись две программы для корпусного анализа текстов – *AntConc* (версия 3.4.1w) и *kwic*. Обе программы находятся в свободном доступе в интернете и отвечают критериям доступности, простоты и удобства использования, обладая интуитивно-понятным интерфейсом. Создатель программы *AntConc* – Энтони Лоуренс (Anthony Laurence), профессор университета Васеда, Япония. Программный инструмент *kwic* был создан Сатору Цукамото (Satoru Tsukamoto) из Нихонского университета, Япония.

Обе программы позволяют генерировать и сортировать списки ключевых слов и слов с показателями частотности, создавать и сортировать списки конкорданса, а также определять коллокации с помощью нескольких статистических инструментов. Следует особо отметить, что работа с

программными инструментами *kwic* и *AntConc* не требует специальных знаний по математической статистике, поскольку описанные ранее функции вычисляются ими автоматически после выставления необходимых параметров.

Каждая из программ обладает своими достоинствами и недостатками. *AntConc* удобна в использовании, функциональна и гибка с точки зрения репрезентации и в плане анализа словосочетаний. Основным недостатком этой программы является то, что она не распознаёт опечатки, другими словами, программа не включит слово с опечаткой (например, “*democracysis*”) или его производные (например, *democracy’s*) в результаты поиска по запросу “*democracy*”, а будет воспринимать их как разные слова. Напротив, *kwic*, несмотря на свою ограниченную функциональность, показывает в результатах поиска все производные слова или слова, содержащие искомое сочетание букв, поэтому поисковый запрос “*democra*” показывает результаты поиска не только для “*democracy*”, но и для “*democracies*”, “*democratic*” и т.д. *Kwic* также позволяет копировать результаты для дальнейшего анализа; это возможно и в *AntConc*, но занимает больше времени. Для проведения настоящего исследования обе программы использовались совместно.

ВЫВОДЫ

1. Современная гуманитарная наука исходит из того, что язык как форма социальной практики является инструментом смыслопорождения и способом конструирования социальной реальности. В настоящее время понимание языка неразрывно связано с понятием дискурса как формы представления знаний о мире. В данном исследовании под дискурсом противодействия терроризму понимается совокупность соотнесённых с историческим и социокультурным контекстом и тематически связанных текстов разных жанров, в которых закреплены характерные для американской политической риторики значения (мнения), касающиеся терроризма, его истоков, агентов и способов борьбы с ним.

2. Дискурс-анализ как исследовательский метод раскрывает логику и языковые особенности конструирования фрагментов социальной реальности – от способов репрезентации идентичности до позиционирования глобальных процессов. Корпусно ориентированный дискурс-анализ позволяет исследовать языковые конструкты на материале весьма значительных по объёму собраний текстов – корпусов. При этом корпусная лингвистика помогает избежать субъективности при выборе темы и материала для анализа (позволяет выделить наиболее релевантные вопросы и статистически обоснованный материал). В свою очередь критический дискурс-анализ позволяет учесть в ходе исследования более широкий культурный и исторический контекст. Его сочетание с корпусным анализом позволяет делать обоснованные обобщения относительно тенденций, выявленных на небольшом объёме материала, даёт возможность установить (верифицировать) их репрезентативность и релевантность для изучаемого дискурса.

3. Использование специализированного программного обеспечения позволяет выявить неочевидные закономерности и скрытые смыслы в анализируемых текстовых массивах. С учётом поставленных в работе целей был отобран соответствующий инструментарий: анализ KWIC (*keyword-in-context*), составление списка слов (*wordlist*) и списков коллокаций, сортировка слов по частотности, право- и левосторонней сочетаемости, выявление ключевых слов каждого подкорпуса по сравнению со всем корпусом, а также проведение статистических тестов на индекс взаимной информации (*MI*) и логарифмическое правдоподобие (*LL*). Индекс взаимной информации показывает, насколько определённое словосочетание неслучайно в анализируемом контексте, а тест на логарифмическое правдоподобие рассчитывает силу связи между словами, являясь способом вычисления ключевых слов изучаемого текста по сравнению с другим, большим по объёму текстом.

ГЛАВА II. ДИСКУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В современном гуманитарном знании терроризм трактуется как социальный конструкт, опосредованный конкретными дискурсивными практиками. Так, для подавляющего большинства людей «реальность» террористической организации «Аль-Каида», получившей широкую известность после событий 11 сентября 2001 г., определяется интерпретациями американских политиков и военных. Аналогично политика противодействия терроризму основывается не столько на так называемом объективном знании об «Аль-Каиде», сколько на представлениях, сложившихся об этой организации благодаря политическому, научному и медийному дискурсам.

Роль языка как опосредующего инструмента фактических мер по противодействию терроризму подчёркивает, в частности, американский исследователь Р.Джексон. Анализируя дискурсы о терроризме в книге “Writing the War on Terrorism”, он делает вывод, что на базовом уровне практика противодействия терроризму фактически определяется (задаётся) дискурсом о противодействии терроризму [Jackson 2005: 8–9, цитата по Spencer 2010: 80].

Публичный дискурс о терроризме зародился в США в начале 1970-х гг. и с тех пор претерпел некоторые изменения. События 11 сентября 2001 года стали отправной точкой вооружённой и информационной «войны» с терроризмом в лице исламских экстремистов Аль-Каиды. Последующие события и их освещение в политическом, медийном и академическом пространствах способствовали тому, что американский дискурс противодействия терроризму принял глобальный характер.

2.1 Феномен терроризма в современной гуманитарной науке

Большая часть научных дискуссий и публикаций по рассматриваемой теме относится к сферам политологии, социологии, юриспруденции и культурологии. Собственно лингвистических исследований, посвящённых данной теме, немного; при этом языковые наблюдения часто оказываются вплетёнными в более широкий политический контекст. Необходимость и важность лингвистического анализа политики противодействия терроризму связана с тем, что в настоящее время термин «терроризм» приобретает новые оттенки значения, а упоминаемые в контексте борьбы с терроризмом понятия переосмысливаются и наполняются новыми ассоциациями.

2.1.1 Эволюция понятия «терроризм»

Терроризм как форма политической борьбы появился во времена Французской революции и реакции, последовавшей за ней. Впервые термин «террор» в его современном понимании был использован около 1794 г. как именование политики защиты молодой Французской республики от контр-революционеров. «Великий террор» был направлен против реальных и воображаемых врагов революции, и его жертвами стали в общей сложности более 17 тысяч человек.

В России в XIX в. терроризм также стал орудием революционной борьбы. Организация «Народная воля» использовала динамит и бомбы при покушениях на монарших особ и государственных деятелей Российской империи.

Во второй половине XX в. терроризм стал преимущественно ассоциироваться с различного рода националистическими движениями, в первую очередь сепаратистскими, ставившими целью создание нового независимого государства на территории другой страны путём отделения от неё. Так появился, например, еврейский терроризм, направленный против колониальной власти Великобритании, которая препятствовала становлению

государства Израиль. Примером может служить еврейская террористическая группа «Иргун», которая своими действиями пыталась апеллировать к мировой общественности, вынося локальный конфликт за пределы своей страны и даже метрополии» [Хоффман 2006: 60, цитата по Журавлёв 2009: 161]. С этого момента важное место в деятельности террористических групп начинает занимать интернационализация проблемы, в основном с помощью освещения собственных действий в западных СМИ.

Социологи Й.Александр и М.Крафт (2007) впервые описали новую разновидность (измерение) феномена терроризма, назвав его «зрелищным», телевизионным терроризмом (“spectacular”, television terrorism) [Alexander, Kraft 2007: 2]. Появление данного феномена они относят к началу 1970х гг. Трагическими знаковыми событиями того периода стали убийство 11 израильских атлетов на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году и захват заложников в американском посольстве в Тегеране в 1979 г.

События в Тегеране ярко продемонстрировали интерпретативную составляющую анализируемого понятия: если в западных странах эти события трактовались как акты терроризма, то в советской историографии подобные действия концептуализировались как национально-освободительная борьба народов против империалистического гнёта и защита национальных интересов. В статье, посвящённой слову «террор» в «Словаре иностранных слов» 1955 года издания, находим: «...после второй мировой войны империалистические правительства, особенно империалисты США, широко используют методы террора для борьбы против растущего демократического движения народов, против коммунистов и передовых борцов за мир, демократию и социализм, против национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах» [Словарь иностранных слов 1955: 687].

Американский *Historical Dictionary of Terrorism* позиционирует 1980е гг. как время, когда террористические группировки стали получать поддержку правительств различных государств для достижения своих

внешнеполитических целей. К числу таких стран авторы словаря относят как сами Соединённые Штаты, так и их идеологических противников – СССР, Иран, Ирак, Сирию, Северную Корею. Подобного рода «государственный терроризм», по мнению авторов, позволил террористическим организациям достичь ранее невозможного уровня финансовой, логистической и тактической поддержки [Anderson, Sloan 2009: lvi – lx].

Начиная с 1990х-2000х гг. отмечаются изменения как в способах проведения террористических актов, так и в мотивации их организаторов. Всё большее значение начинает приобретать религиозный фактор, а среди способов проведения терактов появляются такие, например, как использование шахидов (лиц, подрывающих себя в ходе терактов). В дальнейшем, в 2010-х гг., становится всё более распространённой практика «точечных» актов терроризма без какого-либо последующего выдвижения требований или иных комментариев; крупные террористические организации всё реже берут ответственность за совершённые теракты.

Кроме того, в это же время резко возрастает роль Интернета как инструмента рекрутирования новых террористов, распространения радикальных идей и как площадки проведения так называемых «кибер-атак». Интернет позволяет кибертеррористам координировать свои действия без привязки к конкретному месту, оставаясь при этом неизвестными.

Чтобы выделить эти и другие изменения, западные исследователи (например, Lacquer 1999; Spencer 2010; Hoffman 1998 и др.) начиная с 1990х гг. вводят в употребление термин «новый терроризм» ('new terrorism'). Параллельно существует и так называемый «старый», «традиционный» ('old', 'traditional' terrorism – терроризм, под которым понимаются действия террористов в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах. К отличительным чертам «нового терроризма» относят, в частности, следующие:

- 1) преимущественно религиозная, в первую очередь, «происламская» мотивация действий террористов;

- 2) отказ идти на компромисс и договариваться (отсутствие какого-либо стремления к конструктивному диалогу с властями);
- 3) глобальный (невыполнимый) характер требований террористов;
- 4) коренные изменения в организационной структуре террористических организаций – их децентрализация и бóльшая автономность;
- 5) изменение подходов к применению насилия, «неизбирательность» и «случайность» жертв террористических актов;
- 6) появление реальной угрозы применения террористами оружия массового поражения [Field 1999: 197 - 200].

По мнению отечественных исследователей В.В.Чеботарёва и А.В.Ивлиевой, введение понятия «новый терроризм» отвечало потребностям западных (в первую очередь американских) политиков и политологов. Если раньше проблемы международного терроризма связывались с «происками Москвы» и коммунистической идеологией, то после распада СССР и социалистического блока возникла необходимость в поиске новых «покровителей» и «идеологов» терроризма, и им стал ислам. Исследователи вслед за британским профессором Д.Миллером (2011) отмечают, что многие из нынешних западных экспертов по терроризму ранее были специалистами по Советскому Союзу [Чеботарёв, Ивлиева 2015].

Идеи «нового терроризма» анализируются и рядом отечественных исследователей (В.Г.Федотова, И.П.Добаев и А.И.Добаев, М.П.Одесский и М.Д.Фельдман и др.). Различия между «новым» и «традиционным» терроризмом видятся им во многом искусственными и преувеличенными. Так, М.П.Одесский и М.Д.Фельдман утверждают, что террористический акт 11 сентября 2001 года, ставший своего рода краеугольным камнем для сторонников «нового» терроризма, по сути является «классическим». Единственное отличие, по мнению исследователей, состоит в том, что «раньше было принято немедленно брать на себя ответственность за совершённые акты, сейчас же это происходит не всегда. Строго говоря, это не такое уж принципиальное различие» [Одесский, Фельдман 2012: 13].

В отечественных научных публикациях по вопросам терроризма чаще используются термины «современный терроризм» и «международный терроризм». В вышедшем в 2002 году сборнике под редакцией А.В.Фёдорова российские исследователи рассматривают изменения, происходящие в терроризме на рубеже веков, но, в отличие от американских коллег, определяют его новую форму как «супертерроризм». При этом они выделяют те же «новые» черты, присущие терроризму: стремление к использованию высоких технологий, в том числе оружия массового уничтожения, стремление нанести значительный ущерб государству и осуществить массовое уничтожение населения, изменение организационных форм террористических организаций и т.п. [Фёдоров 2002].

Приведённый краткий обзор развития представлений о терроризме подтверждает историчность и идеологичность данного феномена. Терроризм являет собой социальный конструкт, в структуре которого можно выделить как фактологическое, так и интерпретативное измерения.

2.1.2 Подходы к определению терроризма

В академической среде интенсивная работа по определению сущности терроризма началась с момента учреждения в 1972 году Генеральной Ассамблеей ООН специального комитета по международному терроризму. Применительно к целям настоящего исследования в лингвоконцептологическом аспекте представляется целесообразным остановиться на различиях между понятиями *terror* и *terrorism*.

Сайт *visuwords.com*, графически изображающий тезаурус к любому слову и связи между понятиями, представляет «терроризм» частью «террора», что делает «террор» гиперонимом по отношению к «терроризму». Одной из особенностей этого тезауруса является также то, что при наведении курсора на любое из понятий всплывает определение этого понятия. «Террор» определяется этим тезаурусом как *the use of extreme fear in order to*

coerce people; «терроризм» же – это the calculated use of violence (or the threat of violence) against civilians in order to attain goals that are political or religious or ideological in nature; this is done through intimidation or coercion or instilling fear.

Примечательно, что в понятие «террор» тезаурус включает три смысловых группы: 1) *panic, terror, affright – an overwhelming feeling of fear and anxiety*; 2) *terror, scourge, threat; brat – a person who inspires terror or dread; a troublesome child*; 3) *the use of extreme fear to in order to coerce people.*

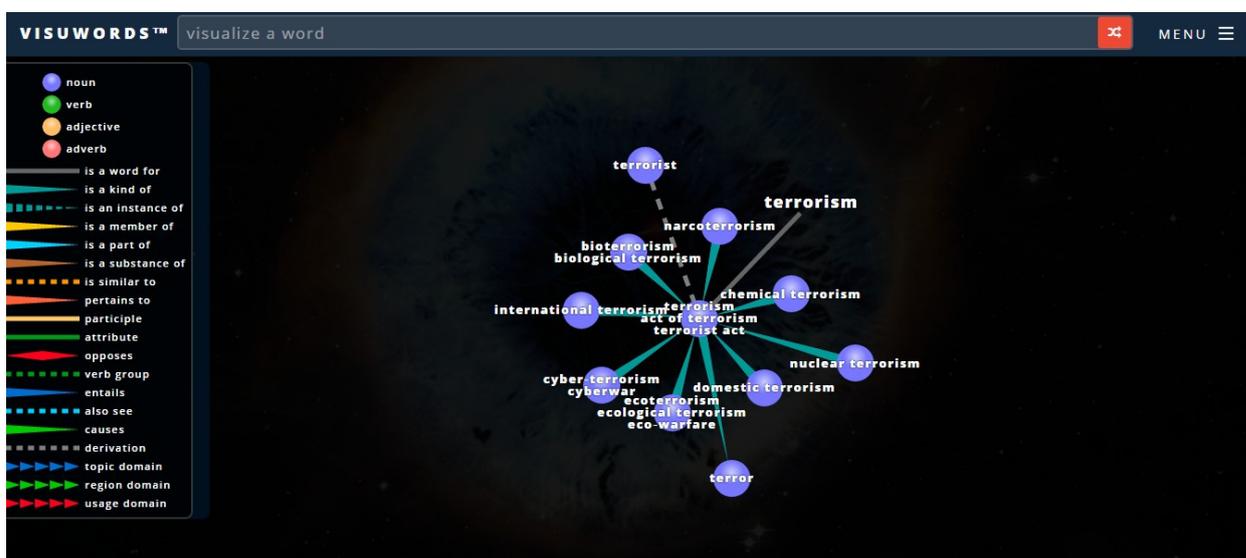

Рис. 5. Визуализация лексемы “terrorism” на сайте Visuwords.com

На вышеприведённой схеме также отчётливо видны те сферы или измерения, в которых существует современный терроризм. Это в первую очередь уже упоминавшийся кибер-терроризм, ядерный, химический и биотерроризм, а также нарко- и эко-терроризм. По сути, эти разновидности терроризма отражают различные его проявления, имевшие место в последние десятилетия. Понятия «международный» (international) и «внутренний» терроризм (domestic terrorism) манифестируют географическое измерение терроризма.

Александр Спенсер [Spencer 2010] подробно останавливается на проблеме нахождения универсального определения терроризма. Он указывает, что большинство исследователей сходятся на присутствии в

структуре понятия «терроризм» сем насилия и политической мотивации этого насилия. Разногласия в определении терроризма более многочисленны и касаются средств и целей насилия, природы объектов нападения, статуса террористов и их жертв. Нет единства и в решении вопроса о том, относить ли к жертвам терактов только гражданское население, или теракты могут также быть направлены против полиции и военных; отбираются ли объекты терроризма специально в силу их символического характера или являются случайными мишенями. Помимо этого, существуют разные взгляды на цели терроризма и его «коммуникативную стратегию» (что хотят сказать террористы тем или иным актом или действием) [Spencer 2010: 3].

С одной стороны, трудности в определении терроризма связаны с проблемой номинации (нахождением точных слов для названия конкретного действия) и разграничением терроризма и таких явлений, как партизанская война и экстремизм. С другой стороны, в определении терроризма велика роль интерпретативной составляющей. Другими словами, чтобы определённое действие было расценено как терроризм, оно должно быть соответствующим образом интерпретировано. Терроризм – это социальный конструкт и в этом смысле может пониматься как дискурсивное явление. При этом конструктивистский подход не отрицает «реальное», или «материальное», существование терроризма. Не подвергается сомнению факт существования реальных людей, которые совершают конкретные насильственные действия, однако наименования этих действий во многом являются следствием их интерпретации [Spencer 2010].

Анализ научной литературы позволил выделить три подхода к определению терроризма.

Учёные, придерживающиеся первого подхода, считают, что проблема нахождения универсального определения терроризма не может быть решена. К примеру, один из видных исследователей терроризма У.Лэкер считает, что «исчерпывающего определения терроризма [...] не существует и не будет найдено в обозримом будущем» [Lacquer 1977: 5].

К другой группе можно отнести исследователей, которые не стремятся дать одно универсальное определение терроризма, а продолжают предлагать свои определения и обсуждать сильные и слабые стороны каждого из них. Так, например, Дж.Саймон насчитал 212 разных определений терроризма, предложенных в разные годы, 90 из которых использовались правительствами и другими государственными учреждениями [Simon 1994: 29, цитата по Spencer 2010: 3].

Учёные, придерживающиеся третьего подхода, продолжают поиски единого универсального определения терроризма. Поиски такого определения возобновились после событий 11 сентября 2001 года (Ganor 2002; Schmid 2004; Weinberg et al. 2004).

2.1.3 Динамика значения и сочетаемости слова terrorism

В последнее время слово «терроризм» начинает проникать в разнообразные контексты, значительно расширяя своё первоначальное значение. Оно употребляется с разнообразными прилагательными, что отражает высокую степень эмоционального накала, связанного с данными явлениями, что во многом размывает точный смысл слова «терроризм». Среди недавно появившихся коллокаций подобного рода можно отметить «расовый терроризм», «сексуальный терроризм», «экономический терроризм» и т.д. Слово «терроризм» может употребляться даже в контекстах, весьма далёких от тематики насилия и устрашения, например, терроризм может быть *культурным* (под этим понимается запрет к посещению или пользованию предметами или символами культурной жизни [www.cccp-revivel.blogspot.com, дата публикации - февраль 2012] или, в ещё более современном контексте, разграбление террористами ИГИЛ древних архитектурных памятников и продажа артефактов на чёрном рынке [www.ria.ru, дата публикации: 17 сентября 2015], *налоговым* (понимается как выдвижение необоснованных или необоснованно завышенных налоговых

требований [www.rusolidarnost.ru, дата публикации: 17 августа 2009], *музыкальным* (вброс во всемирную паутину официально ещё не изданного альбома или композиции [www.europaplustv.com, дата публикации: 18 декабря 2014] либо производство и прослушивание низкопробной музыки, особенно подростками [[http://www.urbandictionary.com/define.php?term=musical%20 terrorism](http://www.urbandictionary.com/define.php?term=musical%20terrorism), дата публикации: 13 октября 2005]), *бумажным* (оформление и отправка поддельных официальных документов, писем и т.д. официальным лицам, особенно в США [<http://definitions.uslegal.com/p/paper-terrorism/>, дата доступа 12 февраля 2016]) и даже *лингвистическим*. Последнее словосочетание имеет несколько значений: во-первых, так называемый «граммар-нацизм» [<https://rus.stackexchange.com/questions/37397/Лингвистический-терроризм-как-объект-внимания-литературы>, дата публикации: 11 августа 2014], во-вторых, засилье ненормативной лексики, льющейся из Интернета и разлагающей (русский) язык изнутри – особенно на примере культуры «рэп-баттлов» [http://zavtra.ru/blogs/lingvisticheskiy_terrorizm, дата публикации: 22 августа 2017] и, в-третьих, невозможность изучения или использования родного языка [<https://regnum.ru/news/1580779.html>, дата публикации: 12 октября 2012].

Из вышеизложенного можно заключить, что в структуру значений слова «терроризм» в последние годы вошли дополнительные семы «незаконное лишение (ограничение) прав и свобод в какой-либо сфере» / «навязывание собственных интересов в грубой манере» (ср. «терроризировать»). Данные примеры подтверждают интерпретируемость анализируемого явления. Говорящий в процессе коммуникации, по сути, каждый раз заново создаёт подобные словосочетания, вкладывая в них соответствующий смысл.

Дефиниционная размытость и активное употребление слов «терроризм», «террорист» в средствах массовой информации акцентируют его экспрессивно-оценочный компонент.

2.2 Дискурс противодействия терроризму в отечественной и зарубежной лингвистике

В отечественной лингвистике исследованиям дискурса борьбы с терроризмом до настоящего времени уделялось немного внимания. Подавляющее большинство научных публикаций о терроризме на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) относятся к области политических, социальных или философских наук. Поиск по запросу «дискурс войны с терроризмом» (дата поиска: 03 июня 2016 г.) дал 1665 результатов, из них собственно лингвистических публикаций было всего 24, или 1,5%.

Аналогичные выводы были сделаны в ходе анализа каталога защищённых диссертаций. Каталог размещён на сайте www.dislib.net и позволяет вести поиск по работам с учётом русской морфологии. Запрос «терроризм» дал 353 результата по диссертационным работам, защищённым в период с 2006 по 2015 гг., включая ряд диссертаций, защищённых в Казахстане и Таджикистане (дата доступа к ресурсу: 13 мая 2016 г.).

Наибольшее число диссертаций, в названии которых используется словоформа *терроризм**, подготовлено на соискание учёных степеней докторов и кандидатов юридических (130) и политических наук (107). Далее по убывающей следуют диссертации на получение учёных степеней в области философии (28), исторических (28) и социологических (21) наук. Было найдено всего 15 диссертаций на соискание степени кандидата филологических наук. Их хедлайн-анализ показал, что большинство работ написаны на материале газетных публикаций или медиадискурса (9) на английском, немецком, арабском или французском языках. Четыре диссертации содержали сравнительную характеристику Россия – США или Россия – Германия, а также сравнение между дискурсами о терроризме в США и Великобритании. Во всех диссертациях исследуется понятие «терроризм» (или «международный терроризм») либо дискурс о терроризме,

однако ни в одной из них нет обращения к методам корпусной лингвистики или критического дискурс-анализа, что подтверждает новизну и актуальность настоящей работы.

Краткий обзор публикаций, отобранных в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru позволяет заключить, что интерес отечественных исследователей в целом сосредоточен на изучении медийных дискурсов о терроризме и их влиянии на понимание терроризма (Нурутдинов, Сафин, Салагаев (2012), Рыкова (2015), Квасов (2009), Шейхова (2013), Георгиева, Дондик (2016), Кобылин, Николаи (2013), Романов, Щепланова, Ярская-Смирнова (2003), а также на исследованиях политического дискурса на примере, главным образом, США (Николаи (2014), Бачурин (2015), Петров (2003), Гаврилова (2010), Цыцаркина (2011), Сизова (2008), Кубышкина (2012), Акопова (2014). Две публикации являются работами в области когнитивной лингвистики (Петров (2003), Цыцаркина (2011)).

Отдельные аспекты дискурса противодействия терроризму изучаются с точки зрения концептуальной метафоры (Кубышкина (2012), Гаврилова (2010), Рыкова (2015), Георгиева, Дондик (2016)) и в аспекте противопоставления «Свой/ Я – Чужой/ Другой» (Шейхова (2013), Николаи (2014)). В.Б.Петухов (2013) рассматривал конструирование образа террориста в текстах представителей власти. Образ женщины-террористки был проанализирован в работе Романова, Щеплановой, Ярской-Смирновой (2003). Ряд работ посвящен определению понятий террора и/или терроризма (Сизова (2008), Рыкова (2015), Петров (2003), Квасов (2009)), сравнению антитеррористических дискурсов отдельных политиков (Кун (2013)). Способам легитимизации «войны с терроризмом» посвящена статья В.Д.Бачурина (2015).

В научных трудах отечественных исследователей анализируемый феномен получает различные наименования: «антитеррористический дискурс», «дискурс борьбы с терроризмом» (Кун (2013), Макарычев (2006)), «террористический дискурс» (Ильина-Соловьёва (2013), Найдина (2015),

Квасов (2009)), «антиэкстремистский дискурс» (Касьянов (2015)), «дискурс противодействия терроризму» (Шутова (2015)).

В зарубежной англоязычной науке феномен терроризма исследуется с 1970х гг. Для настоящего исследования интерес представляют следующие направления:

1. Изучение президентской риторики (в основном Дж.Буша-мл.) и стратегий легитимизации «войны с терроризмом» (Johnson (2002), Bostdorff (2003), Murphy (2003), Kang (2003), Hutchinson, Domke, Billeaudeau, Garland (2004)), в которых необходимость военных действий против террористов объясняется фундаментальными различиями между западным и исламским мирами и представлением хороших «нас» и плохого «другого» (Bankoff (2003), Bostdorff (2003), Kang (2003), Spielvogel (2005), Winch (2005)). Риторически развязывание войны с терроризмом также обосновывается использованием (политических) мифов, обращением к исторической памяти американцев и конструированием национальной и культурной идентичности (отличной от культурной идентичности мусульман) в работах авторов Gunn (2004), Hutcheson, Domke, Billeaudeau, and Garland (2004), Johnson (2002), Kang (2003), Merskin (2004), Nossek and Berkowitz (2006), Winch (2005).

2. Дискурсивные исследования президентских нарративов (Winkler (2006), Hodges (2007, 2008), Bankoff (2003), Lazar and Lazar (2004), Willis (2005)), а также нарративов, конструируемых и применяемых в новостных дискурсах (Chouliaraki (2004), Kitch (2003), Nossek and Berkowitz (2006), Rojecki (2005)).

3. Исследования метафорического конструирования противодействия терроризму в терминах военных действий («война» с терроризмом) и с помощью метафор истребления и дегуманизации (Steuer and Wills (2008), Lazar and Lazar (2004), Spencer (2010), Charteris-Black (2005)).

4. Концептуализация войны с терроризмом в русле глобализации (в политике и СМИ) и реконтекстуализации дискурса противодействия терроризму в других странах и регионах мира применительно к местным

условиям (Fairclough (2006), Rojecki (2005), Volcic and Erjavec (2007), Winkler (2006)).

Таким образом, большинство российских исследователей обращаются к конкретным аспектам американского дискурса о терроризме / войны с терроризмом или конкретно к событиям 11 сентября 2001 года, тогда как зарубежные исследования характеризуются междисциплинарным характером и охватывают более широкий круг тем. Внимание как российских, так и зарубежных учёных в основном сосредоточено на политическом и медийном дискурсах о терроризме, при этом отечественных учёных меньше интересуют вопросы легитимизации войны с терроризмом и нарративы (официальных лиц) о ней, в то время как эти темы являются центральными в работах ряда западных коллег. Дихотомия «свой – чужой» в отечественной лингвистике рассматривается в аспекте метафоричности, а в западной – в культурологическом и социальном контекстах. Отдельные аспекты дискурсивных практик исследуются в России с позиций когнитивной лингвистики.

В целях проводимого исследования представляется целесообразным подробнее остановиться на изучении метафоры «войны» с терроризмом и реконтекстуализации данного дискурса в других культурах и регионах.

2.2.1 Метафора «войны» с терроризмом как дискурсивный приём

Впервые словосочетание *war against terrorism* было использовано администрацией Р.Рейгана в 1984 году как часть кампании по принятию законов для заморозки счетов террористических групп после взрывов казарм американских и французских миротворцев в Бейруте в 1983 г.

В 2001 г. в Кэмп-Дэвиде Дж. Буш «воскресил» это словосочетание, использовав его применительно к ситуации, возникшей в стране после 11 сентября: “*This crusade, this war on terrorism is going to take a while...*”. Впоследствии он принёс извинения за слово *crusade* из-за негативных коннотаций, которые словосочетание «крестовый поход» имеет для мусульман, и более его не использовал. Несмотря на это, начиная с 2001 года

ислам в лице террористических (фундаменталистских, экстремистских) групп фактически стал основным врагом США в борьбе с терроризмом.

20 сентября 2001 года во время обращения к объединённой сессии Конгресса Буш фактически объявил войну терроризму, заявив следующее: *“Our “war on terror” begins with al-Qaeda, but it does not end there. It will not end until every terrorist group of global reach has been found, stopped and defeated.”* [Alexander, Kraft 2007: 253 (I)]

В своей книге *Metaphors We Live By* Дж.Лакофф и М.Джонсон утверждают, что восприятие человеком социального мира в значительной степени структурировано концептуальными системами, которые, как правило, в первую очередь метафоричны (Lakoff, Johnson 1980). Концептуальные метафоры структурируют наше понимание мира, отношение к людям и событиям. Метафора «войны» с терроризмом очень показательна в этом отношении. Она активно применяется как на бытовом, так и на политическом уровне. После событий 11 сентября 2001 г. Госсекретарь США Лоуренс Иглбергер официально заявил на канале CNN: *“there is only one way to begin to deal with people like this, and that is you have to kill some of them even if they are not immediately directly involved in this thing.”* [цитата по Steuer, Wills 2008: xi].

Авторы книги *At War with Metaphor* Э.Штойер и Д.Уиллз утверждают, что механизм метафоры «войны с терроризмом», как и в случае с «войной с наркотиками» в 1980х гг., работает следующим образом: пребывание в состоянии войны вызывает определённые ассоциации и одновременно уменьшает большую абстрактную проблему до размера чётко определённого, упрощённого, персонифицированного и не представляющего больших проблем объекта. Как только противник – будь то наркотики или терроризм – персонифицирован, метафорически превращён во что-то человекообразное, победа над врагом представляется вполне возможной [Steuer, Wills 2008: 8].

Отвечая на вопрос о том, почему Белый дом настолько сузил представление о конфликте, что метафора войны стала основной в его

представлении, Штойер и Уиллз полагают, что привлекательность этой метафоры состоит в её послыле. Они отмечают, что ложная ясность метафоры войны эффективно маскирует множество сложностей войны с терроризмом, например, неопределённость в понимании «врага», против которого ведётся война. В результате в дискурсе войны с терроризмом неясно, является ли врагом сам терроризм или те, кто его им занимается, кто планирует и спонсирует террористические акты. Если война ведётся с самим терроризмом как явлением, то не ясно, как сражаться с абстракцией и в чём конкретно будет заключаться победа в такой гипотетической схватке. Приводится цитата другого исследователя, Майкла Эрарда, отмечающего, что метафора «войны» с терроризмом намеренно воспроизводит фрейм времен Холодной войны, в которой США объявили войну другому абстрактному объекту – коммунизму. Метафора «войны» с терроризмом, таким образом, предполагает победу и в этой новой войне [цитата по Steuer, Wills 2008: 8].

Метафора войны предлагает определённый словарь для описания событий и акторов (мы против них, наши противники против наших союзников). Глаголы также выполняют идеологическую работу – на войне «атакуют», «защищают», «наносит удар», «вступают в бой» с врагом, разрабатывают тактику и стратегические цели и используют «все необходимые средства». Глаголы могут акцентировать активную позицию, заменяя роль жертвы ролью агрессивного противника. Важны и прилагательные: например, американские военные в политической риторике подобного рода обычно сильные и активные, а гражданское население – неопытное, малоосведомлённое и, соответственно, не имеющее права голоса [Steuer, Wills 2008: 9 - 10].

Помимо метафоры войны в публичном дискурсе США и европейских стран применительно к терроризму и террористам используются также метафора болезни и стратегия дегуманизации. Так, *The Washington Post* опубликовала статью под названием *Terrorism as Virus* [www.washingtonpost.com, дата публикации: 23 августа 2005], а обладатель

Пулицеровской премии колумнист М.Дауд (Maureen Dowd) пишет в *The New York Times*, что Аль-Каида “[is] replicating and coming at us like cockroaches.” [www.nytimes.com, дата публикации: 3 марта 2003]

Метафоры дегуманизации, применяемые при обсуждении проблем терроризма, оказывают мощное воздействие на образ мыслей и поступки людей; систематически отрицая наличие у террористов человеческих качеств, они создают почву для насильственных действий в отношении них и когнитивную рамку для определённой интерпретации этих действий (конструирования образа врага). Образы нашествия паразитов опосредованно предлагают единственное решение проблемы – беспощадное истребление, что воспринимается как более приемлемый способ, когда террористы позиционируются не как люди.

Ещё одним важным аспектом метафоры войны, по мнению учёных, является присущее ей внутреннее самооправдание. Метафора войны предполагает ситуацию, в рамках которой насильственные действия в отношении террористов оправданы и неизбежны. Эта парадигма предполагает, что США находятся в состоянии войны потому, что изначально война была объявлена им. Нарратив войны предлагает общественности следующую перспективу произошедшего: американские общество и культура находятся под угрозой нападения группы, угрожающей американским идеалам. Такой идеологический дискурс заставляет рядовых граждан принять позицию власти и даёт импульс культурному противостоянию [Winkler 2006: 15 – 16].

Многие авторы, настороженно или критически относящиеся к метафоре войны с терроризмом, указывают не только на её идеологическую силу, но и на мощный политический эффект, который она может оказывать. Так, С.Зонтаг уверена, что из-за неопределённости «врага» война с терроризмом может никогда не закончиться, что это по сути «мандат на расширение использования американской (военной) силы» [цитата по Steuer,

Wills 2008: 12]. Помимо этого, метафора войны отрицает любую возможность защиты страны невоенным путём.

Любопытное наблюдение было сделано А.Ходжесом. Он отмечает, что метафора «войны с террор(изм)ом» стала способом демонстрации политической аффилиации. Так, новостная медийная сеть *FoxNews.com*, придерживающаяся прореспубликанского взгляда на события в мире, с 2004 г. до 2012 г. в основном использовала заглавные буквы в названии рассматриваемого феномена (*War on Terror*), в то время как остальные СМИ продолжали использовать строчные буквы во всём изучаемом корпусе. Он делает вывод, что написание с заглавной буквы представляет войну с террор(изм)ом не просто метафорой, а скорее именем собственным для обозначения настоящей военной кампании: превращение войны с терроризмом в имя собственное придаёт ей историческую важность. Кроме того, как отмечает А.Ходжес, написание с заглавной буквы актуализирует глобальный характер рассматриваемого явления [Hodges 2008: 162].

Б.Обама редко использовал подобную метафору, хотя в своем инаугурационном обращении от 20 января 2009 года он тоже обратился к ней, сказав: “*Our nation is at war, against a far-reaching network of violence and hatred*” [<https://www.whitehouse.gov>, дата публикации: 21 января 2009]. В марте 2009 года Министерство Обороны США официально изменило название операции с *Global War on Terror* на *Overseas Contingency Operation* [www.washingtonpost.com, дата публикации: 24 марта 2009], после чего администрация Обамы попросила сотрудников Пентагона также придерживаться нового термина.

В 2010 г. административно-бюджетное управление при президенте США переименовало *Overseas Contingency Operation* в «меры по противодействию воинствующему экстремизму» (*Countering Violent Extremism*) [www.theatlantic.com, дата публикации: 20 мая 2010], а 23 мая 2013 года Б.Обама объявил, что Соединённые Штаты официально завершили войну с терроризмом. По его словам, США “*must define our effort not as a*

boundless 'Global War on Terror,' but rather as a series of persistent, targeted efforts to dismantle specific networks of violent extremists that threaten America” [www.usnews.com, дата публикации 23 мая 2013].

2.2.2 Реконтекстуализация глобального дискурса войны с терроризмом

Дискурс противодействия терроризму является катализатором социальных изменений и формирования новых отношений в мире. Видный исследователь терроризма Р.Джексон (2005) выделил несколько основных положений (ключевых смыслов), артикулируемых в дискурсе войны с терроризмом: 1) Наступила новая эра, несущая новые угрозы, на которые нужны новые ответы; 2) Америка и её союзники (олицетворяющие «цивилизацию») столкнулись с беспрецедентными рисками, требующими экстраординарных мер; 3) Те, кто представляют риски и опасность, являются силами «зла»; 4) Америка и её союзники – силы «добра», и их действия продиктованы моральными ценностями [цитата по Fairclough 2006: 125].

В книге *Language and Globalization* (2006) Н.Файерклаф описывает причины формирования, институционализации и распространения (легитимации) дискурса войны с терроризмом. Появление дискурса войны с терроризмом, по его мнению, мотивировано потребностью США узаконить переход к «жесткой» власти ('hard' power) перед лицом значительной внутренней и международной оппозиции. Этот дискурс направлен на узаконивание мер, которые в итоге приводят к ограничению демократических свобод, например, когда вводят или легитимируют более продолжительный срок пребывания в тюрьме без суда подозреваемых в терроризме.

Институционализация дискурса войны с терроризмом закреплялась многими официальными механизмами, включая антитеррористическое законодательство и изменения в законодательстве в части обеспечения безопасности, а также в изменениях в правилах международных поездок и проведения международных банковских сделок [Fairclough 2006: 123 – 125].

Анализ риторики Дж.Буша, касающейся войны с террором, проведённый А.Ходжесом (Hodges (2008), Hodges and Nilep (2007)) акцентирует противоречия между террористами и их жертвами и между «фанатичными» исламскими фундаменталистами и «рациональными» представителями западного мира. Исследователь отмечает, что этот дискурс стал инструментом конструирования мировой политики и международных отношений. Например, тот факт, что Дж.Буш назвал атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года стартовым моментом для объявления войны с террор(изм)ом, стал, по сути, разрешением на развёртывание военных действий в Ираке и в других странах (Hodges 2008).

Глобальный характер дискурса войны с терроризмом подтверждается его реконтекстуализацией в других странах и регионах. Так, в период с октября 2001 года по 2004 год исследователями были проведены интервью с сербскими журналистами, художниками, писателями и политиками в возрасте от 23 до 40 лет. Им задавали вопросы, касающиеся военных конфликтов на территории Югославии и событий 11 сентября 2001 года. Результаты проведённого исследования позволили сделать вывод о том, что дискурс войны с терроризмом, объявленной Бушем в 2001 году, стал основой для артикуляции дискурса сербской войны с терроризмом [Volcic, Erjavec 2007, цитата по Coupland 2010: 308].

При выражении собственной политической позиции после падения правительства Милошевича сербская интеллигенция использовала американский дискурс борьбы с террором для характеристики конфликта в бывшей Югославии. Как отмечают учёные, глобальный дискурс войны с террором предлагал сербам готовый шаблон для позиционирования себя на мировой арене и обозначения врага, с которым они столкнулись. Молодые сербы дискурсивно приравнивали террористический акт 11 сентября 2001 года к насилию, применённому мусульманами в югославских войнах. К примеру, один из респондентов, участвовавших в опросе, заявил, что сербы «сражались с «осамовскими террористами» ('the Osama terrorists') уже тогда

[в Боснии и Герцеговине]», употребляя имя лидера Аль-Каиды в качестве прилагательного для персонификации понятия «террорист» как врага сербской нации. Кроме того, негативный образ ислама, составляющий идеологическую основу дискурса, легко воспроизводится в сербском дискурсе войны с террором, где боснийские и косовские мусульмане представляются как «террористы», «исламские фундаменталисты» и «исламские радикалы». Этот местный дискурс воспроизводит западный стереотип о мусульманах и исламе, заключают авторы [Volcic, Erjavec 2007, цитаты по Coupland 2010: 308 - 312].

Американский президентский дискурс нередко служит своего рода образцом для политиков других стран – например, в случае официального оправдания израильским премьер-министром А.Шароном воздушных атак на палестинцев на западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа в декабре 2001 г. Вторя риторике администрации Буша после теракта 11 сентября, Шарон заявил: «Так же, как США ведёт свою войну против международного терроризма, используя всю свою мощь, так же будем поступать и мы» [*Excerpts from talk by Sharon*, цитата по Winkler 2006: 4].

Таким образом, Н. Хомский, Н. Файерклаф и другие исследователи связывают глобализацию американского дискурса противодействия терроризму с изменением общего курса внешней политики США в сторону использования «жёсткой силы». При этом он оказался востребованным не только у давних союзников США (например, у Израиля), но и активно локализуется в других регионах, адаптируясь под местные реалии.

ВЫВОДЫ

1. Историческое, культурное и политическое разнообразие форм, методов и мотивов терроризма обуславливает трудность его универсального определения. Важное значение имеет и идеологически обусловленная интерпретативная составляющая данного феномена, когда одни и те же насильственные действия, например, могут трактоваться как терроризм и как

национально-освободительная борьба. В последние годы слово «терроризм» расширяет своё значение и все чаще используется в переносном смысле (в словосочетаниях типа *Adj + terrorism*) для усиления экспрессивности соответствующих высказываний.

2. Глобализация средств массовой информации и бурное развитие интернета обусловили изменения в структуре и характере террористических организаций, способах проведения террористических операций и распространения информации о них. Ещё более важным фактором в мотивации террористов стал религиозный компонент. Это позволило ряду отечественных и зарубежных учёных начиная с 1990х гг. ввести понятие так называемого «нового терроризма». Данный термин, однако, принят не всеми и нередко подвергается критике.

3. Широко используемая после 2001 года метафора «войны» с терроризмом стала эффективным инструментом формирования общественного мнения, она определяет восприятие терроризма и методы противодействия ему.

4. Глобализация американского дискурса войны с терроризмом проявляется в «присвоении» (реконтекстуализации) соответствующих сценариев, фреймов и концептов в иных географических и культурных контекстах.

5. Лингвистические исследования дискурса войны с терроризмом в отечественной гуманитарной науке относительно немногочисленны. В основном они связаны с медийной средой и выполнены в русле критического дискурс-анализа. Предлагаемый в настоящей работе подход, использующий методы корпусно ориентированного дискурс-анализа, позволит обосновать выбор смысловых доминант для изучения дискурсивной динамики рассматриваемых смысловых феноменов и обеспечит бóльшую достоверность результатов анализа американской антитеррористической риторики.

ГЛАВА III. ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ *DEMOCRACY, WORLD, TERRORIST* В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ОПЫТ КОРПУСНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Заключительная глава диссертационного исследования посвящена изучению эволюции ключевых концептов американского дискурса противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 гг., представленных словами *democracy, world, terrorist*. Под концептом мы понимаем «единицу, призванную связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, [...] он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин 2000: 9].

Отбор слов для корпусно ориентированного анализа был произведён с учетом ряда качественных и количественных критериев. В случае слова *democracy* определяющим фактором стала резко возросшая ценность соответствующего понятия в изучаемом дискурсе, особенно во время подготовки к военному вмешательству США в Ираке в 2003 году. Выбор слова *world* был обусловлен результатами, полученными с помощью специализированных инструментов корпусной лингвистики (см. Введение и сс. 84-85). Наконец, слово *terrorist* было отобрано для анализа исходя из общей тематики корпуса: в силу абстрактного характера феномена терроризма, дискурсивный актер/субъект (террорист) представляет собой ту силу, против которой ведётся борьба.

3.1 Дискурс противодействия терроризму (1972 – 2012): характеристика корпуса

Материалом для настоящего исследования послужил специально составленный корпус текстов, насчитывающий около 730 тысяч слов и включающий в себя доклады, интервью, обращения, меморандумы, приказы

и т.д. первых лиц США (президентов, госсекретарей, министров обороны, послов и представителей ЦРУ), так или иначе обращающиеся к теме терроризма и противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 годы. Название «дискурс противодействия терроризму» подразумевает более широкие временные рамки, чем «дискурс войны с терроризмом», понимаемый в настоящей работе как отражающий официальную реакцию США на террористический акт 11 сентября 2001 года.

Как и любой корпус, исследуемый в настоящей работе корпус текстов представляет собой «усечённый» вариант (политического) дискурса, посвящённого борьбе с терроризмом, его репрезентативную выборку. При составлении корпуса мы руководствовались институциональным подходом, т.е. отбирали тексты, принадлежащие или относящиеся к представителям организаций и институтов, создающих данный дискурс.

Часть корпуса, представляющая период с 1972 по 2007 гг., взята из книги *The Evolution of U.S. Counterterrorism Policy* (Alexander, Kraft 2007). В предисловии к книге её составители утверждают, что “[t]he speeches, statements, and testimony contained in these three volumes provide an overview of publicly enunciated U.S. government counterterrorism policies, analysis, and programs. These selections contain many documents that have been collected over the years by the editors and are no longer readily available. They predate the Internet and postings on various Web sites and, as a result, were only slightly edited.[...] ...documents were, at times, heavily excerpted to eliminate duplicative or irrelevant sections. In many cases, terrorism-related comments were only part of much broader speeches. In other instances, such as speeches, somewhat duplicative phrases were left in where their inclusion provide richer context or include slight changes in terminology.” [Alexander, Kraft 2007: xvii].

Цель создания этого массива документов авторы объясняют следующим образом: “[to] further the understanding of the development of U.S. counterterrorism policies and provide a context for understanding the crucial

terrorism problems facing the United States and other countries.” [Alexander, Kraft: 2007: xviii]

Для расширения корпуса текстов до 2012 года нами был произведён поиск речей и письменных документов на сайтах *www.whitehouse.gov* (Администрация президента США), *www.state.gov* (Государственный департамент США) и *www.defense.gov* (Министерство обороны США). При отборе материала для последующего включения в корпус мы руководствовались следующими принципами:

- материал должен быть посвящён тематике противодействия терроризму или связанным понятиям (например, расследованию событий 11 сентября, борьбой с организацией «Аль-Каида» и т.д.) и принадлежать (быть написанным / произнесённым) одному из высших должностных лиц США;

- к каждому отобранному документу был применён поиск по документу (запрос *terror**). Если количество вхождений в документе превышало минимальное количество значений, он копировался в общий файл Microsoft Word (при размере документа менее 5000 знаков минимальным количеством вхождений считалось 4; при количестве знаков от 5000 до 10 000 минимальное количество вхождений составляло 8, и т.д.).

Хронологически корпус охватывает период с 1972 по 2012 годы. 1972 год был выбран в качестве точки отсчёта, поскольку именно тогда президент США Ричард Никсон впервые официально заговорил о террористической угрозе и предложил законодательные инициативы и конкретные инструменты противодействия терроризму. После теракта на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 года его указом был учреждён правительственный комитет для борьбы с терроризмом (Cabinet Committee to Combat Terrorism), который должен был координировать усилия по противодействию терроризму.

Поскольку целью работы является описание эволюции семантического наполнения понятий *democracy*, *world* и *terrorist*, материалы из книги *Evolution of US Counterterrorism Policy* и размещённые на сайтах правительства США были поделены на четыре хронологических подкорпуса:

- (1) 1972 – 25 февраля 1993г. (до атаки на Всемирный торговый центр, 64 294 слова);
- (2) 26 февраля 1993г. – 10 сентября 2001г. (до событий 11 сентября 2001г.; 78 159 слов);
- (3) 11 сентября 2001г. – 19 января 2009г. (до избрания Б.Обамы президентом США; 423 842 слова);
- (4) 20 января 2009 – 31 декабря 2012 (первый срок президентства Б.Обамы; 163 634 слов).

При делении сформированного корпуса на подкорпуса мы руководствовались следующими критериями:

Первый период охватывает порядка 20 лет; за точку отсчёта принято учреждение Р.Никсоном правительственного комитета для борьбы с терроризмом 25 сентября 1972 г.

Начало второго периода связано с терактом во Всемирном Торговом центре в Нью-Йорке 26 февраля 1993 года. Это событие ознаменовало приход терроризма на американский континент. В результате взрыва бомбы погибли 6 человек и были ранены более тысячи человек. Теракт имел политическую подоплёку (помощь США Израилю), и одним из его важнейших политических последствий стали подозрения в причастности Ирака и лично С.Хуссейна к подготовке и проведению данного теракта. Второй период хронологически охватывает 8 лет и характеризуется сравнительно небольшим объёмом документов.

Начало третьего этапа (подкорпуса) связано с событиями 11 сентября 2001 года, которые унесли жизни порядка трёх тысяч человек и привели к объявлению президентом Дж.Бушем-мл. войны с терроризмом. Этот теракт – самый крупный на территории США за всю историю – не только подтолкнул правительство страны к усилению мер по поддержанию внутренней безопасности и расширению полномочий государственных служб безопасности, но и привёл к войнам в Афганистане и Ираке.

Выделение периода 2009 – 2012 гг. связано с началом деятельности президента представителя Демократической партии Барака Обамы, что повлекло за собой изменение в политических подходах к ведению войны с терроризмом, и изменениям в её дискурсивном представлении.

Очевидно, что каждый из вышеназванных периодов представлен разным объёмом материала, что не в последнюю очередь связано с распространением интернета. Представляется, однако, что количественная несоразмерность подкорпусов не отразится на достоверности результатов исследования, поскольку статистические тесты, которые встроены в используемое программное обеспечение, позволят нивелировать количественные диспропорции.

Остановимся кратко на характеристике материала и методике работы с ним. Материалы по всем хронологическим срезам сохранялись как отдельные документы в форматах .doc и .txt для последующего анализа с использованием компьютерных программ для анализа корпусов.

Отобранные тексты редактировались на предмет удаления редакторских примечаний, разметки интервью (например, слов типа *Senator X, Reporter, Q*), названий мест или организаций, в которых была произнесена речь или проходила встреча официальных лиц, жанровых ремарок по тексту документа (*Remarks by the President on...*), формул вежливости и заключительных слов (например, *Good morning, Mr. President, Thank you* и т.д.).

С точки зрения жанровой принадлежности анализируемый корпус содержит обращения к нации, доклады, интервью на политические темы и другие типы текстов, характерные для политического дискурса. Общие данные по жанрам корпуса представлены ниже. Распределение на жанры производилось соответственно именованию документа или стенограммы в книге и на справочных сайтах. Всего в корпус входят 408 текстов стенограмм и документов, относящихся к тематике борьбы с терроризмом.

Стенограммы устных выступлений (всего 324):

Комментарии (remarks) – 121

Заявления (statements; в т.ч. совместные заявления (6)) – 49

Доклады/ речи (reports / speeches) – 36

Обращения (addresses; в т.ч. обращения президента США к нации о положении в стране (State of the Union Address) - 7) – 31

Пресс-конференции (press conference / news conference) – 20

Интервью (interviews) – 14

Обсуждения (discussions) – 14

Брифинги (briefings) – 13

Радиообращения (radio addresses) – 10

Объявления (announcements) – 6

Встречи (meetings) – 4

Лекции (lectures) – 2

Дебаты (debates) – 2

Официальные поздравления (congratulations) - 1

Сессия «вопрос-ответ» (Q&A) – 1

Документы (всего 84):

Тексты выступлений (testimonies) – 51

Доклады комиссий (commission reports) - 11

Донесения (factsheets) – 5

Письма от президента (letters) – 5

Статьи в газетах (op-eds) – 4

Послания конгрессу (Presidential message/ notice to the Congress) - 3

Национальная стратегия (National Strategy) – 2

Обзоры (reviews / summaries) – 2

Меморандум (memorandum) – 1

Совместная декларация (joint declaration) – 1

Для обеспечения репрезентативности представленной в корпусе выборки в неё включены стенограммы устных выступлений и тексты,

принадлежащие или произнесённые не только президентами США, но и официальными лицами, представляющими институты, которые так или иначе занимаются вопросами противодействия терроризму: Государственного департамента (Department of State), ЦРУ (CIA) и др.

Включённые в корпус тексты были произнесены или написаны следующими должностными лицами (участниками дискурса):

Президент (President) – 139

Министр юстиции (Attorney General) – 51

Государственный секретарь (Secretary of State) – 37

Министр обороны (Secretary of Defense) – 32

Посол (ambassador) – 30

Вице-президент (Vice-President) – 21

Директор ЦРУ (CIA Director) – 17

Представители комитета по противодействию терроризму (Counterterrorism Office) – 15

Начальник ФБР (FBI Director) – 10

Секретарь по национальной безопасности (Homeland Security Secretary) – 9

Заместитель министра юстиции (Deputy Attorney General) – 4

Министр финансов (Secretary of the Treasury) – 2

Другие чиновники ЦРУ – 9

Другие чиновники Государственного департамента США – 7

Другие чиновники Министерства обороны США – 6

Другие чиновники Агентства по национальной безопасности – 3

Другие чиновники Министерства финансов – 3

Другие чиновники ФБР – 3

Другие чиновники (пресс-секретари, неназванные высшие должностные лица и т.д.) – 10

Очевидно, что наиболее значительную роль в создании и продвижении дискурса противодействия терроризму играет президент США – ему принадлежат около трети всех речей, включённых в анализируемый корпус.

Всех участников дискурса объединяет общая цель – борьба с терроризмом. Вместе с тем, с точки зрения участников дискурса интересна смысловая динамика, связанная с приходом к власти в Белом Доме представителя другой партии (президентство Б.Обамы) и соответствующей сменой или корректировкой политического курса.

С точки зрения ситуационных характеристик дискурс противодействия терроризму (а также корпус, его представляющий) можно охарактеризовать следующим образом: [подробнее см. O’Keefe, McCarthy 2010: 90]):

(1) Все тексты, включённые в корпус, были представлены в письменной форме (включая транскрипты интервью, выступлений и проч.);

(2) Тексты представляют собой подготовленную (доклады) или условно-спонтанную (интервью) речь;

(3) Они принадлежат официально-деловому стилю, и имеют своей целью официальное общение и обмен информацией на ограниченный, заранее заданный круг тем;

(4) Отношения между участниками дискурса – как иерархические/асимметричные (например, президент – американская нация), так и равноправные (например, президент США – президент РФ);

(5) Аудитория, на которую рассчитан дискурс - это мировая общественность, официальные лица США и иностранных государств, американский электорат.

3.2 Смысловые доминанты американского дискурса противодействия терроризму (1972 – 2012) и их содержательная динамика

Как было показано выше, список ключевых слов текста (корпуса) отражает смысловые доминанты каждого конкретного текста, поэтому представляется интересным проследить изменения в списках ключевых слов для каждого из четырёх хронологических срезов анализируемого корпуса.

Ключевые слова были сгенерированы программой *AntConc* отдельно для каждого подкорпуса текстов по критерию логарифмического правдоподобия. Референциальным корпусом каждый раз служили оставшиеся три подкорпуса. Таким образом были выявлены ключевые слова, характерные именно для рассматриваемого периода по сравнению с дискурсом противодействия терроризму вообще. Для последующего краткого анализа были использованы первые 100 слов для каждого подкорпуса с самым высоким результатом; их полный список (всего 400 слов для четырёх хронологических отрезков) представлен в Приложении 1 к настоящему исследованию.

Краткий обзор ключевых слов каждого периода позволяет сделать следующие выводы относительно динамики смысловых доминант в американской политической риторике, посвящённой борьбе с терроризмом:

Подкорпус 1972 – 1993. Помимо географических наименований и имён персоналий, относящихся непосредственно к данному историческому периоду (например, *Soviet, Union, communist, totalitarian, hostage(s), hijacking(s), Nidal, IRA, Qadhafi, Sendero, Bolivia, Nicaragua* и др.), обращает на себя внимание акцент на диалоге, стремлении к дипломатическому решению проблем, связанных с терроризмом (*diplomatic, concessions, diplomats, dialog*). Появление среди ключевых слов типа *embassy, hostage(s), TWA, hijacking(s), flight, aviation* связано с событиями, имевшими место в указанный период (угоны самолётов, захват заложников в посольстве в Тегеране). К числу смысловых доминант следует отнести и подтверждённое ключевыми словами характерное для рассматриваемого периода противопоставление идеологических систем (*Soviet/ totalitarian/ communist vs. West/ democracies*). Слова, именующие конфликтную проблематику, в текстах рассматриваемого периода предельно конкретны (*aggression, outrage, sabotage, hostage(s), incidents, victims*), а сама проблемная ситуация (борьба с терроризмом) обозначена в первую очередь в правовых терминах – как

требующая принятия строгих мер (*measures, must, antiterrorist, convention(s), force, firmness, sentenced, unconditional, imprisonment, combat*).

Подкорпус 1993 – 2001. Помимо слов, именующих события, персоналии, географические объекты и т.п., относящиеся к данному периоду (например, *Oklahoma, Clinton, Tokyo, Pan (Am), Puerto, Rican, Sudan, Iran* и т.д.), заметен выраженный акцент на проблематике собственно терроризма и его видов (*terrorism, terrorist, groups, antiterrorism, chemical, biological*). Встречаются и упоминания конкретных действий, которые интерпретируются как террористические или опосредованно связанные с терроризмом (*bombing, explosives, incidents, weapons, emergency*). В число ключевых слов также попало большое количество лексических единиц, относящихся к семантическому полю закона и правопорядка и связанных с метафорой преступления как ключевой в определении терроризма в указанный период (*law, enforcement, jurisdiction, deportation, designation(s), crime, legislation, proceedings, militia, bill, FBI, statute(s), court, criminals, deviant, procedures, perpetrator, subsection, subtitle, provision, sanctions*). В дискурсивном пространстве представлены также лексические единицы, обозначающие идеалы (ценности), являвшиеся ключевыми для рассматриваемого периода времени – *protection, peace, justice*.

В списке ключевых выделяется и целая группа слов со смысловым компонентом «чужой, иностранный» (*alien, international, foreign, overseas*) в противоположность «своему» - единственному *domestic*. Растёт и важность темы финансирования (международного) терроризма (*sponsors, funding, fund*).

Подкорпус 2001 – 2009. Помимо географических наименований и персоналий, связанных с событиями данного периода (например, *Iraq, Iraqi(s), al-Qaida, Saddam, Hussein, September, Zarqawi, Baghdad, Bush, Maliki, Musharraf, Hezbollah, Palestinian, anthrax, Islamist, Saudi* и т.д.), в число ключевых входят наименования абстрактных категорий (идеалов и ценностей), дискурсивно противопоставляемых терроризму (*patriot, homeland, democracy, free, liberty, constitution, democratic*). Обращает на себя

внимание и то, что в ряду ключевых слов ценностной направленности присутствует лишь одна отрицательно окрашенная единица, которую можно соотнести с самим терроризмом – *evil*.

Наряду с этим чётко выделяется метафорический сдвиг в концептуализации борьбы с терроризмом – осмысление её в терминах войны (*war, officers, camps, battalions, enemy, WMD, cell(s), disarm, killers, captured* и т.п.). В числе ключевых слов появляются лексемы, содержащие религиозный компонент: слова *Sunni(s), Shia, Islamist* входят в число наиболее значимых ключевых слов данного периода. Возрастает и смысловая нагрузка слов, связанных с разведкой и секретной информацией (*surveillance, intelligence, FBI, CIA*). При этом несколько снижается значимость идеи взаимодействия с другими странами в борьбе с терроризмом: в список ключевых попало только одно слово соответствующей семантики – *coalition*. Ещё более выраженным становится вопрос финансирования как терроризма, так и антитеррористической деятельности (*financial, financing, FY (= Fiscal Year), assets*).

Подкорпус 2009 – 2012. К числу ключевых слов, называющих географические объекты, события, явления и персоналии, относящиеся к данному периоду, относятся следующие: *Obama, Pakistan, Al Qu'ida/Qaeda, Afghanistan, Afghan(s), Yemen, Somalia, Pakistani, Assad, Taliban, Guantanamo, Romney*. В число ключевых в данный период также попали слова со значением совместных действий, партнёрства, лидерства, верности данным обещаниям (*affiliates, partnership(s), allies, adherents, partners, commitment, engagement, leadership*), а также лексические единицы, относящиеся к сфере обеспечения безопасности (*security*). Важным представляется и то, что в число ключевых вошло слово «ценности» (*values*) как определяющее начало в борьбе с терроризмом. Обращает на себя внимание и рост числа ключевых слов, характеризующих различные аспекты (виды) терроризма: *violent, extremism, radicalization, challenges, cyber, nuclear* и др.

Таким образом, ключевые слова «схватывают» (высвечивают) важнейшие смысловые фрагменты текстов каждого рассматриваемого периода. Даже на основании их краткого анализа можно сделать выводы относительно смещения смысловых акцентов. Основные изменения касаются 1) взглядов на роль США в противодействии терроризму (в аспекте единоличного лидерства и с точки зрения необходимости и/или важности сотрудничества с другими странами); 2) изменений в концептуализации борьбы с терроризмом – от акцента на правовой составляющей к метафоре «войны»; 3) репрезентации отношения (оценки) самой проблемной ситуации – от акцентуации конкретных действий к оценкам в терминах добра и зла.

3.3 Семантическое наполнение концептов *democracy, world, terrorist* в дискурсе противодействия терроризму (1972 – 2012)

При отборе понятий для последующего анализа использовались как количественные, так и качественные методы.

Выбор концепта *democracy*, как уже отмечалось, связан с тем, что в американской политической риторике демократия позиционируется как ключевая ценность и цель в борьбе с терроризмом. В своих выступлениях американские политики постоянно подчёркивали несовместимость терроризма с демократией и демократическими идеалами: “*A terrorist has no patience and no respect for the orderly processes of democratic society, and, therefore, he considers himself its enemy. [...] The antagonism between democracy and terrorism seems so basic that it is hard to understand why so much intellectual confusion still exists on the subject.*” (госсекретарь Дж.Шульц, 24 июня 1984 г. [цитата по Alexander, Kraft 2007: 103]); “*Terrorists despise democracy because democracy cherishes that which terrorists seek to destroy.*” (посол США Л.П.Бремер, 23 апреля 1987 г. [цитата по Alexander, Kraft 2007: 171]).

Обосновывая военное вмешательство в Ирак, США позиционировали смену диктаторского режима С.Хуссейна и распространение демократии на

Ближнем Востоке как главную задачу: “...our strategy for victory in the war on terror has a fifth and crucial element: across the broader Middle East, we will work to replace hatred and resentment with democracy and hope.” (вице-президент Р.Чейни, 7 марта 2006г. [цитата по Alexander, Kraft 2007: 376 (I)]); “a democracy in the heart of the Middle East is an essential part of securing our country and promoting peace for the long run.” (президент Дж.Буш-мл., 31 мая 2005г.; цитата по Alexander, Kraft 2007: 300 (I)); “The triumph of democracy and tolerance in Iraq, in Afghanistan and beyond would be a grave setback for international terrorism.” (президент Дж.Буш-мл., 7 сентября 2003г. [цитата по Alexander, Kraft 2007: 279 (I)]); “And when the Middle East grows in democracy and prosperity and hope, the terrorists will lose their sponsors.” [президент Дж.Буш-мл., 28 июня 2005 г.; цитата по Alexander, Kraft 2007: 301 (I)]. Аналогичные высказывания позже имели место в отношении Ливии, а затем и Сирии.

Таким образом, выбор концепта *democracy* для анализа поможет выявить, как соотносится интуитивно ощущаемый центральный характер данного концепта со статистическими данными, полученными в ходе анализа корпуса.

Выбор концепта *world* связан с результатами, полученными с помощью специализированных инструментов корпусной лингвистики. Как писал А.Партигтон, “[a]t the simplest level, corpus technology helps find other examples of a phenomenon one has already noted. At the other extreme, it reveals patterns of use previously unthought of. In between, it can reinforce, refute or revise a researcher’s intuition and show them why and how much their suspicions were grounded” [Partington 2003: 12]. Помимо этого, корпусная технология позволяет выявить те темы и направления, которые до этого в силу разных причин не принимались во внимание или не считались важными.

Ключевой характер концепта *world* в американском дискурсе противодействия терроризму подтверждается и результатами первичного анализа корпуса с помощью онлайн-инструмента *Texttexture*

[\[http://texttexture.com\]](http://texttexture.com). Возможности этой бесплатной онлайн-программы предполагают визуализацию текста в виде сети взаимосвязанных значений и позволяют «читать» его в нелинейном формате, выделяя наиболее важные темы: “visualizes any text as a network and enables the user to use this interactive visualization to read through the text in a non-linear fashion. Using the network one can see the most relevant topics inside the text [...], their relationship to one another, and the most influential words inside the text.” [\[http://noduslabs.com/cases/texttexture-non-linear-reading-machine/\]](http://noduslabs.com/cases/texttexture-non-linear-reading-machine/).

Наконец, слово *terrorist* было отобрано для анализа, поскольку данный концепт манифестирует представления об акторах абстрактного феномена *terrorism* или, другими словами, символизирует ту силу, против которой ведётся борьба. Рассмотрение динамики концепта *terrorist* поможет выявить конкретные способы представления террористической угрозы и предлагаемые способы борьбы с ней.

3.3.1 Эволюция концепта *democracy* в американском дискурсе противодействия терроризму (1972 – 2012)

В силу описанных выше причин демократия была и остаётся одной из важнейших ценностей в дискурсе американских политиков. При этом, однако, абсолютное количество вхождений слова *democracy* и его дериватов в корпусе текстов по противодействию терроризму невелико. Для обеспечения репрезентативности полученных результатов в ходе анализа подкорпуса за 1972 – 1993гг. и 1993 – 2001гг. были объединены в один; таким образом, эволюция концепта *democracy* рассматривается нами на примере трёх периодов. Целесообразность объединения продиктована тем, что незначительное количество вхождений затрудняет проведение статистических тестов отдельно по каждому периоду. Так как в среднем по корпусу частотность лексемы *democracy* и её производных составляет всего 0,0009% (см. таблицу 1), то тест на взаимную сочетаемость MI при

стандартных параметрах 4 слова до и 4 слова после нода и минимальном количестве коллокаций 2 даёт слишком малочисленные результаты – например, всего 14 для периода 1972 – 1993 гг.

В результате подкорпуса для анализа концепта *democracy* выглядят следующим образом:

- 1972 – 10 сентября 2001 г. (до событий 11 сентября 2001 г.; подкорпус насчитывает 122 308 слов);
- 11 сентября 2001г. – январь 2009 г. (до избрания Б.Обамы президентом США; подкорпус насчитывает 423 842 слов);
- Февраль 2009 – декабрь 2012 (первый срок президентства Б.Обамы; подкорпус насчитывает 163 634 слов).

Для анализа каждого из трёх подкорпусов были использованы следующие приёмы:

1) Лексикографический анализ англоязычных словарей для определения «стандартного» (словарного) семантического наполнения лексемы *democracy*;

2) Поиск буквосочетания *democra-* по всем подкорпусам с целью выявить все производные слова *democracy* с последующим анализом результатов за каждый период (см. таблицу 1);

3) Составление списка словосочетаний для дальнейшего семантического анализа (*Adj/ Part+D* (где *D = democracy/ies*), *N+Prep+D*, *V_{tr}+D*, *D+V*, *V_{intr}+Prep+D*.) на основании KWIC-выборки с целью уточнения содержательной специфики анализируемого дискурсивного конструкта в динамике;

4) Анализ рядов однородных членов со словами *democracy/ democracies* для выявления смысловых феноменов, с которыми ассоциируется (соотносится) демократия и которым она дискурсивно противопоставляется в каждом из трёх хронологических срезов.

Для выделения основных смыслов, приписываемых демократии, были проанализированы определения слова *democracy* в англоязычных толковых

онлайн-словарях *Merriam-Webster Dictionary, Oxford Dictionary, Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus, Longman English Dictionary Online, Collins English Dictionary, Macmillan Dictionary and Thesaurus, Dictionary.com* и *The Free Dictionary*.

Анализ лексикографического материала показал, что словарные дефиниции акцентируют три основных смысловых компонента соответствующего слова:

1) форма правления, при котором верховная власть принадлежит народу и осуществляется им прямо или косвенно через систему представительства, обычно включающую в себя периодически проводимые свободные выборы;

2) государство с соответствующей формой правления (в этом случае термин оказывается исчисляемым существительным, в отличие от первого значения);

3) положение дел (организация деятельности), где ко всем относятся одинаково и все имеют равные права.

Производные от слова 'democracy' и их частотность

В Таблице 1 представлено количество слов с компонентом *democrac-* во всех исследованных подкорпусах (в абсолютном и процентном отношении):

Производное/ Период	1972- 2001	2001- 2009	2009- 2012	Итого
Democracy	32	234	31	297
Democratic	31	172	27	230
Democracies	24	24	6	54
Democrat(s)	1	34	8	43
Democratically	1	17	1	19
Democratization	-	6	-	6
Democratizing	-	3	-	3
Democracy's	2	-	-	2
Anti-democratic	1	-	-	1
Democratize	1	-	-	1

Undemocratic	-	1	-	1
Non-democratic	-	-	1	1
Итого слов	93	491	74	658
Доля в %	0.0007%	0.001%	0.0005%	0.0009%

Таблица 1. Слова с компонентом 'democra-' и их частотность в корпусе

Как видно из таблицы, наибольшей частотностью слов с компонентом *democra-* (как в абсолютном измерении, так и в процентном отношении) характеризуется период 2001-2009 гг. *Democracy* и однокоренные слова в процентном отношении упоминались в 2001-2009 гг. в среднем в 1,5 раза больше, чем в 1972 – 2001 гг. и в 2 раза больше, чем в 2009 – 2012 гг.

Анализ контекстов употребления данного слова показал, что в 1972 – 2001 гг. два значения слова *democracy* («демократическая форма правления» и «страна с демократической формой правления») представлены примерно одинаково (29 и 26 раз, 53% и 47% соответственно). В последующие годы первое значение, акцентирующее ценностную составляющую концепта, начинает заметно преобладать: в 2001–2009 гг. в соотношении 199 против 61 (или 76,5% против 23,5%), а в 2009–2012 – 29 против 7 (или 80,5% против 19,5%). Подобная динамика свидетельствует о смещении смыслового фокуса, результатом чего стало, в частности, характерное для настоящего времени оценочно значимое противопоставление демократии и терроризма в американской политической риторике.

Примечательна также количественная динамика глагола *democratize* и его производных (*democratizing, democratization*). Если в подкорпусе 1972-2001 гг. глагол *democratize* встретился всего один раз, то в текстах 2001-2009 гг. он и его производные использовались уже 9 раз. Эта тенденция свидетельствует об ещё одной отличительной особенности концептуализации феномена демократии в американской политической риторике в рассматриваемый исторический период, а именно, о формировании представления о том, что демократия может быть установлена

(привнесена) в «недемократические» общества в результате определённых целенаправленных действий.

*Анализ именных, атрибутивных и глагольных словосочетаний
с компонентом 'democracy'*

На следующем этапе исследования все словосочетания с компонентом *democracy/ies* были разделены на несколько групп: *Adj+D* (где *D* означает *democracy/ies*), *N+Prep+D*, *V_{tr}+D*, *D+V*, *V_{intr}+Prep+D*. Проведённый таким образом анализ сочетаемости позволил дать более глубокую смысловую характеристику рассматриваемого феномена. В скобках указано количество вхождений каждого слова в соответствующем подкорпусе.

Подкорпус 1972 – 2001 (56 вхождений). Анализ сочетаемости позволяет заключить, что в 1972 – 2001 гг. в атрибутивных словосочетаниях демократия позиционируется, с одной стороны, как явление, характерное для развитых стран Запада (*western (3), industrialized (3), industrial*), а с другой - как нечто новое, неустойчивое (*new, fledgling*). При этом положительные характеристики (*successful (2)* и *great*) дополняются определением *threatened*, акцентирующим угрозы.

Среди предложных словосочетаний зафиксировано три значения: демократия представляется как (1) нечто, заслуживающее уважения (*respect for D, commitment to D*); (2) нечто находящееся под угрозой (*enemies of D (2), threat to D (2), hatred for D, war against D, challenge to D, dependence of D*); (3) цель, к которой нужно стремиться (*idea of D, path of D, expansion of D, fundamentals of D*).

Глагольные словосочетания с компонентом *democracy/ies* немногочисленны: 9 словосочетаний типа *V_{tr}+D* и *V_{intr}+Prep+D* и 14 примеров предикативных словосочетаний (*D+V*). В них акцентируется то, что демократия находится в опасности и должна себя защищать: *no D can be weak, Ds beat the terrorists, attack D (2), [terrorists] despise D, D is struggling, D*

must respond. В ряде контекстов демократия соотносится со свободой (*D cherishes freedom*).

Подкорпус 2001 – 2009 (258 вхождений). Второй подкорпус включает значительный объём политических речей и документов, созданных после событий 11 сентября 2001г. Поиск словосочетаний с компонентами *democracy/ies* дал 258 результатов, основная масса вхождений приходится на первые 3-4 года после вышеупомянутых событий.

Адъективные словосочетания, выделенные в данном подкорпусе, по-разному характеризуют демократию в зависимости от контекста, что позволяет говорить о смысловой диверсификации анализируемого концепта при сохранении сугубо положительной семантики (она акцентируется набором определений – *peaceful, great, open, free* и др.). Применительно к странам Запада демократия неизменно позиционируется как сильная и стабильная: *thriving (3), lasting (3), secure (2), strong (2), functioning (2), stable, full, practicing*. Наряду с этим в корпусе регистрируются сочетания, характеризующие демократию по географическому и религиозному признакам: *Iraqi (4), Japanese (2), Lebanese (2), secular (2), Middle Eastern, American, Brazilian, regional, Islamic, non-sectarian*. Демократия на Ближнем Востоке и в Азии во всех случаях представлена как молодая и хрупкая: *young (18), new (11), rising (3), fragile*. По сравнению с предыдущим корпусом очевидна динамика в концептуализации феномена демократии в сторону смысловой диверсификации и погружение в международно-ориентированные контексты.

Именные словосочетания представляют демократию как ценность, цель и идеал (*promise of D (3), appeal of D, pursuit of D, faith in D*), к которому нужно стремиться (*advance of D (3), road to D (2), transition to D, path of D, spread/ spreading of D (2), way toward D*). В аспекте семантической просодии заслуживает внимания контекстуально релевантное противопоставление позитивных коннотативных значений (*success of D (3), gains of D, progress of D, triumph of D, power of D, appreciation for D, value of D*) и негативно

окрашенных контекстов, актуализирующих угрозы демократии (*enemies of D, threats to D, war against D, attacks against D*) и акцентирующих необходимость её защиты (*commitment to D (3), responsibility of D, support of/for D (3), endowment for D, guardians of D*).

Значительное количество словосочетаний с данным компонентом можно трактовать как свидетельство интенсивной рефлексии вокруг феномена демократии в американском политическом дискурсе (*essence of D (2), work of D (2), notion of D (2), element of D (2), principle of D, history of D, institutions of D, questions of D, vision of D, traditions of D, structures for D, ideology of D* и др).

Глагольные словосочетания с компонентом *democracy/ies* ещё более разнообразны. При этом в большинстве из них *democracy* – это объект (85), а не субъект действия (28).

В предикативных словосочетаниях демократия ассоциируется с глобальной экспансией и (само)защитой: она *succeeds (2), grows (2), takes hold, grows strong, thrives, prevails, strengthens, expands, spreads, rises up, puts down/ takes roots, becomes whole*. Демократические государства *survive (4), defend themselves, protect their people* и *train their own forces*, что имплицитно указывает на наличие внешней опасности (угрозы демократии) и акцентирует агентивность (см. также *D requires (2), takes (different forms), respects (rights), uses (procedures)* и *guarantees*).

Семантические группы глагольных словосочетаний, в которых *democracy/ies* является объектом действия, в целом аналогичны номинативным словосочетаниям: (1) демократия – нечто желаемое, цель, к которой нужно стремиться: *to embrace D (3), to bring D (2), to celebrate D, to reach/ head toward D, to want D* и др.; (2) у демократии есть враги, которые ей угрожают (*undermine D (2), threaten D (2), stop D, reject D, render D impossible, hurt D, can't stand D (2)*); (3) демократия нуждается в помощи и защите: *to help D (10), to support D (6), to promote D (5), to strengthen D (3), to encourage D (2), to defend D (2), to secure D, to protect D* и др.

В целом, период 2001-2009 гг. демонстрирует появление двух новых измерений в понимании демократии. Речь идёт о географическом и религиозном аспектах понятия. В частности, в данном корпусе выявлено 11 определений, актуализирующих привязку демократии к определённому региону – в основном Ближнего и Среднего Востока, в то время как ранее феномен демократии рассматривался как явление, характерное только для западных стран. Ещё одной характерной для данного подкорпуса смысловой доминантой является представление демократии как объекта для разного рода угроз и как базовой ценности, нуждающейся в защите.

Подкорпус 2009 – 2012 (37 вхождений). Несмотря на незначительное количество словосочетаний с компонентом *democracy/ies* в этом подкорпусе, демократия получает следующие определения: *American, strong, stable, emerging, diverse*. Именные словосочетания, аналогично предыдущему периоду, позиционируют демократию как ценность, цель и идеал: *symbols of D (2), tenet of D (2), emphasis on D, side of D, turn to D, movement toward D* и др. Глагольные словосочетания акцентируют внимание на необходимости развития и укрепления демократии: *to strengthen D (2), to sustain D, to support D, to spread D, to advance D, to animate D*.

Анализ контекстуальных синонимов слова 'democracy'

Одним из эффективных методов корпусного дискурс-анализа является статистический тест на взаимную информацию (MI). Обычно для такого рода анализа отбирают 50 или 100 слов с самым высоким результатом MI и проводят их семантический анализ. Однако в случае со словом *democracy* такая методика не представляется возможной, поскольку слово встречается в корпусе достаточно редко (в среднем по корпусу частотность лексемы *democracy* и её производных составляет 0,0009%, см. таблицу 1), что при стандартных параметрах 4 слова до и 4 слова после узлового слова и минимальном количестве коллокаций 2 даёт слишком мало результатов. Для периода 1972 – 2001 при заданных параметрах было выявлено только 35

коллокаций с $MI > 3,0$, а для периода 2009 – 2012 – всего 28. По этой причине для дальнейшего исследования эволюции дискурсивного представления демократии в американской политической риторике было решено провести анализ однородных членов предложения и контекстуальных синонимов и антонимов, аналогичным образом разделив их по хронологическому признаку. При этом мы исходили из того, что однородные члены предложения семантически аналогичны или как минимум близки по значению, что позволяет условно соотнести их с контекстуальными синонимами. Более продолжительные отрезки текста также подвергались анализу, если они контекстуально отождествляли или противопоставляли демократию каким-либо понятиям, тем самым уточняя характеристики исследуемого феномена (Приложение 2).

Как показал анализ, в 1970-1990х гг. демократия в основном соотносилась с правами и свободами человека и верховенством закона (*rule of law (10); respect for human rights/ life (6); open society (5); freedom/ free society (5); pluralism (2); civilized society* и др.). Периоды 2001-2009 и 2009-2012 демонстрируют определённые семантические приращения и сдвиги. С одной стороны, демократия продолжает ассоциироваться с соблюдением прав человека (*human rights (9); tolerance (4); equal rights for women (3); free labor unions; minority rights*), миром и безопасностью (*peace (16); stability (6); security (4); safety (3)*) и общечеловеческими ценностями (*hope (11); prosperity (8); progress (2); future (2); dignity; power of the individual; self-determination; education; choice; well-being* и др.). При этом ключевой ассоциацией становится идея свободы (в 2001-2009 гг., когда она составляет до 50% всех контекстуальных синонимов слова *democracy* (45 вхождений, в том числе *freedom of religion (5), freedom of vote (2), freedom of expression (2), freedom of speech, freedom to assemble, economic freedom*).

В подкорпусах 2001-2009 и 2009-2012 гг. обращает на себя внимание появление глобализационной рыночной составляющей в структуре рассматриваемого концепта. Демократия всё чаще ассоциируется с

глобальным экономическим развитием и рыночной экономикой, которые интерпретируются как необходимая составляющая демократического общества (15 вхождений в 2001-2009 гг., среди них *free markets* (3), *economic opportunity* (3), *market economy* (2), *economic development* (2), *open markets* и др.; и 6 вхождений в 2009-2012 гг.: *economic development* (2), *economic growth*, *free market*, *economy*, *commerce*).

В целом подкорпус 2001-2009 гг. представляет демократию как базовую ценность, стоящую в одном ряду с миром, свободой и процветанием человечества. Подкорпус 2009-2012 гг. воспроизводит те же смыслы на более скромном объёме материала; единственным отличием является уменьшение удельного веса смыслового компонента «свобода» в рассматриваемом ассоциативном ряду (7 вхождений по сравнению с 45 в предыдущем периоде).

Анализ контекстуальных антонимов слову 'democracy'

Количество контекстуальных антонимов слова *democracy* невелико (Приложение 2), при этом демократия в основном противопоставляется терроризму (это самый частотный антоним в периодах 1972–2001 гг. и 2001–2009 гг.), экстремизму и диктатуре (связь присутствует во всех трёх периодах).

Примечательной иллюстрацией дискурсивной изменчивости анализируемого концепта можно считать противопоставление демократии тоталитаризму и марксизму в 1972-2001 гг. (*totalitarianism* (2), *Marxist-Leninist values*). В период 2001-2009 гг. демократия начинает активно противопоставляться (религиозному) фанатизму и (исламскому) фундаментализму. При этом сам феномен демократии определяется через отличие от так называемых «недемократических» режимов: среди антонимов появляются слова *tyranny*, *radicalism*, *sectarianism*, *Saddamism*, *despotism*, *authoritarianism*, а также *torture*, *control by tiny elite*, *secret police*, *insurgency*, *repression*, *assassination* и *corruption* как элементы этих режимов.

Также в подкорпусе 2009 - 2012 гг. демократия противопоставляется не только терроризму, но и экстремизму. При этом во многих контекстах понятия терроризма и экстремизма могут взаимозаменяться, что, в частности, связано с изменением номинативной стратегии в борьбе с терроризмом при президенте Б.Обаме. Среди других дискурсивных антиподов демократии – авторитаризм и диктатура. Демократия находится также в опосредованной оппозиции таким явлениям как *corruption, destruction, conflict*, которые в рассматриваемом типе дискурса характеризуют «недемократические» страны.

Таким образом, основными изменениями в понимании демократии в американском дискурсе противодействия терроризму можно считать следующие: демократия перестала позиционироваться как прогрессивный феномен, ассоциируемый исключительно с Западом, и в настоящее время соотносится также с регионами Среднего и Ближнего Востока, при этом акцентируется её хрупкость и неустойчивость, необходимость в помощи и поддержке извне. Если в период 1970-1980 гг. демократия позиционируется как сильная и самодостаточная, то в дискурсе противодействия терроризму последних двух десятилетий актуален её статус как высшей ценности, а также цели, к которой должно стремиться любое общество и своего рода панацеи от терроризма.

3.3.2 Эволюция концепта *world* в американском дискурсе противодействия терроризму

Мир (*world*) относится к понятиям, которые практически не изучались в дискурсе противодействия терроризму.

Выбор данного концепта, как уже отмечалось, основан на результатах первичного анализа сформированного в рамках исследования корпуса с помощью онлайн-инструмента *Texttexture* [<http://texttexture.com>], который позволяет визуализировать любой текст на предмет определения

центральных концептов и даёт возможность объективировать скрытые смыслы текста, лучше понять его нарративную структуру [подробнее см. электронный ресурс www.noduslabs.com/research]. Для каждого текста программа не только делает визуализацию, но и автоматически определяет 4 ключевых слова и 4 наиболее «влиятельных» (influential) контекста, которые, в свою очередь, тоже состоят из четырёх слов. Слово *world* было выбрано для анализа потому, что вошло в число ключевых контекстов во всех четырёх подкорпусах и в число четырёх ключевых слов в двух подкорпусах, что подтверждает его важность в рассматриваемом дискурсе.

Приведённый ниже пример представляет ключевые слова и ключевые контексты, выявленные программой для подкорпуса 2001 – 2009 гг., а также визуализацию этого корпуса (рис. 6):

Most influential keywords in this text:

terrorist nation world american

Most influential contexts in this text:

#0: *terrorist afghanistan regime leader*

#1: *nation terror war act*

#2: *world enemy citizen life*

#3: *american people great attack*

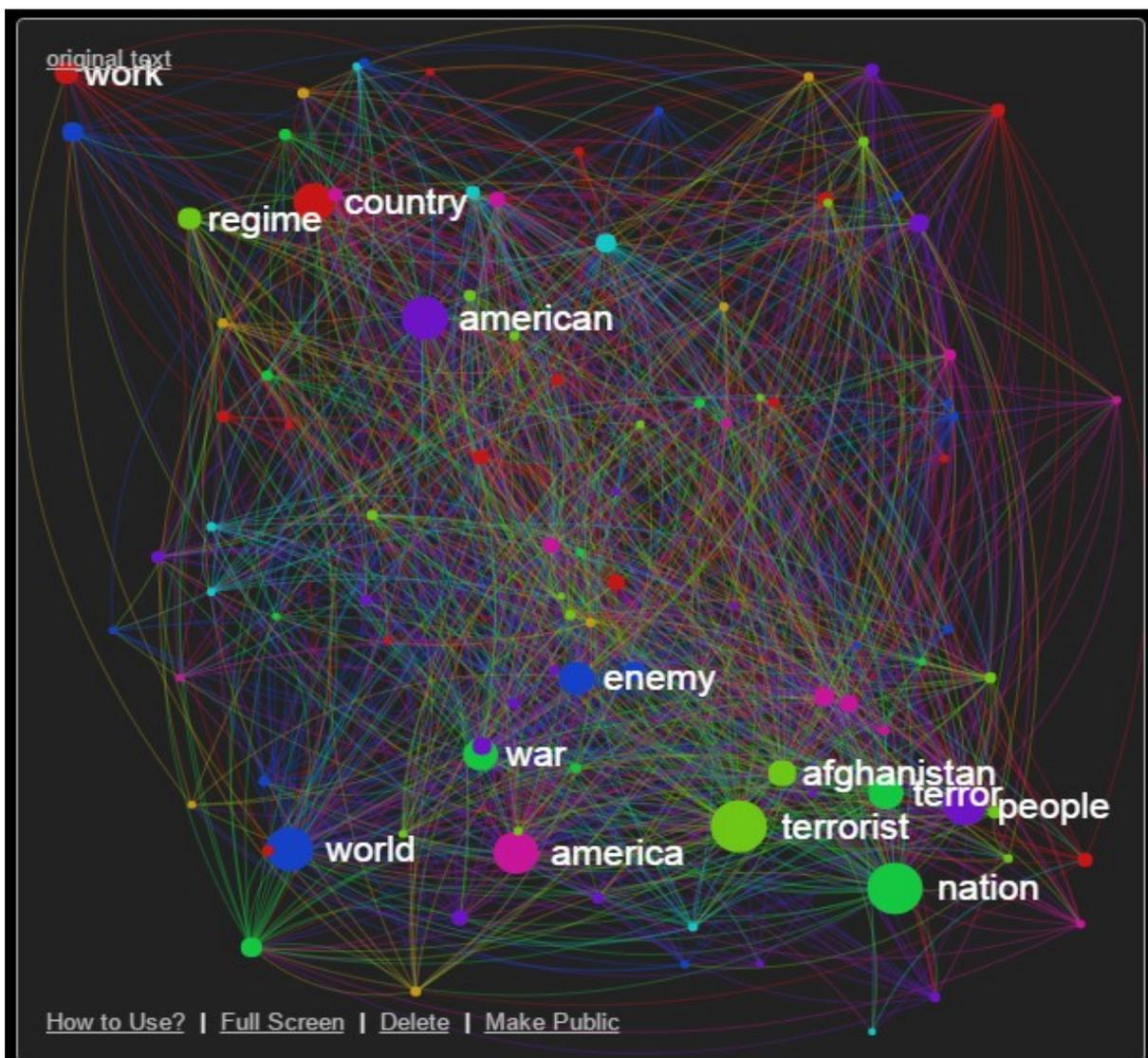

Рис.6. Визуализация подкорпуса 2001 – 2009 гг. на сайте Texttexture.com

Дискурсивная динамика рассматриваемого концепта выявлялась на уровне словосочетаний и предикативных групп с использованием результатов выборки KWIC (“keyword-in-context”) и выборки коллокаций по тесту MI (критерий взаимной информации). Для анализа каждого из четырёх подкорпусов были применены следующие процедуры:

- 1) лексикографический анализ лексемы *world* в англоязычном словаре для определения его «стандартного» семантического наполнения;
- 2) поиск буквосочетания *world* по всем подкорпусам для выявления производных с последующим анализом результатов по производным словам за каждый период;

3) выявление номинативных и адъективных словосочетаний и предикативных групп для дальнейшего анализа на основании KWIC-выборки и критерия взаимной информации (MI) для уточнения содержательной специфики анализируемого дискурсивного конструкта в динамике.

Лексикографический анализ слова 'world'

Онлайн-версия словаря *Merriam-Webster* насчитывает до 17 значений слова *world* [<http://www.merriam-webster.com/dictionary/world>], которые можно сгруппировать в три категории, представляющих конкретные концептуальные измерения мира: физическое (*world = the Earth and people and things on it*), социальное (*world = human society*) и количественное (фразеологизированное, фигуральное): *world = a great amount of something (a world of hope)*.

Результаты распределения вхождений по категориям показали преобладание социального измерения анализируемого понятия во всех анализируемых подкорпусах (в общей сложности 714 вхождений). Вторым по количеству вхождений стало значение, актуализирующее физическую природу мира (609 вхождений). Фразеологизированное (количественное) значение слова *world* представлено 11 вхождениями (менее 1%).

Примечательно, что в анализируемом корпусе слово *world* редко выполняет функцию субъекта и гораздо чаще используется в функции объекта (*show the world, terrorize the world, awaken the world* и т.д.) или в адвербиальном значении – как часть предложного оборота (*in the world, across the world, all over the world* и т.п.).

Производные лексемы 'world' и их частотность

Далее рассматривалась частотность слова *world* в каждом из подкорпусов. Таблица 2 показывает абсолютное количество и процентное содержание слов с компонентом *world* во всех подкорпусах:

Производное/ период	1972- 1993	1993- 2001	2001- 2009	2009- 2012	Итого
World (номинатив- ная функция)	125	88	795	366	1374
World (атрибутив- ная функция)	35	45	98	20	198
World's	21	11	41	15	88
Worldwide (наречие)	4	8	50	10	72
Worldwide (прилагательное)	9	11	32	7	59
World-view	-	-	1	4	5
Real-world	-	-	2	2	4
World-class	-	-	2	2	4
Free-world	2	-	-	-	2
Underworld	-	-	2	-	2
One-world	-	1	-	-	1
Worldnet	-	1	-	-	1
Итого	196 0.003%	165 0.002%	1023 0.002%	426 0.003%	1810 0.0025%

Таблица 2. Слова с компонентом “world” и их частотность в корпусе

Как видим, слово *world* и его производные представлены во всех подкорпусах с примерно одинаковой частотностью в 0,002 – 0,003% от общего объема текста. Количество производных слов с компонентом *world* невелико, но имеет тенденцию к увеличению. Во всех подкорпусах *world* чаще используется в номинативной функции.

Динамика семантического наполнения лексемы ‘world’:

критерий взаимной информации и анализ сочетаемости словосочетаний

Далее по критерию взаимной информации (MI) для каждого подкорпуса были выделены 50 слов, встречающихся в непосредственной близости от слова *world* и влияющих на смысловое наполнение

соответствующего понятия. Списки слов для каждого подкорпуса приведены в Приложении 3 к настоящей диссертации.

Анализ показал, что единственной религией, упоминаемой среди первых 50 слов любого подкорпуса, оказался ислам (*Muslim(s)/ Islamic*), а единственной упомянутой этнической номинацией стало слово *Arab*. Наряду с этим, наметился сдвиг в концептуализации мира: от единства к разобщённости (*community, unite, peoples, leadership* в период 1972-1993 в отличие от *leadership* и *leaders* в 1993-2001 и в отличие от *rallied, rally, (the) rest* в 2001-2009 против *apart, (the) rest, rallied, nobody* в 2009 – 2012 гг.). В то же время изменилось соотношение наречий и слов, обозначающих локацию: отмечена тенденция к росту числа номинаций, акцентирующих фрагментацию мира, и снижению числа номинаций, имплицитующих его целостность (ср. *anywhere, around, throughout, entire, broad, elsewhere* против *parts, areas, region* (1972 – 1993); *around, throughout, wide* против *west, corners, parts, city* (1993 – 2001); *anywhere, entire, throughout, whole, around* против *somewhere, parts* (2001 – 2009); *around, entire* против *locations, parts* (2009 – 2012). Наконец, результаты анализа позволяют сделать вывод о тенденции к репрезентации мира как нестабильного, изменяющегося, зависимого от глобализационных процессов.

Примечательно, что в корпусе 1972–1993 гг. среди неслучайных коллокаций со словом *world* преобладают позитивные характеристики (*stable, hopeful, free, civilized, developing, friendly*), а негативное восприятие мира представлено лишь одним словом *dangerous*. В период 1993 – 2001 гг. выделяются такие характеристики, как *interdependent*, а также *changing* и *responsible*. В период же 2001 – 2009 гг. резко возрастает количество негативных атрибутов (*troubled, unstable, deceiving, dark* и проч.) и характеристик, акцентирующих нестабильность и изменчивость мира (*reshaping, volatile, transformed, interconnected*). Из приведённых выше положительных характеристик мира значимость сохраняет лишь одна – *civilized*. И хотя в подкорпусе 2009–2012 гг. появляются новые

положительные атрибуты, все они характеризуют не реальный, а желаемый мир – мир, к которому нужно стремиться и/или за который нужно бороться: *peaceful, attractive, stable, safer*. На это указывает, в частности, и форма прилагательных, которые часто используются в сравнительной степени (*safer, smaller, strongest, finest* и пр.). Увеличилось и число атрибутов, акцентирующих изменчивость и разнообразие современного мира: *interconnected, globalized, volatile, changing, revolutionary, various*. Мотив внешней угрозы миру имплицитно отсылки к идее его уязвимости (*vulnerable*).

На последующих этапах исследования мы разделили все словосочетания с компонентом *world* на несколько групп: *Adj/Part+W* (где *W* означает *world*), *N+Prep+W*, *W+N*, *V_{tr}+W*, *W+V*, *V_{intr}+Prep+W*. Словосочетания были отобраны с помощью функции KWIC (Keyword-in-Context). В скобках представлено количество вхождений каждого слова в соответствующий период.

Подкорпус 1972 – 1993 (196 вхождений). Несмотря на то, что количество положительно и отрицательно окрашенных прилагательных в словосочетаниях с *world* в данном подкорпусе примерно одинаково, слова и словосочетания с положительной коннотацией преимущественно относятся к будущему или отражают идеальный, желаемый мир (*free (5), free of terrorism (5), civilized (4), better (3), hopeful, new, modern, stable, free of crime and poverty, of peace and security, of hope; our children might live in a better world, ... at peace; the civilized world has to get together; a whole new world of hope; the future of the free world depends on it* и т.д.

Предложения с настоящей временной отнесённостью обычно описывают трудности и проблемы, с которыми сталкивается мир: *the civilized world is still groping for remedies, the peoples of the free world have finally begun to grapple with the problem of terrorism, etc*. Подобным образом словосочетания с негативно окрашенными прилагательными также относятся к настоящему времени и представляют мир как *dangerous, disorderly,*

turbulent, imperfect, complex, of potential instability, totalitarian (например, *in this disorderly and dangerous new world; our world is still a dangerous place; in the fast-moving and turbulent world* и т.д.). Аналогичная тенденция прослеживается и в других подкорпусах. Социальное измерение мира представлено религиозным и экономическим параметрами (*Third, developing, Moslem/ Muslim, Islamic*).

Словосочетания с *world(wide)* в функции прилагательных характеризуют социополитические явления (*power, economy, market, politics, policy, system, interests*) или определяют существительные с отрицательной коннотацией, усиливая концептуализацию мира как нестабильного и опасного места (*threat (2), problem (2), attacks (2)*). Словосочетание *world war* насчитывает 15 вхождений в рассматриваемом подкорпусе, в то время как его антоним – *world peace* – лишь одно.

Подкорпус 1993 – 2001 (165 вхождений). Данный период знаменателен появлением Интернета и окончанием холодной войны с характерным для неё биполярным миром (эти явления отмечены в подкорпусе производными *Worldnet* и *one-world*).

В отличие от предыдущего периода идея опасности и нестабильности становится менее выраженной: в частности, мир характеризуется прилагательными *better, peaceful; changing, interdependent, academic, Islamic*. Словосочетания *world war* и *world peace* имеют одинаковое количество вхождений – по два, при этом мысль об уязвимости (недостаточной защищённости) мира перед лицом террористических угроз имплицитно используется сравнительной степени прилагательного (*make the world more secure*).

Значительное увеличение количества словосочетаний со словами *world* и *worldwide* в атрибутивной функции (58) являются результатом многочисленных упоминаний в текстах зданий Всемирного торгового центра (World Trade Center) в связи с террористическим актом 1993 года (32): *bombing(s) (17), case(s) (2), bomber(s) (2), attack, terrorists, indictment*, и т.д.

Слово *world* в атрибутивной функции часто используется с существительными, обозначающими абстрактные вещи и идеалы (*peace, harmony, phenomenon* и т.д.), а также экономические и общественные явления (*bank, business, government, economy, community* и др.). Негативно окрашенные словосочетания довольно немногочисленны и связаны с военной тематикой: *fight (2), manhunt, pool of potential recruits*.

По сравнению с предыдущим хронологическим периодом меняется характер позиционирования США в мире. Если в период 1972 – 1993 гг. США позиционировались как составная часть мира (*expel America from the world*), то во втором подкорпусе (1993 – 2001) Соединённые Штаты преимущественно представлены как самостоятельный, самодостаточный, равностатусный остальному миру агент, взаимодействующий с ним на равных: *show the world ideals of America; show America to the world; what America is to the world; the risks ... to America and the world would be far greater*. Другими словами, в анализируемом дискурсе заметно усиливается идея американского лидерства в мире: *I want the world to understand; have the world believe; let the world forget* и т.д.

Подкорпус 2001 - 2009 (1023 вхождения). Данный подкорпус содержит наибольшее количество вхождений с компонентом *world* в абсолютном отношении и характеризуется появлением темы глобализации, представленной, в частности, словосочетаниями с прилагательными *interconnected, integrated, globalized* и др. Дискурсивное представление мира в этот период определяется событиями 11 сентября 2001 года: наиболее частотное словосочетание со словом *world* – это *World Trade Center* (42) и его вариации (*World Trade towers (3), World Trade building* и т.д.). Мир позиционируется как находящийся в опасности, сложный и непредсказуемый (*troubled (2), dangerous (2), complicated, complex, unpredictable, divided*). Слово *world* в атрибутивной функции часто используется как синоним к слову «глобальный», при этом тематическая отнесённость словосочетаний представлена тремя группами: а) конфликтность, нестабильность и опасность

– *war (21), threat (4), conflicts, crime, problem, terror, incidents, assault*; б) экономика и политика – *bank (5), financial system (3), security (3), leaders (2), economic forum, stage, order, peace, stability, potential, sanctions, allies*; в) взаимодействие и интеграция – *network (4), effort(s) (4), coalition (2), community (2), events, history, press, activities, partners; movement (2), standard, organization, mechanisms, system*.

Обращает на себя внимание появление предложений с прескриптивной модальностью, акцентирующих необходимость борьбы с терроризмом: в частности, из 20 предикативных групп с субъектом *world* 14 представлены словосочетаниями с модальными глаголами *must* и *has* (*must make sure; has to continue to fight terrorism; must find a way; has to go after terrorism; must confront the root causes of terrorism; must deal with Hezbollah; should be concerned; can see our ambitions; might look like* и т.п.).

Прилагательные с негативной коннотацией по-прежнему чаще характеризуют современный мир, а прилагательные с положительной коннотацией описывают желаемый мир или мир будущего. Наиболее частотны прилагательные *civilized (40)* и *free (10)*; наряду с этим мир характеризуется прилагательными *peaceful (5), (more) united (4), safer (3), more helpful, just, pleasant, better, open, more predictable, developed, modern*. По-прежнему часто используется сравнительная степень прилагательных, акцентирующая динамичность и нестабильность анализируемого конструкта: *is better off without S.Hussein (6); is/ will be safer (3); is more free; will be more secure*). При этом если с географической точки зрения мир представляется дискретным (*parts of the world, regions of the world*, и т.д.), то в политическом отношении он дуален, при этом разделение происходит по религиозно-ценностному принципу: *Muslim (30), Arab (20), Islamic (12)* против *civilized (40)/ western/ democratic world (those regimes defied the demands of the civilized world; global threats faced by the civilized world; the attack in London was attack on the civilized world; terrorists continue to plot against America and the civilized*

world; the West and the Islamic world; Islamists do not seek armistice with the civilized world и т.д.).

Словосочетания с *world* в притяжательном падеже с превосходной степенью прилагательных негативной семантики *W's+(Adj._{superl.})+N* акцентируют напряжённость и угрозы миру: *world's most destructive weapons (3), most dangerous regimes, most deadly weapons, most volatile region, poorest and most politically unstable regions, longest non-militarized border* и т.д.).

Подкорпус 2009 - 2012 (426 вхождений). Хронологически данный период охватывает первый срок президентства Б.Обамы. По сравнению с предыдущими подкорпусами мир по-прежнему представляется сложным и опасным (*more complex, changing, dangerous*), однако имеет место позитивная динамика. Такое дискурсивное позиционирование достигается благодаря прилагательным с положительной коннотацией, которые подчёркивают успехи в войне с терроризмом и конструируют идеальный мир будущего: *peaceful (3), safer (2), (more) secure (2), stable, free, open, more prosperous, more just, democratic, symmetric*. Сохраняет свою актуальность и параметр глобализации современного мира *globalized (3), interconnected (3), networked, smaller*.

Ещё более ярко выражена идея лидерства США в современном мире – в противовес имевшему место ранее позиционированию Соединённых Штатов как составной части мира (*America's role in the world (4), America's position in the world (2), America's place in the world*). Мир и США всё чаще представляются как равностатусные взаимодействующие агенты: *we showed the world (3); the world needs America (2); values and ideals America represents to the world (2); US is somehow in conflict with the rest of the world; America needs the world just as the world needs America; America can't solve the problems of the world alone and the world can't solve them without America; how we can help the world; we've been able to mobilize the world; Kennedy told the world; we sent a clear message to the world* и т.д. Идея превосходства США выражается в словосочетаниях типа *America's+Adj._{superl.}+N: the best counter-insurgency force*

in the word; the finest strategic land force in the world, best education system (3) strongest, most effective legal system in the world; the most attractive place in the world for entrepreneurs, innovations, businesses (2) и т.д.

Среди словосочетаний, где слово *world* используется в номинативной функции, наиболее частотны три: *the Muslim world (9)*, *America and the world (6)* и *the rest of the world (6)*. Они указывают на ключевых агентов дискурса противодействия терроризму: США, мусульманский мир и «остальной» мир.

Таким образом, смысловая динамика концепта *world* проявляется в ряде моментов. Наиболее очевидным параметром современного мира становится признак глобализации. Подчёркивается его нестабильность и грозящая ему опасность. При этом репрезентация мира остаётся амбивалентной в аспекте предложных словосочетаний, составляющих до 50% всех вхождений с лексемой *world* (например, *around the world, all over the world* и т.д.), где мир представляется монолитным, и в то же время очевидно деление мира по религиозно-ценностному признаку («мусульманский» мир как оппозиция «цивилизованному» миру). Наряду с этим всё более явным становится деление мира по линии «США и весь остальной мир».

'World' в американском дискурсе противодействия терроризму и в онлайн-корпусе современного американского английского (СОСА)

Гипотезу о дискурсивной специфике и смысловой динамике анализируемого концепта подтверждают результаты тестов на взаимную информацию (MI) в корпусе дискурса противодействия терроризму и онлайн-корпусе *Corpus of Contemporary American English (СОСА)*. Корпус СОСА насчитывает более 520 млн. слов (дата доступа 1 июня 2016 г.) и охватывает период с 1990 по 2015 гг. В корпусе представлены материалы, маркированные как «разговорный американский английский» (*spoken*), «академический» (*academic*), «журналистский»/ «публицистический» (*magazine*), «новостной», или «язык СМИ» (*news*) и «язык художественной

литературы» (*fiction*), что даёт основание считать его достоверным, сбалансированным по жанрам и тематике образцом современного американского варианта английского языка. Для анализа были отобраны первые 100 коллокатов к слову *world* с максимальными показателями МІ из обоих корпусов (Приложения 4, 5).

Даже краткий обзор основных тематических областей, с которыми ассоциируется мир в обоих корпусах, даёт основание утверждать, что образ мира в общем американском английском существенно отличается от образа мира, конструируемого американскими политиками в контексте борьбы с терроризмом. *World* в современном американском английском (*COCA*) – это конкурентная среда, что подтверждают 16 прилагательных в превосходной степени (*largest, second-/third-largest, finest, wealthiest, luckiest, busiest, richest, poorest, smartest, fastest-growing* и т.д.). Конкуренция характеризует прежде всего сферы поп-культуры, спорта и технологий (*World Cup, championship(s), champion(s), ranking(s), standings* и др). Спорт и культура, в том числе поп-культура, представлены достаточно широко (в общей сложности 23 слова: *UNESCO, Walt, Disney, (world) premiere(s), Guinness, (World of) Warcraft, slalom, FIFA, encyclopedia, anti-doping, heavyweight, medalist* и др.). С конкуренцией также ассоциируются семантические категории власти и экономики: *superpower, domination, conquer, reigning, fairs, economies, exporter, WTO, IMF, trade, richest/ poorest, wealthiest* и др.

Мир (*world*) в дискурсе противодействия терроризму представляется в первую очередь политически нестабильным и опасным: *volatile, transformed, shaping, revolutionary, advancing, changed/ing, smaller, democracies, tyranny, engagement, rallied, troubled, dangerous, dark, fail, suffered*. В контекстуальном окружении слова *world* чётко выделяется лексика военной тематики: *wars, bombed, bombing, battlefield, pentagon, plotted*. Слов, относящихся к экономической сфере существенно меньше по сравнению с корпусом *COCA*: *market, banking, trade, accounts*. Прилагательные с положительными

коннотациями достаточно многочисленны (*civilized, hopeful, stable, safer, peaceful, free, friendly* и др., всего 11).

Общим для обоих корпусов с точки зрения лексического окружения слова *world* является, во-первых, практически полное отсутствие лексем, обозначающих этничность и религиозную принадлежность; исключением является слово *Arab*, а единственной религией – ислам (*Muslim, Islamic* (СОСА), *Muslim(s), Islamic* (дискурс противодействия терроризму)). Во-вторых, в обоих корпусах отражена тематика глобализации современного мира, однако в корпусе СОСА ей уделено больше внимания (ср. *interconnected, globalized* (дискурс противодействия терроризму); *globalized, interdependent, interconnected, multi-polar* (СОСА)). В то же время «географическое» измерение мира, несмотря на представленность в обоих корпусах, более актуально для корпуса дискурса противодействия терроризму: *around, anywhere, corner(s), somewhere, parts, rest, entire, throughout, locations, whole, elsewhere, regions, across, everywhere*. Географическое измерение мира в СОСА представлено меньшим, но более конкретным объёмом понятий: *around, rest, throughout, parts, anywhere, oceans, capitals*.

3.3.3 Эволюция концепта *terrorist* в американском дискурсе противодействия терроризму

В последние годы слово «терроризм» превратилось в высокочастотное слово, которое часто используется в нетерминологических значениях (т.н. *'catch-all' term*). Эта особенность, в свою очередь, влияет на «обывательское» понимание террориста: термин становится размытым и включает всё большее количество аспектов, изначально не присущих феномену терроризма.

Анализ концепта *terrorist* в каждом из подкорпусов проводился в несколько этапов:

1) Лексикографический анализ русско- и англоязычных энциклопедических словарей для определения семантического ядра лексемы *terrorist*;

2) Отобранные с помощью функции KWIC производные от слова *terrorist* были подвергнуты статистическому анализу с целью выяснения количества их вхождений в каждом подкорпусе и частотности слова *terrorist* и его производных в процентном отношении к количеству слов в каждом подкорпусе;

3) Для каждого подкорпуса был проведён статистический тест MI, по результатам которого для анализа были отобраны 100 слов с самыми высокими показателями (Приложение 11). Семантический анализ слов позволил выявить общие тенденции концептуализации словоформы *terrorist* (в номинативной и атрибутивной функции) для каждого периода;

4) После унификации групп словосочетаний (например, в подкорпусе 2001 – 2009 гг. программы воспринимали варианты написания ‘Kaeda’ и ‘Qaeda’ как разные слова) были составлены списки (группы) словосочетаний типа *Adj+T(s)* (где $T(s) = \text{terrorist}(s)$) и *T(s)+Noun* с целью выявления характера репрезентации террористов и её изменений (Приложения 6, 7, 8, 9).

Следует отметить, что русскоязычные и англоязычные словари (включая политические и энциклопедические словари, посвящённые терроризму, его истории, развитию и т.д.), не имеют отдельной словарной статьи, посвящённой определению слова «террорист». Само слово при этом активно используется как в словарных статьях, посвящённых определению терроризма, так и в других, чаще всего для именованя конкретных лиц (групп лиц) совершающих террористические акты, либо в функции прилагательного – в англоязычных словарях (например, «Новейший политологический словарь» под редакцией Д.Е.Погорелого, «Политология: словарь-справочник» под редакцией М.А.Василика, “Dictionary of Terrorism” Дж.Сэкра (J.R.Thackrah), “Historical Dictionary of Terrorism” Ш.Андерсона и С.Слоана (S.Anderson, S.Sloan), “Encyclopedia of Terrorism” Х.У.Кушнера

(H.W.Kushner)). Единственным словарём, в котором была обнаружена отдельная словарная статья для слова «террорист», стал «Словарь иностранных слов» (1955) под редакцией И.В.Лёхина и Ф.Н.Петрова, где террорист определяется как «участник террористических актов», а «террористический», в свою очередь, – это «внушающий ужас, страх» [Словарь иностранных слов 1955: 687]. Так или иначе, под террористом понимается лицо, совершающее акт террора (терроризма), что само по себе является неоднозначным понятием. В этой связи представляется целесообразным не только посмотреть, как террорист позиционируется в рамках дискурса противодействия терроризму, но и проследить динамику этой репрезентации.

Производные от лексемы 'terrorist' и их характеристика

Приведённая ниже таблица суммирует производные от слова *terrorist* и их количество во всех подкорпусах:

Производное / период	1972 – 1993	1993 – 2001	2001 – 2009	2009 – 2012	Итого
Terrorist (прилаг.)	465	211	1247	390	2313
Terrorists	330	208	1264	215	2017
Terrorist (сущ.)	36	13	74	21	144
Terrorists'	9	-	39	1	49
Counter(-)terrorist/s	15	7	23	3	48
Anti(-)terrorist	14	1	16	-	31
Terrorist-related	-	1	11	3	15
Terrorist's	5	1	2	-	8
Terrorist-linked	-	-	3	1	4
Bio(-)terrorist	-	-	-	3	3
Terrorist-supporting	2	-	1	-	3
Most-wanted-terrorist (list)	-	-	2	-	2
Counterterrorists'	-	-	-	1	1
Cyber-terrorist	-	-	-	1	1
Terrorist-sponsoring	-	-	-	1	1

Non-terrorists	-	-	1	-	1
Pro-terrorist	-	1	-	-	1
Terrorist-fighting	-	-	1	-	1
Terrorist-connected	-	-	1	-	1
Terrorist-type	-	-	1	-	1
Terrorist-proof	-	1	-	-	1
Terrorist-emerging	-	1	-	-	1
Итого	876	445	2686	640	4647

Таблица 3. Производные слова 'terrorist'¹ и их частотность в корпусе

Слово *terrorist* в атрибутивной функции используется в нашем корпусе в 16 раз чаще, чем в функции подлежащего. В то же время частотность формы множественного числа (*terrorists*) примерно равна её частотности в функции прилагательного. Такое соотношение можно объяснить принципом экономии речевых усилий (словосочетание *T+Noun* короче, чем *X of a/the terrorist**), а также тем, что отдельно взятые террористы менее интересны для политиков.

Анализ частотности сложных и производных слов с компонентом *terrorist* выявил актуальность отношений между террористами и третьими сторонами, которые их поддерживают, связаны с ними или борются против них (*terrorist-supporting/ -related/ -fighting* и т.д.). Не столь ярко выражена идея диверсификации терроризма (*bio- / cyber- / non-terrorists*). Любопытно отметить, что почти все производные типа *terrorist- (ParticipleI)/ (ParticipleII)* представляют террористов как объект, а не субъект действий: *to support terrorists* (от *terrorist-supporting*), *to fight (with) terrorists* (от *terrorist-fighting*), *to be related to terrorists* (от *terrorist-related*) и т.д.

Значение противодействия терроризму зафиксировано в трёх производных – *counter(-)terrorist*, *counter(-)terrorists* и *anti(-)terrorist*. Все 78 вхождений были проанализированы с точки зрения сочетаемости. Среди коллокатов отмечены 34 существительных, которые распадаются на

¹Разделение слова *terrorist* на номинативное и адъективное функции иногда представляло сложность (явление, известное как *stonewall problem*). В целом, словосочетания типа *terrorist+Noun* понимались нами как использование *terrorist* в описательном смысле (как прилагательное), в значении «принадлежащий, связанный с или характеризующий террориста или террористическую активность».

несколько семантических групп: (а) предпринимаемые действия, усилия: *effort(s)* (7), *measure(s)*(7), *response*, *raid*, *action*, *fight* (2), *struggle*, *steps*; (б) законодательное регулирование: *policy/ies* (4), *legislation* (2), *programs*, *conventions*, *police*, *act*, *agencies*; (в) военные действия: *forces*, *center* (4), *operations* (6), *campaign*; (г) финансирование: *financing* (7), *finance* (5); (д) стратегическое планирование: *strategy* (6), *tactics* (2), *mission*; (е) сотрудничество: *network*, *coalition*; (ж) коммуникация: *rhetoric*, *label*; (з) прочее: *tools*, *skills*, *mode*, *end*, *players*. Таким образом, противодействие терроризму рассматривается в изучаемом дискурсе в первую очередь в аспекте воздействия (в том числе и военного) и объединения усилий в борьбе с терроризмом.

*Смысловое наполнение лексемы 'terrorist' и его динамика
(анализ словосочетаний)*

На следующем этапе исследования был проведён анализ различных типов словосочетаний со словом *terrorist*.

В первую очередь были проанализированы словосочетания типа *Adj/ Part + terrorist*, *Noun + terrorist*, при этом прилагательные в словосочетаниях типа *Adj/ Part + terrorist* были сгруппированы по семантическому признаку (см. Приложение 6). Общее количество проанализированных словосочетаний составило 360 единиц.

Ключевым смыслообразующим признаком в позиционировании террористов стало противодействие или борьба с ними (123 слова, или треть всех зафиксированных прилагательных и причастий (*suspected*, *captured*, *jailed*, *imprisoned*, *incarcerated* и др.)). В этом отразилось восприятие террористов (американской) правовой системой в первую очередь как преступников.

Прилагательные и причастия, характеризующие террористов по религиозному признаку, так или иначе связаны только с одной религией – исламом (*Islamic*, *sunni*, *islamist* и др.). Зарегистрировано одно

прилагательное, обозначающее светский характер терроризма и террористов - *secular*. Статистически значимой характеристикой террористов оказалась страна их происхождения. Интересно отметить в этой связи, что религиозный фактор не в полной мере коррелирует со странами происхождения и национальностями террористов: более 50% национальностей и регионов, которые характеризуют террористов в изучаемом дискурсе, традиционно не ассоциируются с исламом (*Colombian, Portuguese, Japanese, Western-European* и т.д.).

Принадлежность террористов к той или иной группировке или организации также является важным параметром и занимает третье место по частотности в анализируемом корпусе. Все упоминаемые в нём организации связаны с арабо-израильским конфликтом или исламом (*Al-Qaeda/Qaida/Kaeda, Jeemaiya al-Islamiiyah, Abu Nidal, Hezbollah/Hizbollah, Fatah* и т.д.). Таким образом, центральное место в американском дискурсе противодействия терроризму занимает ситуация на Ближнем Востоке.

Широкое распространение терроризма также представляется значимой характеристикой рассматриваемого корпуса. Многократное повторение прилагательных *international, global* и *transnational* при упоминании террористов создаёт образ глобальной террористической угрозы, которой противостоят США. Повторяющиеся характеристики типа *foreign, alien* и *overseas* (в общей сложности 25 примеров) создают образ террориста как «чужого», «другого». Упоминание внутреннего терроризма (*domestic* и *indigenous*) встретилось в корпусе всего 7 раз.

Присутствие прилагательных *drug, money-laundering, suicidal, biological, urban, radical, extremist* и др. (в общей сложности 12 примеров) в ближайшем окружении слова *terrorist* указывает на то, что (1) терроризм в американской политической риторике позиционируется как преступная деятельность, связанная с отмыванием денег и наркотиками, (2) одной из распространённых форм терроризма является использование террористов-

смертников и (3) теракты совершаются в местах большого скопления людей, а террористами являются лица с экстремистскими взглядами.

Концептуализации понятия 'terrorist' на примере сочетаемости:

диахронический аспект

Для отслеживания дальнейшей концептуализации понятия *terrorist* обратимся к словосочетаниям типа *Adj / Part + Terrorist(s)* для каждого подкорпуса (Приложение 7).

Подкорпус 1972 – 1993 (85 вхождений). Подкорпус 1972 – 1993 акцентирует такие компоненты, как национальность и регион (происхождение) террориста: *Middle East/ern, Italian, North Korean, Portuguese, Turkish, Palestinian, Lebanese, Columbian* (в общей сложности 23 словосочетания), а также степени и территории влияния и деятельности (*international, transnational, western, foreign, homegrown, domestic, urban, alien, indigenous*). Интересно, что с точки зрения происхождения террористы могут быть как «своими» (*homegrown, indigenous, domestic*), так и «чужими» (*foreign, alien*), но с точки зрения территории их деятельности самым распространённым словосочетанием является *international terrorist* (8 вхождений). Тематика прилагательных и причастий, с которыми слово *terrorist* сочетается в корпусе, указывает на высокую актуальность смысловых компонентов, связанных с правосудием и законом (например, *suspected, convicted, captured, imprisoned, jailed*). Незначительными, но чётко выделяющимися тематическими группами в характеристике террористов 1970 – 1980х гг. стала их принадлежность к определённым террористическим группировкам и направлениям деятельности (*Abu-Nidal, Fatah, state-supported, political, drug, leftist*), а также религия (*Sikh, Shia*). В отдельную группу выделяются известность и влиятельность террористов (*significant, known, notorious, infamous*).

Подкорпус 1993– 2001 (47 вхождений). Подкорпус 1993 – 2001 гг. значительно менее разнообразен и представлен меньшим количеством

словосочетаний со словом *terrorist*. Самой распространённой характеристикой террориста в этот период стало его иностранное (неамериканское) происхождение (*international, alien, overseas, foreign, domestic*, всего 21 словосочетание). Практически отсутствует именование по национальному признаку (единственные зафиксированные прилагательные – это *Palestinian* и *Israeli*), количественно несколько уменьшилась характеристика террористов в терминах закона/ преступления (*suspected, indicted, wanted*, в общей сложности 8 словосочетаний против 12 в предыдущем периоде). Террористы характеризуются и как *secular*, и как *Islamic*, при этом акцентируется смысловой компонент, характеризующий фанатичную приверженность опеределённым идеям (*fanatic, crazed, radical*).

Подкорпус 2001 – 2009 (212 вхождений). Подкорпус 2001 – 2009 гг. демонстрирует увеличение частотности словосочетаний типа *Adj / Part + Terrorist(s)* в 4,5 раза – с 47 до 212, что связано с увеличением внимания к феномену терроризма и его акторам в связи с событиями 11 сентября 2001 года. Наряду с географическими - *foreign, international, homegrown, domestic, European-based, global, regional* (всего 41 словосочетание) - и статусными характеристиками, связанными с преступлениями/ судебным преследованием - *suspected, captured, hardened, imprisoned* (в общей сложности 58 словосочетаний), - выделяется характеристика террористов по религиозной принадлежности и по принадлежности к террористической группе: *Hamas, Al-Qaeda-inspired, al-Islamiyah, Islamic, Sunni, Islamist, fundamentalist* (всего 35 словосочетаний).

Новым является и оценочное позиционирование террористов как опасного и грозного противника - *dangerous, trained, brutal, sophisticated, hardened, high-profile, evil, infamous, extreme, radical* (14 словосочетаний). Очевидна также озабоченность США проблемой распространения терроризма и роста числа террористов: *potential, would-be, prospective; young, untested*. Установка на победу над терроризмом отражается в соответствующих атрибутивных характеристиках *entrenched, hunted* и

defeated. При этом зафиксировано три прилагательных, называющих страну или регион происхождения террористов: *Irish, Southeast Asian, Jordanian*.

Подкорпус 2009 – 2012 (51 вхождение). В последнем подкорпусе почти в четыре раза уменьшилось количество словосочетаний с компонентом *terrorist* (51 вхождение). Террористы в этот хронологический период позиционируются как преступники, которые должны быть пойманы и наказаны (*suspected, captured, alleged, hardened, incarcerated*, в общей сложности 20 словосочетаний). Подчёркивается глобальный характер террористической угрозы (*international, global* (6 словосочетаний)) и жестокость террористов (*violent, worst, experienced, hardened, committed*). При этом в атрибутивной позиции упоминаются лишь одна лексема со значением этничности (*Pakistani*) и одна террористическая группа (*Al-Qaeda, Al-Qaeda-inspired*, 12 словосочетаний). Это можно считать свидетельством того, кто в данный исторический период воспринимался в США как главная террористическая угроза.

Динамика репрезентации террористов

на примере словосочетаний типа 'Terrorist(s) + Noun'

Словосочетания типа ***Terrorist + Noun*** в 6,5 раз многочисленнее, чем словосочетания типа *Adj/Part + Terrorist*. В них фактически отражён весь набор действий и явлений, ассоциируемых с террористами, их организациями, целями и способами их достижения. С учётом этого, а также принимая во внимание, что программы *AntConc* и *kwic* выделяют все словосочетания *Terrorist + Noun* совместно, мы сочли возможным анализировать такие словосочетания совместно (*terrorist* – как лицо и как ассоциируемые с этим лицом действия, т.е. использование слова *terrorist* в атрибутивном значении). Общее количество таких словосочетаний в изучаемом корпусе составило 2359, их распределение по тематическим группам представлено в Приложении 8. Кратко остановимся на результатах анализа.

Наиболее распространён способ характеристики террористов в словосочетаниях типа *Terrorist + Noun*, где слово *terrorist* является субъектом; этот тип представлен 1034 словосочетаниями. Сюда входят четыре из шести самых частотных слов среди словосочетаний этого типа (*terrorist attack/s (306)*, *terrorist threat/s (211)*, *terrorist act/s (124)*, *terrorist activity/ies (124)*). Террористы представлены в первую очередь через призму агрессии, как преступники. Смысловой акцент на угрозе предполагает необходимость противостоять ей различными методами, начиная со слежки и сбора разведывательной информации до законодательных мер воздействия и преследования и вплоть до физического устранения (*terrorist surveillance, screening, tracking, trial/s, exclusion, retaliation, prosecutions, removal* и др.).

Весьма распространёнными являются словосочетания, характеризующие террористов в аспекте их организации (*terrorist group/s (292)* и *terrorist organization/s (228)*). В эту же группу входят сочетания со словами *network/s, cell/s, infrastructure/s* и т.д. Террористическими в американской политической риторике могут быть как государства (*states* и *nations*), так и небольшие ячейки (*cells* и *factions*).

Деятельность террористов представлена целенаправленной и тщательно спланированной, о чём свидетельствуют слова *plot/s, tactics, plotting, conspiracy/ies* и др.

Террористы позиционируются как преступники (*murderers, criminals, extremists, hijackers*) и враги (*enemies, adversaries, aliens*), у которых есть союзники, оказывающие им финансовую и иную поддержку (*allies, supporters, facilitators, sympathizers, financiers*). Имеет место тенденция к дегуманизации террористов (*terrorist parasite, terrorist elements, terrorist subjects*). Руководители террористов представлены как *colonels* и *warlords*.

Террористы позиционируются как имеющие прочный тыл. Слова *safehavens* и *sanctuaries* относятся к числу наиболее употребительных, а лексемы *camps, bases, strongholds* в коллокациях позиционируют терроризм как военную угрозу. Подчёркивается важность финансовой составляющей

терроризма (192 словосочетания, при этом 113 из них – со словом *financing*). Лишь в 9 словосочетаниях террористы позиционируются как слабые, нуждающиеся в поддержке извне (*support, vulnerability/ies*).

В целом анализ словосочетаний типа *Terrorist + Noun* позволяет сделать вывод, что террористы позиционируются как определённым образом структурированная и совершающая жестокие и агрессивные действия масса людей, что создаёт эффект обезличенности.

Более детальное изучение указанных словосочетаний в хронологическом аспекте позволило выявить ряд особенностей (см. Приложение 9).

Подкорпус 1972 – 2001 (275 вхождений). В этот период много внимания уделяется действиям, ассоциируемым с террористами (24 словосочетания общим количеством 152 вхождения, или 55% всех словосочетаний). При этом только 5 из них (или всего 3%) именуют конкретные действия или преступления террористов (*assassinations, hijackings, air piracy, assaults*), остальные обозначают более общие действия и характеристики (*attack/s, act/s, incident/s, threat/s, activities/y, violence* и т.д.). При этом террористы именуются *murderers, criminals, subjects, alien, apparatus* (всего 6 вхождений). Имеет место стремление осмыслить новую на тот момент проблему и понять планы террористов, их цели и стратегии: *dimensions, aims, tactics, demands, strategy, links, policy, campaign, scourge, issues, targets, vulnerability, problem/s, scene* (38 вхождений).

Подкорпус 1993 – 2001 (344 вхождения). Террористы именуются *elements, individuals, leaders, surrogates, aliens, suspects* (всего 8 вхождений). Как и в предыдущем периоде, имеет место определённая детализация действий террористов (*bombing/s, bomb attacks, offenses, disasters, assaults, murders*), которые, однако, так же составляют незначительный процент от всех вхождений, называемых ассоциируемые с террористами действия (12 из 173, или 7%). Тем не менее, в последующие периоды подобной детализации зафиксировано не было. Отмечена рефлексия вокруг феномена

терроризма, которая при общем небольшом разнообразии словосочетаний фокусируется скорее на планах террористов, чем на феномене вообще (*plan/s, purposes, agendas, plots* (9 вхождений из 15); а также *nature, option, consequences, capabilities, campaigns*).

Подкорпус 2001 – 2009 (1454 вхождения). В третьем подкорпусе представлено наибольшее количество коллокаций (61% от общего количества словосочетаний типа *Terrorist + Noun*). В основном они характеризуют структуру и структурные подразделения террористов (*group/s, network/s, movement/s, organizations, cell/s, entities*) и их действия (*acts, activity, attacks, threats, operations, murder, crime/s, violence, offense/s, abuse, disasters, barbarism*). Вместе две этих группы слов составляют 905 вхождений (или 62% от общего числа словосочетаний за данный период).

Отличием от других периодов стала интенсивная рефлексия вокруг феномена терроризма, последовавшая за событиями 9/11. В качестве примера можно привести акцентуацию вопросов финансирования терроризма (словосочетания со словами *financing, finance/s, fundraising, funding, funds, money, asset/s, financiers, accounts, sponsors* составили в общей сложности 168 вхождений, или около 12%). Зарегистрированы коллокации со значением поддержки террористов, как идейной, так и финансовой (*support, sponsors, allies, sympathizers, supporters, support systems*). В фокусе внимания также места, ассоциирующиеся с пребыванием террористов (*enclaves, (training) camp/s, safehouse/s, (safe) haven/s, base, camp, sanctuary/ies, underworld, strongholds, theaters of operation, hub*). Террористы и их пособники получают разнообразные наименования (*extremist, suspect/s, aliens, planner, trainers, organizers, leaders, individuals, enemy/ies, personnel, adversary/ies, hijackers, operatives*). Феномен терроризма анализируется с разных точек зрения, результатом чего стало большое число словосочетаний с абстрактными существительными (*trend, associations, phenomenon, propaganda, leadership, capabilities, chaos, crisis, realities, ideology, logistics, campaign, mentality*). Следует упомянуть также о существительных, акцентирующих общие

вопросы проблематизации терроризма (*concerns, challenge, problem, scourge, endeavor*) и позиционирование террористов как хитрого и расчётливого противника (*conspiracy/ies, plotting, agenda, plot/s, plans, planning, strategy, purposes, intentions, schemes*).

Подкорпус 2009 - 2012 (292 вхождения). В последний период словосочетания типа *Terrorist + Noun* отражают в основном типы структурной организации (*group/s, organization/s, network/s, cell/s* и др.) и действия, ассоциируемые с террористами (*threat/s, activity/ies, attack/s, operation/s* и др.), которые насчитывают в общей сложности 215 словосочетаний, или 74% всех вхождений за данный отрезок времени. Зарегистрирована также группа слов, именующих террористов: *suspects, operatives, leader/s, financiers, adversaries, insurgents, militias* и даже *warlord*.

На примере анализа динамики двух типов словосочетаний со словом *terrorist* можно сделать вывод об актуальности метафорического осмысления рассматриваемого феномена в контексте объявления Дж.Бушем-мл. войны с терроризмом. Это находит отражение в способах именовании видов борьбы с ними (*investigations, trials, crime/s, schemes, assaults, offense/s, surveillance, kidnapping, interrogations, arrests, legislation*) и в наименованиях самих террористов (*murderers, criminals, suspects, hijackers*). При этом, если в подкорпусе 1972 – 2001 гг. метафора войны имела место в 12% случаев (или в 94 из 751 словосочетаний), а мотив преступления акцентировался в 8% вхождений (или в 59 из 751 словосочетаний), то после 2001 г. использование метафоры войны показало значительный рост. В период 2001 – 2012 гг. метафора войны была зафиксирована в 22% случаев (в 445 словосочетаниях из 2021), а метафора преступления была отмечена в 10% случаев (в 222 словосочетаниях из 2021). Среди общих тенденций также можно отметить интуитивно ощущаемую после 2001 года исключительную сфокусированность дискурса на регионе Ближнего Востока, на «Аль-Каиде» и на религиозной подоплёке действий террористов.

Динамика семантического наполнения лексемы 'terrorist':

тест на взаимную информацию

Тест на взаимную информацию (MI) сначала был проведён на основании всего корпуса с целью выявить, с какими тематическими полями ассоциируется слово *terrorist* (как в атрибутивной, так и в субъектной и объектной позициях). Затем тот же тест был проведён для каждого подкорпуса по отдельности, что позволило отследить динамику смыслов, ассоциирующихся с террористами. Результаты теста на взаимную информацию как для всего корпуса, так и для каждого подкорпуса в отдельности представлены в Приложениях 10 и 11.

Что касается MI всего корпуса, то результаты общего семантического анализа в целом совпадают с результатами, полученные для словосочетаний типа *Terrorist + Noun*. Самое большое количество коллокатов описывает способы противодействия террористам (*interdicting, repel, disrupt, interdiction, apprehend, responding, deter, disrupted/ing, preven/ing, detecting, tracked/ing, rooting, blocking, eliminate, dismantle/ing, arresting, watchlist, surveillance*). На втором месте – тематическая группа «преступления» (*criminalize/ing, outrages, suspects, complicity, shadowy, surrogates, sentenced, trials, alleged*). Чётко выделяются тема организационной структуры (организации) террористов (*groups, cell/s, organization/s, networks, affiliated, links*) и их финансирования (*financing, financiers, finance/s, freeze (theassets), lifeblood*). Собственно террористические действия представлены довольно общими терминами *activity/ies, incident/s, menace, acts, plots, strikes, attacks, insurgencies*. Наконец, среди коллокатов можно выделить группу прилагательных, дающих оценку самим террористам – *notorious, designated, indigenous, deadliest, degraded, rogue*. В целом, набор коллокатов по всему корпусу нейтрален, но можно сделать вывод, что в корпусе террористы расцениваются в первую очередь как преступники, действия которых необходимо пресечь или от которых необходимо избавиться.

Рассмотрение 100 коллокатов для каждого подкорпуса позволяет получить представление о динамике концепта *terrorist* в изучаемом дискурсе.

Период 1972 – 1993 гг. Среди коллокатов данного подкорпуса зарегистрированы слова, указывающие международный характер терроризма и называющие национальную или этническую принадлежность террористов (*international, overseas, Europe, Middle East, Lebanese, Syrian, Colombian, Palestinian, Libya, Germany, Syria, Libyan*). Довольно широко представлены действия, приписываемые террористам, и их оценка (*incident/s, demands, activity/ies, assassinations, act/s, attack/s, threat/s, violence*). Осмысление терроризма ведётся также через призму юридической и военной составляющей. Слабее выражен мотив противостояния террористам (*respond, prevent, counter*).

Период 1993 – 2001 гг. По сравнению с предыдущим периодом, много внимания уделяется организационной составляющей террористических групп (*organization/s, networks, group/s, infrastructure, movements, potential, facilities, tools*). Террористы продолжают ассоциироваться с различными странами и частями света (*Puerto-Rican, Israel, Lebanon, Afghanistan, Libya, foreign, domestic, worldwide, international, overseas, Middle (East)*), но регистрируется и вхождение *domestic*. Кроме того, среди коллокатов этого периода встречаются слова военной тематики и лексемы, относящиеся к тематической группе «юриспруденция/ закон» (*strikes, operations, crimes, jurisdiction, attack/s, threat/s, commit*). Таким образом, терроризм позиционируется как финансируемая (*fund/s, fundraising, funding*) преступная деятельность, с которой необходимо бороться: *address, respond/ing, deter, prevent, punish, counter, anti*.

Период 2001 – 2009гг. В этот период отмечено трёхкратное увеличение коллокатов, обозначающих способы противодействия террористам (от 8 до 24). При этом виды противодействия отличаются по степени жёсткости (*identifying, detect/ing, tracking, responding, blocking, deter, prevent/ing, detain, interdiction/ing, freeze/ing (assets), dismantle/ing, disrupt/ed/ing, rooting,*

eliminate, destroy). Зарегистрированы и практически отсутствовавшие в предыдущий период лексемы со значением «правосудие»: *arresting, prosecute, investigating, criminalize/ing, alleged, shadowy, suspects, surveillance, watchlist*. Артикулируется необходимость сотрудничества в борьбе с терроризмом: *consolidated, integration*. Важно отметить, что среди коллокатов периода 2001–2009 гг. отсутствует специфика в плане национальной, религиозной или этнической принадлежности террористов, а в аспекте географической привязки отмечена всего одна – *globally*. Террористов позиционируют собирательно (*movements, cell/s, organization/s, infrastructures, networks, groups, entities*), при этом акцентируется связь между структурными группами (*affiliated, connections, ties, connected, links, related*). Деятельность таких организаций (ячеек) описывается коллокатами *activity/ies, incident/s, plots, acts, attacks, plotting*, что создаёт ощущение угрозы. Среди коллокатов присутствуют и слова, акцентирующие вопрос финансирования терроризма (*financing, finance/s, financiers*).

Период 2009 – 2012 гг. По сравнению с предыдущим периодом коллокатов, означающих реакцию на действия террористов, становится меньше (*repel, defeating, prevent/ing, response, counter, reduce, disrupt, address, against*). Менее детализированной становится и тематическая группа коллокатов «преступление/ правосудие» (*suspects, suspected, laundering, criminal*). По сравнению с периодом 2001–2009 гг. уточняется география терроризма, обозначая места в основном вне США (*international, foreign, Europe, global, Asia*), при этом упоминаются только ближневосточные террористические организации – *Hezbollah, Hamas, Al-Qaida*. Также присутствуют тематическая группа «финансирование» (*financiers, financing, finance*) и «организационная структура» (*cells, camps, organization/s, group/s, network/s*). Единственными значимыми изменениями в наборе коллокатов по сравнению с предыдущим периодом можно считать появление группы конкретных действий и явлений, ассоциируемых с террористами (*violence,*

cyber, plotting, plots, threat/s, propaganda, cases, recruitment, attack/s, travel, training, activity/ies, acts).

Таким образом, анализ коллокатов слова *terrorist* в корпусе позволяет сделать вывод о смысловой динамике соответствующего концепта (в части национальной, этнической, географической и других составляющих).

*Концептуализация террористов в
американском дискурсе противодействия терроризму и в
корпусе энциклопедических статей («словарном» корпусе)*

С целью рассмотрения особенностей дискурсивной концептуализации террористов было проведено небольшое исследование, целью которого является сравнение словосочетаний типа *Adj / Part + Terrorism* для всего изучаемого корпуса в сравнении с так называемым «словарным» корпусом, в который входят все словарные статьи двух словарей о терроризме – *Dictionary of Terrorism* [Trackrah 2005] и *Encyclopedia of Terrorism* [Kushner 2003]. Словарь и энциклопедия включают статьи о природе терроризма, его определениях и дискуссиях вокруг них, содержат информацию о крупнейших террористических актах, движениях и группах, а также о наиболее известных террористах. Общий объём словарного корпуса составил 399 550 слов.

Сравнительное исследование было проведено с целью уточнить, имеются ли различия в концептуализации террористов в академическом и политическом дискурсах и насколько они значительны. Предполагалось, что различие будет иметь место, поскольку политическая риторика нацелена на воздействие и в целом должна быть более экспрессивной с выраженным оценочным компонентом, в то время как в академической литературе должно присутствовать более рациональное и логически ориентированное понимание явления (словари и энциклопедии должны представлять информацию безоценочно, в «непредвзятом» виде).

Кроме того, сравнительный анализ двух корпусов полезен для выявления семантических и риторических приёмов, используемых

официальными лицами для выражения своего отношения к террористам и продвижения конкретных инициатив по борьбе с террористами и терроризмом.

Анализ словосочетаний *Adj/Part + Terrorism* (в словарном корпусе оказалось в общей сложности 281 такое словосочетание, см. Приложение 6) выявил значительные различия в характеристиках террористов в политической риторике и академических словарях. Однако отмечен и ряд сходных признаков.

К общим характеристикам относится то, что тематика мер по противодействию и подавлению террористов (*wanted, suspected, captured* и т.д.) является самой многочисленной по количеству вхождений в обоих корпусах. При этом, однако, в словарном корпусе их абсолютная частотность (51) составила 18% от всех вхождений, в то время как процент аналогичных словосочетаний в нашем корпусе (101) составил 28%. Сходным также является то, что в обоих корпусах ислам упоминается как единственная религия, которую исповедуют террористы (*Islamic, Muslim, shi'ite* и др.), при этом ни в том, ни в другом корпусе религиозная принадлежность не относится к числу самых распространённых характеристик террористов.

К числу значимых различий в репрезентации террористов в двух корпусах можно отнести их более «личностное» позиционирование в словарном корпусе. Террорист в политической риторике – это, как правило, метагендерная фигура (либо по умолчанию лицо мужского пола), в то время как в словарном корпусе было зафиксировано 10 словосочетаний, относящихся к женщинам-террористкам (*girl, woman, women, female*). В целом, описание террористов в словарном корпусе более персонализировано, что отражено в словосочетаниях с прилагательными *older, young, ruthless* и др.

Описание (именование) террористов по их принадлежности к определённой группе (аффилиация) представлена шире в словарном корпусе (*PLO, IRA, He/izbollah (2), Al-Qaeda (2), ANO, April 19, GIA, Islamic Jihad,*

DevSol), что объясняется задачей описать терроризм во всех его проявлениях в разных странах. В политическом дискурсе обращает на себя внимание сфокусированность на Ближнем Востоке.

В отличие от политической риторики, где под террористами понимаются в первую очередь «неамериканцы», террористами в словарном корпусе могут быть как иностранцы, так и выходцы из той же страны, в которой они совершают террористические акты (*foreign (2), domestic (3), émigré, indigenous*).

Наконец, репрезентации террористов в сравниваемых корпусах значительно отличаются друг от друга с точки зрения их политических взглядов, целей и особенностей проведения террористических актов. Как уже отмечалось, в риторическом корпусе сочетаемость слова *terrorist* показывает, что к числу наиболее релевантных для террористов признаков относятся принадлежность к преступному миру и религиозный фанатизм (в общей сложности 12 словосочетаний). Террористам, представленным в словарном корпусе, напротив, присуща определённая политическая и социальная ориентация (61 словосочетание, в т.ч. со словами *revolutionary, anti-abortion, anarchist, right-wing, left-wing, politically-motivated, anti-government, anti-colonial* и др.). С террористами в словарном корпусе ассоциируется более широкий арсенал методов для достижения целей (*suicide terrorism, crimes, chemical, urban, nuclear, information terrorism*).

В целом, можно сделать вывод о наличии определённых различий в репрезентации террористов политиками и учёными (авторами энциклопедических словарей о терроризме). Помимо отмеченного выше, можно упомянуть и то, что официальные лица нередко упрощают образ террориста и превращают его в чужеродца, преступника, выходца с Ближнего Востока, движимого иррациональной враждебностью, вызванной прежде всего религией. Напротив, в словарном корпусе глубже и чётче раскрываются мотивы террористов (как религиозного, так и политического характера), ареал их деятельности, аффилиация и методы террористической

борьбы. Важно также отметить дифференциацию террористов по гендерному признаку в словарном корпусе и метагендерную репрезентацию либо андроцентризм политической риторики.

ВЫВОДЫ

1. Анализ ключевых для каждого временного среза слов, выявленных с помощью статистического теста на логарифмическое правдоподобие, показывает, что американский дискурс противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 гг. претерпел существенные изменения. В первом подкорпусе, наряду с борьбой идеологических систем, акцентируется направленность на диалог и противодействие терроризму правовыми способами. Во втором подкорпусе усиливается осмысление терроризма и борьбы с ним в аспекте метафоры преступления. Действия, приписываемые террористам, именуется в этот временной период более детально и чётко. Третий подкорпус демонстрирует сдвиг в метафорической составляющей дискурса: на первый план выходит метафора «войны». При этом участие США в «войне» с терроризмом обосновывается идеалами и ценностями демократического общества. В то же время анализ ключевых слов указывает на появление религиозного и финансового факторов как определяющих в репрезентации террористической угрозы.

2. Анализ сочетаемости слова *democracy*, его производных, контекстуальных синонимов и антонимов показали смысловую динамику, связанную с глобализацией и событиями 11 сентября 2001 года. Речь идёт о расширении географического контекста демократии и появлении в этой связи новых ассоциативных смыслов. Демократия перестаёт пониматься как феномен, характерный только для западного мира. Она всё чаще соотносится с регионами Ближнего и Среднего Востока и позиционируется как конечная цель антитеррористической деятельности и ценностная альтернатива терроризму, экстремизму, исламскому фундаментализму и религиозному

фанатизму. Дискурсивно демократия соотносится со свободой. Наряду с этим в структуре концепта появляются смысловые компоненты, отражающие связь демократии с экономической свободой и глобальной рыночной экономикой.

3. Репрезентация мира в дискурсе противодействия терроризму акцентирует его глобальный характер. Постепенно нарастает и остаётся актуальным на протяжении всего анализируемого периода позиционирование мира как нестабильного и находящегося в опасности. Соотношение положительно и негативно окрашенных ассоциаций варьирует по периодам, но при этом, как правило, положительные ассоциации всегда связаны с миром будущего – желаемым, идеальным миром. В репрезентации мира наблюдается амбивалентность: он предстаёт как единый и монолитный в предложных словосочетаниях типа *all over the world* и прочих, однако при этом актуально (дискурсивно специфично) деление мира по религиозно-ценностному признаку («мусульманский» мир против «цивилизованного» мира). Исследование выявило также динамику статусного позиционирования США по отношению к миру – составная часть vs равностатусный актор. Последний период ярко демонстрирует наличие в изучаемом дискурсе трёх основных сил: мусульманского мира, США и остального мира, при этом США позиционируется как определяющая сила в борьбе с террористическими угрозами остальному миру.

4. Рассмотрение динамики концепта *terrorist* на основе анализа словосочетаний с этим словом (коллокатов), выявленных с помощью теста на взаимную информацию (MI), позволило выделить два ключевых смысловых контекста, релевантных для концептуализации террористов – метафору войны с терроризмом и акцентуацию (в том числе метафорическую) преступного характера терроризма. При этом, несмотря на повсеместно используемое в политическом дискурсе после 2001 года словосочетание *war on terrorism*, проведённый анализ показал, что метафора преступления не

теряет своего значения и также остаётся ключевой в репрезентации действий террористов. Анализ также выявил постепенное смещение фокуса в аспекте национальной и политической принадлежности террористов: если в первом подкорпусе террористы относились к разным национальностям, то затем фокус сместился в сторону ближневосточного региона. Мотивация действий террористов претерпела значительные дискурсивные изменения: в 1970х-1980х гг. рефлексия вокруг террористов была сосредоточена на выяснении степени (не)законности их действий, поскольку большая часть совершаемых террористических актов была способом проявления несогласия или способом ведения политической борьбы. С начала 1990х гг. в структуре ассоциируемых с террористами понятий появляется мотив приверженности определённой идеологии, а после 2001 г. их действия объясняются в первую очередь религиозным фанатизмом. В целом можно сказать, что для дискурса специфична деперсонификация террористов, представление их как враждебной безликой организованной массы людей, совершающих преступные насильственные действия.

5. На примере теста на взаимную информацию (MI) к слову *world* в изучаемом дискурсе и анализа корпуса современного американского английского СОСА (первые 100 коллокатов с самым высоким результатом) была выявлена принципиальная разница в представлении мира в двух корпусах. Мир в СОСА представляется в первую очередь конкурентным, что находит своё отражение в присутствии 16 прилагательных в превосходной степени (или с компонентом в превосходной степени). Коллокатами слова *world* в корпусе СОСА в большинстве случаев являются лексемы из сфер (поп-)культуры, спорта и экономики. Мир в дискурсе противодействия терроризму представляется (политически) нестабильным, опасным и стремящимся (нуждающимся) в защите, а в контекстуальном окружении слова *world* чётко выделяется лексика военной тематики. При этом оба корпуса активно отражают тематику глобализации и демонстрируют почти

полное отсутствие лексем, обозначающих этничность или религиозную принадлежность (кроме слова *Arab* и упоминаний ислама (*Muslim, Islamic* (СОСА); *Muslim/s, Islamic* (дискурс противодействия терроризму)).

6. Сравнение изучаемого корпуса и корпуса словарных статей из англоязычных энциклопедических словарей, посвящённых терроризму, выявило некоторые различия в репрезентации террориста (сравнивались словосочетания типа *Adj/Part + Terrorist*). К наиболее важным отличиям в дискурсивном конструировании террористов можно отнести представление террориста гендерно-нейтральным в дискурсе противодействия терроризму и более социально дифференцированное позиционирование террористов (включающее, в том числе, и гендерное измерение) в так называемом словарном корпусе. Аналогичным образом, религиозная и географическая «привязка» террористов в корпусе энциклопедических статей существенно шире, чем мусульманский ближневосточный регион.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование продемонстрировало перспективность подхода к исследованию смысловой динамики американского дискурса противодействия терроризму, в основе которого лежат представление о языке как социальной практике и концепция языка как фона и инструмента конструирования социальной реальности.

Для анализа дискурса противодействия терроризму в диссертационной работе использовался специально составленный корпус текстов объёмом приблизительно в 730 тысяч слов, который представляет собой собрание политических заявлений и официальных документов первых лиц США в период с 1972 по 2012 гг. Динамика американского дискурса противодействия терроризму рассматривалась на материале трёх ключевых концептов (*democracy, world, terrorist*).

В ходе исследования была разработана комплексная методика, представляющая собой сочетание методов корпусной лингвистики, дискурс-анализа и приёмов семантической интерпретации. На основе данной методики был осуществлён отбор концептов для анализа, составлен список производных слов и словосочетаний различных типов, а также список ключевых слов и коллокатов для каждой из трёх лексем; проведён анализ частотности лексем из составленного списка. Также было проведено распределение высокочастотных лексем по тематике и проанализирована смысловая динамика отобранных для анализа концептов с привлечением сочетательных способностей коллокатов и особенностей их употребления в контексте, а также синонимических, антонимических и тематических связей.

В соответствии с поставленными целью и задачами исследование проводилось в три этапа, каждому из которых структурно соответствует одна глава.

На *первом* этапе был обоснован выбор методологической концепции диссертационного исследования, в рамках которой признаётся дискурсивная

конструируемость социальной реальности и перспективность использования методов корпусной лингвистики для изучения дискурса. С опорой на фундаментальные труды основоположников критического дискурс-анализа и корпусно ориентированного дискурс-анализа были отобраны и описаны применяемые в работе инструменты корпусного анализа и программное обеспечение.

На *втором* этапе диссертационного исследования рассмотрены различные подходы к изучению рассматриваемого феномена. Показано, что дискурс противодействия терроризму может исследоваться с различных точек зрения. В отечественном языкознании широко представлены исследования дискурсивной метафоризации борьбы с терроризмом, а также особенностей репрезентации терроризма в СМИ. В работах зарубежных авторов рассматривается языковой аспект легитимации войны с терроризмом в новостных нарративах и нарративы американских президентов о терроризме. Наряду с этим во второй главе исследования описаны различные подходы к определению феномена терроризма. На примерах Интернет-СМИ показано расширение значения слова *terrorism*, которое в последние несколько лет стало активно использоваться в неспецифических контекстах (далёких от тематики насилия и жестокости). На материале обзора работ российских и зарубежных исследователей раскрыта специфика метафоры «войны» с терроризмом, обоснован глобальный характер дискурса войны с терроризмом и описаны особенности его реконтекстуализации в различных регионах мира.

Третий этап диссертационного исследования посвящён описанию динамики репрезентаций концептов *democracy*, *world* и *terrorist* в американском дискурсе противодействия терроризму. На основе анализа корпуса, в который включены тексты 1972 - 2012 гг., раскрыта жанровая специфика дискурса, дана характеристика его участников, обоснованы хронологические рамки подкорпусов и принципы отбора материала. В диахроническом аспекте охарактеризована смысловая динамика ключевых

слов, выявленных с помощью программ для корпусного анализа, описана методика работы с корпусом.

Благодаря инструментам корпусно ориентированного дискурс-анализа был объективирован ряд тенденций в смысловой динамике трёх вышеназванных концептов американского дискурса противодействия терроризму.

Результаты корпусно ориентированного анализа слов *democracy/ies* позволили сделать вывод о превращении демократии из социального феномена, ассоциируемого с западным обществом, в одну из важнейших социальных ценностей глобального мира, цель и инструмент борьбы с терроризмом. Одним из условий развития демократии на современном этапе в рассматриваемом дискурсе является глобальный рынок и рыночная экономика.

Мир (*world*) в дискурсе противодействия терроризму позиционируется как нестабильный и находящийся в опасности. При этом чётко выражено его деление по религиозному и ценностному признакам («мусульманский» мир против «цивилизованного» западного мира). Всё более выраженным становится также противопоставление США остальному миру.

После событий 11 сентября 2001 г. ближневосточный регион приобрёл особый статус в американском дискурсе противодействия терроризму. Изменился и фокус в позиционировании террористов – наиболее выраженной особенностью последних в дискурсе стала фанатичная приверженность исламу и ненависть ко всему американскому.

Проведённое исследование раскрывает истоки и особенности глобального дискурса войны с терроризмом, способствует осмыслению мировоззренческих основ американского социума через призму американской политической риторики. Оно углубляет научные представления о взаимодействии идеологии, языка и культуры и дискурсивном конструировании социальной реальности. Перспективным направлением продолжения исследования представляется рассмотрение позиционирования

США в борьбе с терроризмом при президенте Д. Трампе, а также изучение сочетаемости и семантического наполнения слова «терроризм» в контексте интенсивного развития социальных медиа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопова Д.Р. Динамика вариативности политического дискурса США (на материале выступлений американских политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-1 (31). С. 21-24.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // БЭС: Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 2000. С. 136–137.
3. Бачурин В.Д. Триумф иррационального: дискурсивные алгоритмы в современном политическом дискурсе (на материале речей Д.Буша) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 3. С. 138-144.
4. Богоявленская Ю.В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология: ежегод. сб. науч. тр. / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» — Екатеринбург, 2013. — Вып. 7. — 222 с. Сс. 6-16. [ссылка доступа: <http://politlinguist.ru/materials/lk/lk7.pdf>]
5. Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. – 149 с. [ссылка доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono/Будаев%20Постсоветская%20Действительность.pdf>]
6. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метаформа в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 17./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2006. 277 с. – сс.35-77. [ссылка доступа: <http://politlinguist.ru/materials/l/117.pdf>]
7. Бушев А.Б. Герменевтика актуального дискурса мультимедийной журналистики: погромы в Лондоне 2011 г. // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы II-ой Международной научно-

- практической Интернет-конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 2. Ростов н/Д: Дониздат, 2012. 277 с. – с.63-73.
8. Гаврилова М.В. Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 80-89.
  9. Георгиева А.А., Дондик Л.Ю. Метафорическая репрезентация терактов в СМИ Франции // В сб.: Современная наука: Теоретический и практический взгляд (сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях). 2016. С. 134-137.
  10. Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке. Дисс. На соиск.уч.ст.канд. пед.наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 308 с. [ссылка доступа: <https://www.dissert.spbu.ru/files/dissert2/dissert/Gorina.dissert.pdf>]
  11. Жуков И.В. Критический анализ дискурса в начале 21 века. 2000. [ссылка доступа: <http://www.infolm.ru/mag/read/index.html?cda.html>]
  12. Журавлёв Д.А. Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, №14, 2009. – сс.157 – 169.
  13. Захаров В.П. Поисковые системы Интернета как инструмент лингвистических исследований // Русский язык в Интернете. Казань, 2003, с.52.
  14. Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания политических понятий. – М., "РОССПЭН", 1997. – 432 стр.
  15. Ильина-Соловьева Н.А. Террористический дискурс в русской литературе начала XX века // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 4 (12). С. 88-100.

16. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000 (а). – С. 5–20.
17. Касьянов Г.А. К деконструкции антиэкстремистского дискурса // Альтернативы. 2015. № 1. С. 92-102.
18. Кацюба Л.Б. Лингвокультурная константа «терроризм» в современном фольклорном сознании // В сборнике: Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. Международная научно-практическая конференция. Редколлегия: О. Н. Морозова (отв. редактор), А. Н. Гребенев, В. И. Филимоненко. 2014. С. 30-38.
19. Квасов О.Н. Террористический дискурс в начале XXиXXIвеков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 206-209.
20. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе // Диссертация в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 2003. – 90 с. [ссылка доступа: http://iling-ran.ru/kibrik/DA_cognitive_perspective%40Diss_2003.pdf]
21. Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики, №1 (15), М., 2012. 240 с. – сс. 18 – 37.
22. Кобылин И.И., Николаи Ф.В. Фотографии Абу-Грейб: политика репрезентации и биополитика образа. Номер: 4-3. 2013. С. 154-160
23. Кубышкина Е.В. Американский политический дискурс при Дж. Буше-мл.: Эволюция метафор // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 100-112.
24. Кун Ц. Сравнение антитеррористического дискурса Д.У.Буша и Б.Обамы // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 6 (35). С. 240-243.

25. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — Едиториал УРСС, 2004 г., 256 с.
26. Леонтович О.А. Метод дискурс-анализа // Дискурс-Пи, №2(12), 2015. — с. 185 – 187.
27. М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. Политология: Словарь-справочник. — М.: Гардарики, 2001. — 328 с.
28. Макарычев А. Образы «Другого» как объекты антитеррористического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3. С. 63-71.
29. Маркес А.К., дель Мар Ривас Кармона М. Дискурс легитимизации в ситуациях конфликта: язык и власть после 11 сентября (перевод: Калыгина М. Ю.) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2008. Вып. (2)25. — 174 с. Сс. 64-74. [ссылка доступа: <http://politlinguist.ru/materials/pl/25.pdf>]
30. Найдина Т.В. Защита российского общества от идеологического воздействия террористического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. - с. 300-307.
31. Найдина Т.В. Защита российского общества от идеологического воздействия террористического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 300-307.
32. Нечаев С.Г. Катехизис революционера, 1869. Электронный ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>
33. Николаи Ф.В. Репрезентируя невообразимое: образ другого и политика памяти в США после событий 9/11 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 151-156.
34. Новейший политологический словарь. – Под ред. Погорелого Д.Е. и др. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 2010. – 318 с.

35. Нурутдинов И.И., Сафин Р.Р., Салагаев А.Л. Конструирование образа ваххабизма в печатных СМИ // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 231-234.
36. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборство. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 13.
37. Петров К.Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 130-141.
38. Петухов В.Б. Образ террориста в восприятии современной российской государственной власти // В сб.: Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России: Межвузовский сборник научных статей. ФГБОУ ВПО Ульяновский Государственный Технический Университет. Под ред. С.В. Осипова. Ульяновск, 2013. С. 6-11.
39. Романов П.В., Щепланова В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИю Дискурс-анализ газетных публикаций // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 144-154.
40. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // сб. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. - 177 с.
41. Рыкова О.В. Динамика массмедийного концепта «терроризм» на примере метафорического моделирования // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2015. № 3 (20). С. 81-85.
42. Сизова Н.В. Некоторые подходы к анализу понятий политического дискурса (на примере идеологемы *террор*) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 1. С. 163-167.

43. Словарь иностранных слов // год ред. Лёхина И.В. и Петрова Ф.Н. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 853 с.
44. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе // МГЛУ, Научно-учебный центр «Языки и культуры Северной Евразии им. кн. Н.С. Трубецкого. – М., 2000. – 141 с.
45. Супертерроризм: новый вызов нового века / под ред. А.В. Федорова. М.: Права человека, 2002. 392 с.
46. Тарнавский А.А., Филатова О.Г. Анализ публичного дискурса в российских социальных сетях вокруг конфликта в Донбассе. В сборнике: Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015) Университет ИТМО; Библиотека Российской академии наук. 2015. С. 140-155.
47. Теория и методика лингвистического анализа политического текста: монография (под ред. Чудинова А.П.; Чудинов А.П., Будаев Э.В., Дзюба Е.В., Кошкарлова Н.Н., Кондратьева О.Н., Никифорова М.В., Пирожкова И.С., Руженцева Н.Б., Солопова О.А.; Урал.гос.пед.ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 303 с. [ссылка доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono/Лингванализполтекста.pdf>]
48. Цыцаркина Н.Н. Объективация сложного фрейма «Сотрудничество в борьбе (с терроризмом)» в англоязычном информационном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 169-172.
49. Чеботарёв В.В., Ивлиева А.В. Концепт «новый терроризм»: за и против // «Дискуссия» (философские науки), №1 (53), январь 2015. Ссылка доступа:
50. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса / Сб. науч. ст. СПб., 2001. С. 11–22.

- 51.Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. ст. Рязань, 2002. С. 230–232.
- 52.Шейгал Е.О. Семиотика политического дискурса. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 10.02.19– Волгоград, 2000. – 431 с. ([Электронный ресурс]: (Из фондов Российской Государственной Библиотеки), ссылка доступа: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf>
- 53.Шейхова А.Д. Трансформация подачи материалов об исламском терроризме в публикациях журнала «Тайм» после терактов 11 сентября 2001 года // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (122). С. 106-114.
- 54.Шутова Т.И. Конструирование демократии в американском дискурсе противодействия терроризму (1972-2012) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 32. С. 51-60.
- 55.Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Тагильцева Ю.Р., Карапетян А.А.; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. — 276 с. [ссылка доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono/монографияэкстремизм.pdf>]
- 56.Alexander Y., Kraft M.B. (eds) The Evolution of US Counterterrorism Policy. Praeger Security International. 2007. – 1456 pp.
- 57.Anderson, S.K., Sloan, S. Historical Dictionary of Terrorism, 3rd Ed. In Historical Dictionaries of War, Revolution, and Civil Unrest Series, No.38. The Scarecrow Press, Inc. Landam, Maryland. 2009. – 800 pp.
- 58.Baker,P, Gabrielatos C., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. Discourse and Society 2008 (19) 273; ссылка доступа: <http://das.sagepub.com/cgi/content/abstract/19/3/273/>
- 59.Baker, P. Sociolinguistics and Corpus Linguistics. Edinburgh Sociolinguistics Series. Edinburgh University Press, 2010. – 189 pp.

60. Baker, P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum, 2006. – 208 pp.
61. Bankoff, G. *Regions of Risk: Western Discourses on Terrorism and the Significance of Islam*. *Studies in Conflict & Terrorism* 26 (2003): 413-428.
62. Blommaert, J. *Discourse. A Critical Introduction: Key topics in Sociolinguistics Series*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 158 pp.
63. Bostdorff, D. M. *George W. Bush's Post-September 11 Rhetoric of Covenant Renewal: Upholding the Faith of the Greatest Generation*. *Quarterly Journal of Speech* 89, no. 4 (November 2003): 293-319.
64. Chouliaraki, L. *Watching 11 September: the Politics of Pity*. *Discourse & Society* 15, nos. 2-3 (2004): 185-198.
65. Coupland N. *The Handbook of Language and Globalization / ed. by Nicholas Coupland*. Chichester, Wiley-Blackwell, 2010. – 662 p.
66. Dijk, T. van. *Ideology: A multidisciplinary approach*. – London Sage Publications Ltd., 1998. – 384 pp.
67. Dijk, T.A. van. *Political discourse and racism. Describing Others in Western Parliaments*. Paper for the International Conference on "Others" in Discourse. Toronto, May 1993. // In S. H. Riggins (Ed.), *The Language and Politics of Exclusion. Others in Discourse*. (pp. 31-64). Thousand Oaks, CA. Sage, 1997.
68. Dobkin, B. A. *Paper Tigers and Video Postcards: The Rhetorical Dimensions of Narrative Form in ABC News Coverage of Terrorism*. *Western Journal of Communication*, 56 (Spring 1992): 143-160.
69. Fairclough, N. and Wodak, R. *Critical discourse analysis // van Dijk, T. (ed.), Discourse as Social Interaction*. London: Sage, 1997. – pp. 258–84.
70. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse: the Universities // Discourse and Society*, 04/1993; 4(2):133-168.
[ссылка доступа: <https://www.researchgate.net/publication/235356442>]

Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse
The Universities]

71. Fairclough, N. Critical Language Awareness. London, Routledge. 1992. – 360 pp.
72. Fairclough, N. Language and Globalization. Routledge, London and New York, 2006. – 167 pp.
73. Field A. The «New Terrorism»: Revolution or Evolution? // Political studies review. 2009. Vol. 7. P. 197–200.
74. Forte, D.F. "Terror and Terrorism: There Is a Difference". Ohio Northern University Law Review (Ohio Northern University Pettit College of Law) 13, 1986: 39–52.
75. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis Theory and Method. – 2nd Ed. Routledge. Taylor and Francis e-Library, 2005. – 209 pp.
76. Gunn, J. Mourning Speech: Haunting and the Spectral Voices of Nine-Eleven. Text and Performance Quarterly 24, no. 2 (2004): 91-114.
77. Halliday, M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Arnold, 1978. – 256 pp.
78. Held, D. Models of Democracy. Third Edition. Cambridge, Polity. 2007.
79. Hodges A. The “War on Terror” Narrative: The (Inter)textual Construction and Contestation of Sociopolitical Reality. A thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Colorado. 2008. – 260 pp.
80. Hodges, A., Nilep, C. Discourse, war and terrorism. In Discourse Approaches to Politics, Society and Culture Series. John Benjamins Publishing Company, 2007. – 248 pp.
81. Hoffman, B. Inside Terrorism. Columbia University Press. 1998 p. 32.
[ссылка доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1257/>]
82. Hunston, S. Corpora in Applied Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. – 254 pp.

- 83.Hutcheson, J., Domke D., Billeaudeau A., Garland P. U.S. National Identity, Political Elites, and a Patriotic Press Following September 11. *Political Communication* 21 (2004): 27-50.
- 84.Jackson, R. 'The Ghost of State Terror: Knowledge, Politics and Terrorism Studies', in *Critical Studies on Terrorism* 1(3): (2008) 377–392.
- 85.Jackson, R. *Writing the War on Terrorism: Language, Politics and Counterterrorism*. Manchester University Press, 2005. – 232 pp.
- 86.Johnson, R. *Defending Ways of Life: The (Anti-)Terrorist Rhetorics of Bush and Blair*. *Theory, Culture & Society* 19, no. 4 (August 2002): 211-231.
- 87.Jørgensen M., Phillips L.J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. Sage Publications Ltd., 2002. – 239 pp.
- 88.Kang, J. *War on Terror: The Construction of a World War and the Multiple Identities of President Bush*. Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, San Diego, CA, 2003.
- 89.Kitch, C. *Mourning in America: Ritual, Redemption, and Recovery in News Narrative After September 11*. *Journalism Studies* 4, no. 2 (2003): 213-224.
- 90.Kushner, H.W. *Encyclopedia of Terrorism*. Sage Publications, 2003. – 523 pp.
- 91.Laqueur, W. *Terrorism*. London: Weidenfeld and Nicolson. 1977.
- 92.Lazar, A., Lazar M.M. *The Discourse of the New World Order: Out-casting the Double Face of Threat*. *Discourse & Society* 15, no. 2-3 (2004): 223-242.
- 93.Leuder, I., Marsland V., Nekvapil J. *On Membership Categorization: Us, Them and Doing Violence in Political Discourse*. *Discourse & Society* 15, no. 2-3 (2004): 243-266.
- 94.Mautner, G. *Corpora and Critical Discourse Analysis* // Baker, P. (ed.) *Contemporary Corpus Linguistics*. London, Continuum. 2009: 32 - 46

95. Mayr A. *Language and Power. An Introduction to Institutional Discourse.* Advances in Sociolinguistics Series. Continuum International Publishing Group, 2008. – 204 pp.
96. McEnery T., Xiao R., Tono Y. *Corpus-Based Language Studies. An advanced resource book.* Routledge London and New York. 2006. pp. – 386 pp.
97. McGee, Michael Calvin. “The ‘Ideograph’: A Link between Rhetoric and Ideology.” *Quarterly Journal of Speech* 66 (1980): 1–16.
98. Merskin, D. *The Construction of Arabs as Enemies: Post-September 11 Discourse of George W. Bush.* *Mass Communication and Society* 7, no. 2 (2004): 157-175.
99. Murphy, J. M. *Our Mission and Our Moment: George W. Bush and September 11th.* *Rhetoric & Public Affairs* 6, no. 4 (2003): 607-632.
100. Nossek, H., Berkowitz D. *Telling Our Story through News of Terrorism: Mythical Newswork as Journalistic Practice in Crisis.* *Journalism Studies* 7, no.5 (2006): 691-704.
101. O’Keefe, A., McCarthy, M (eds). *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics.* Routledge, New York. 2010. – 682 pp.
102. Partington, A. *Patterns and meanings: Using Corpora for English Language Research and Teaching.* Amsterdam and Philadelphia: Benjamins. 1998. – 167 pp.
103. Partington, A. *The Linguistics of Political Argumentation: The Spin-doctor and the Wolf-pack at the White House.* London: Routledge. 2003. – 292 pp.
104. Richardson, J. *Analysing Newspapers: An Approach from Critical Discourse Analysis.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 280 pp.
105. Rojecki A. *Media Discourse on Globalization and Terror // Political Communication.* vol. 22, issue 1 (2005). – Routledge, pp. 63 - 81.

106. Saraceni M. The relocation of English: shifting paradigms in a global era / Mario Saraceni. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010, 156 pp.
107. Scholte, J.A. The Globalization of World Politics. In The Globalization of World Politics. 2nd ed, edited by John Baylis and Steve Smith, pp. 13–32. Oxford: Oxford University Press, 2001.
108. Scott M. WordSmith Tools Step-by-Step. Version 5.0. 2010. – 43 pp. [электронный ресурс: http://www.lexically.org/wordsmith/step_by_step_guide_English.pdf]
109. Scott M., Tribble C. Textual Patterns: key words and corpus analysis in language education: Studies in Corpus Linguistics. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. — 200 pp.
110. Spencer, A. The Tabloid Terrorist: The Predicative Construction of New Terrorism in the Media. Palgrave Macmillan, 2010. – 200 pp.
111. Spielvogel, C. You Know Where I Stand: Moral Framing of the War on Terrorism and the Iraq War in the 2004 Presidential Campaign. *Rhetoric & Public Affairs* 8, no. 4 (2005): pp. 549-570.
112. Steuer, E., Wills, D. At War with Metaphor: Media, Propaganda, and Racism in the War on Terror. Lexington Books, Plymouth, UK. 2008. – 245 pp.
113. Stubbs, M. Texts and Corpus Analysis: Computer-Assisted Studies of Language and Culture (Language and Society). Oxford, Blackwell. 1996. – 288 pp.
114. Teubert, W. Meaning, Discourse and Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 300 pp.
115. Trackrah, J.H. Dictionary of Terrorism. 2nd Ed. Routledge, New York. 2005. – 318 pp.
116. Winch, S. P. Constructing an Evil Genius: New Uses of Mythic Archetypes to Make Sense of bin Laden. *Journalism Studies* 6, no. 3 (2005): 285-299.

117. Winkler, C.K. In the Name of Terrorism: Presidents on Political Violence in the Post-World-War II Era. State University of New York Press. 2006. – 256 pp.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИНТЕРНЕТ-МАТЕРИАЛОВ

1. Администрация президента США [Электронный ресурс. - Режим доступа: www.whitehouse.gov/]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
2. Государственный департамент США [Электронный ресурс. - Режим доступа: www.state.gov]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
3. “Депутат: В Киеве происходит "лингвистический терроризм". ИА Regnum [Электронный ресурс. – Дата публикации: 12 октября 2012 г. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1580779.html>]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Жаворонков, С. «Налоговый терроризм». Солидарность: Объединённое общественное движение. [Электронный ресурс. – Дата публикации: 17 августа 2009 г. Дата доступа: 12 февраля 2016 г. Режим доступа: <http://www.rusolidarnost.ru/novosti/glavnoe/2009-08-17-sergei-zhavoronkov-nalogovyi-terrorizm>]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Завтра: Авторский блог Александра Проханова [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/lingvisticheskiy_terrorizm. - Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. «Книга-раскраска о терактах 9/11 возмутила американских мусульман» Lenta.Ru [Электронный ресурс. – Дата публикации: 31 августа 2011. - Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2011/08/31/coloring/>]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. «Лингвистический терроризм как объект внимания литературы». Русский язык (бета) [Электронный ресурс. – Вопрос задан: 11 августа 2014 г. Режим доступа: <https://rus.stackexchange.com/questions/37397/>

- [Лингвистический-терроризм-как-объект-внимания-литературы](#)]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
8. Министерство обороны США [Электронный ресурс. - Режим доступа: www.defense.gov]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
  9. «Музыкальный терроризм: замеры слили новый альбом Мадонны». EuropaPlus TV [Электронный ресурс. – Дата публикации: 18 декабря 2014 г. Режим доступа: <http://www.europaplustv.com/news/view/id/20501/>]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
  10. Научная электронная библиотека [Электронный ресурс. - Режим доступа: www.elibrary.ru]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
  11. «Несуществующая война с террором». ИноСМИ | Россия Сегодня [Электронный ресурс. - Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/usa/20091110/156511480.html>]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
  12. Онлайн-словарь Cambridge Dictionary [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
  13. Онлайн-словарь Collins [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
  14. Онлайн-словарь Dictionary.com [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://dictionary.com/browse/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
  15. Онлайн-словарь English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
  16. Онлайн-словарь Longman [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

17. Онлайн-словарь Macmillan Dictionary [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
18. Онлайн-словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/world/>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
19. Онлайн-словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
20. Онлайн-словарь The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com/democracy>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
21. Филимонова, Н. «"Культурный терроризм" под заказ: на что живет "Исламское государство»». РИА Новости | Россия Сегодня [Электронный ресурс. – Дата публикации: 17 сентября 2015 г. Режим доступа: http://ria.ru/radio_brief/20150917/1258023692.html]. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
22. «Что такое культурный терроризм» (пер. М.Макарова). Родина: Политика, аналитика, экономика, история СССР, русская история, идеология [Электронный ресурс. – Дата публикации: 13 февраля 2012 г. Режим доступа: <http://www.cccp-revivel.blogspot.ru/2012/02/what-is-cultural-terrorism.html>]. – Загл. с экрана. – Яз. рус. (оригинал статьи: Mikdashi, M. “What is cultural terrorism?»: <http://www.jadaliyya.com/Details/25254/What-Is-Cultural-Terrorism>)
23. Barker, M. “The BBC has just done more to eradicate ‘terrorism’ than all our wars since 9/11”. Independent.co.uk [Электронный ресурс. – Дата публикации: 26 января 2015 г. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/voices/comment/the-bbc-has-just-done-more-to-eradicate-terrorism-than-all-our-wars-since-911-10003927.html>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

24. Dowd M. “Empire of Novices”. The New York Times [Электронный ресурс. – Дата публикации: 3 марта 2003 г. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2003/09/03/opinion/empire-of-novices.html>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
25. DsLib.net Библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Дата доступа: май 2016. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/search/?query=%F2%E5%F0%F0%EE%F0%E8%E7%EC> – Загл. с экрана. – Яз. рус.
26. Eviatar, D. “11 Years After 9/11, It’s Time to End the War on Terror”. Huffington Post [Электронный ресурс. – Дата публикации: 11 сентября 2012 г. Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/daphne-eviatar/11-years-after-911-its_ti_b_1865768.html]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
27. “Global War On Terror’ Is Given New Name”. Washington Post. [Электронный ресурс. – Дата публикации: 25 марта 2009 г. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/24/AR2009032402818.html>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
28. Jacobson J. “What’s the definition of ‘terrorism’?” [Электронный ресурс Politifact. – Дата публикации: 9 июля 2013. – Режим доступа: <http://www.politifact.com/truth-o-meter/article/2013/jul/09/whats-definition-terrorism/>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
29. Nodus Labs [Электронный ресурс. – Дата публикации: 25 декабря 2011 г. Режим доступа: <http://www.noduslabs.com/research/pathways-meaning-circulation-text-network-analysis/>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
30. Nodus Labs [Электронный ресурс. – Дата публикации: 5 ноября 2012 г. Режим доступа: <http://www.noduslabs.com/cases/texttexture-non-linear-reading-machine/>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
31. “President Barack Obama’s Inaugural Address”. The White House [Электронный ресурс. – Дата публикации: 21 января 2009 г. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/blog/2009/01/21/president-barack-obamas-inaugural-address>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

32. Shinkman, P.D. Obama: “Global War on Terror’ Is Over.” US News [Электронный ресурс. – Дата публикации: 23 мая 2013 г. Режим доступа: <http://www.usnews.com/news/articles/2013/05/23/obama-global-war-on-terror-is-over>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
33. Sicurella, F.G. “The Language of Walls Along the Balkan Route”. [Электронный ресурс. – Дата публикации 03 мая 2017 г. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15562948.2017.1309088?journalCode=wimm20>] – Загл. с экрана. – Яз. англ.
34. Stares, P. and Yacoubian, M. “Terrorism as Virus.” The Washington Post [Электронный ресурс. – Дата публикации: 23 августа 2005 г. Режим доступа: <http://www.pqasb.pqarchiver.com/washingtonpost/doc/409970371.html?FMT=ABS&FMTS=ABS:FT&date=Aug+23%2C+2005&author=Paul+Stares+and+Mona+Yacoubian&pub=The+Washington+Post&edition=&startpage=A.15&desc=Terrorism+as+Virus>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
35. Texttexture: Visualize Any Text as a Network [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.texttexture.com>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
36. Texttexture: Visualize Any Text as a Network [Электронный ресурс. – Дата доступа: 18 августа 2013 г. Режим доступа: http://www.texttexture.com/index.php?text_id=29517]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
37. The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс. – 2015. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
38. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=musical%20terrorism>. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

- 39.USLegal [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://definitions.uslegal.com/p/paper-terrorism/>. - Загл. с экрана. – Яз. англ.
- 40.Visuwords: Visual dictionary, visual thesaurus, interactive lexicon [Электронный ресурс. - Режим доступа: <http://visuwords.com/terrorism>]. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

СПИСОК ПРИЛАГАЕМЫХ РИСУНКОВ И ТАБЛИЦ

Рис.1.	Сгенерированный список ключевых слов периода 1972-1993 гг. по сравнению с периодом 1993-2001 гг.	29
Рис.2.	Выставление параметров вычисления ключевых слов: метод логарифмического правдоподобия (LL) и загрузка референциального корпуса	29
Рис. 3.	Конкорданс для слова <i>terrorist</i> в подкорпусе 2001 – 2009 гг.	31
Рис. 4.	Результаты поиска коллокатов к слову <i>world</i> для подкорпуса 2009-2012 гг.	34
Рис. 5.	Визуализация лексемы <i>terrorism</i> на сайте <i>Visuwords.com</i>	43
Рис.6.	Визуализация подкорпуса 2001 – 2009 гг. на сайте <i>Texttexture.com</i>	84
Табл. 1.	Слова с компонентом <i>democra-</i> и их частотность в корпусе ..	74–75
Табл. 2.	Слова с компонентом <i>world</i> и их частотность в корпусе	86
Табл. 3.	Производные слова <i>terrorist</i> и их частотность в корпусе	97–98

Приложение 1. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА АНАЛИЗИРУЕМОГО КОРПУСА ПО ПЕРИОДАМ

Первые 100 ключевых слов под-корпуса 1972 – 1993

№	Keyness	Ключевое слово	№	Keyness	Ключевое слово
1	274.763	Terrorism	53	33.510	outrage
2	226.262	soviet	54	33.510	unwilling
3	199.180	hostages	55	33.179	any
4	128.145	policy	56	32.970	french
5	124.231	hijacking	57	32.863	should
6	118.135	terrorists	58	32.635	firmness
7	102.102	measures	59	32.635	grenada
8	100.853	hostage	60	32.067	germany
9	76.637	diplomatic	61	31.564	sentenced
10	75.896	must	62	30.631	notorious
11	74.414	acts	63	30.398	red
12	72.784	governments	64	29.837	involvement
13	71.108	release	65	29.525	held
14	70.826	qadhafi	66	29.092	tower
15	70.290	aviation	67	29.046	hindawi
16	67.903	libya	68	29.046	unconditional
17	66.922	incidents	69	28.886	interests
18	62.992	actions	70	28.298	sabotage
19	62.929	nations	71	28.208	supporting
20	62.063	iran	72	28.045	sendero
21	56.562	which	73	27.591	act
22	56.243	international	74	27.473	anyone
23	54.878	action	75	27.031	means
24	52.832	nidal	76	26.678	imprisonment
25	49.807	libyan	77	26.310	victims
26	49.427	problem	78	26.048	totalitarian
27	48.581	sponsored	79	25.031	combat
28	48.150	terrorist	80	24.955	conventions
29	47.597	concessions	81	24.808	decide
30	46.860	west	82	24.740	flight
31	45.945	or	83	24.725	authoritative
32	45.200	of	84	24.725	complicity
33	44.384	deals	85	24.725	rome
34	43.638	antiterrorist	86	24.713	dealing
35	41.662	moral	87	24.455	embassy
36	40.826	soviets	88	24.205	contra
37	40.582	aggression	89	24.205	plaques
38	40.335	diplomats	90	24.196	twa
39	39.461	democracies	91	24.119	german
40	38.544	convention	92	24.091	against
41	38.426	hijackings	93	23.798	responses
42	38.350	practical	94	23.755	italy
43	37.969	montreal	95	23.689	too
44	37.253	hamadei	96	23.525	might
45	37.253	nicaragua	97	23.490	bolivia
46	37.064	force	98	23.490	shultz
47	36.418	commit	99	23.420	explosives
48	36.017	power	100	22.942	communist
49	34.433	union			
50	34.387	intensity			
51	34.087	other			
52	33.887	dialog			

Первые 100 ключевых слов под-корпуса 1993 – 2001

№	Keyness	Ключевое слово	№	Keyness	Ключевое слово
1	290.099	Terrorism	53	36.095	responders
2	148.466	section	54	35.285	rican
3	135.555	domestic	55	34.984	incidents
4	130.417	oklahoma	56	34.488	protection
5	116.767	bombing	57	34.268	such
6	114.237	terrorist	58	34.224	designations
7	113.177	groups	59	34.214	omnibus
8	96.389	federal	60	33.578	center
9	90.497	title	61	33.182	justice
10	86.529	international	62	32.389	antiterrorism
11	85.934	explosives	63	32.373	proceedings
12	84.077	acts	64	31.791	detection
13	83.110	emergency	65	31.160	for
14	81.566	state	66	30.905	fire
15	75.610	pdd	67	30.905	occur
16	70.064	sanctions	68	30.650	list
17	69.956	provision	69	30.205	infrastructure
18	69.026	jurisdiction	70	29.339	records
19	65.528	sec	71	29.157	overseas
20	61.914	or	72	28.453	funding
21	60.500	fbi	73	28.320	statute
22	60.087	plastic	74	27.219	iran
23	56.404	alien	75	27.084	court
24	54.723	militia	76	26.836	although
25	54.494	city	77	26.182	surrogates
26	54.035	statutes	78	26.127	criminals
27	52.482	bill	79	25.878	immigration
28	51.844	crime	80	25.723	convention
29	51.815	designation	81	25.618	indicted
30	48.841	law	82	25.618	relating
31	48.005	clinton	83	25.609	review
32	47.231	tokyo	84	25.308	against
33	46.997	pan	85	25.203	deviant
34	46.848	chairman	86	25.203	ndpo
35	45.366	nipc	87	25.203	perpetrator
36	45.366	puerto	88	25.203	subsection
37	44.778	process	89	25.203	subtitle
38	44.648	chemical	90	25.008	procedures
39	43.624	sudan	91	24.670	encryption
40	42.088	trade	92	24.670	rashid
41	39.977	enforcement	93	24.610	declined
42	39.712	legislation	94	24.609	which
43	39.488	foreign	95	24.523	greece
44	39.132	department	96	24.448	fund
45	38.969	sponsors	97	24.290	however
46	38.598	biological	98	24.003	decline
47	37.672	proposed	99	23.570	ftos
48	37.293	peace	100	23.505	designated
49	36.955	raising			
50	36.864	deportation			
51	36.633	weapons			
52	36.411	marking			

Первые 100 ключевых слов под-корпуса 2001 – 2009

№	Keyness	Ключевое слово	№	Keyness	Ключевое слово
1	528.670	iraq	53	32.045	kenya
2	480.065	iraqi	54	30.715	country
3	248.904	september	55	30.569	liberty
4	235.818	iraqis	56	30.532	way
5	199.552	enemy	57	30.138	million
6	182.745	intelligence	58	29.402	officers
7	141.101	saddam	59	29.047	fy
8	133.567	terror	60	28.902	palestinian
9	128.153	hussein	61	28.743	evil
10	122.827	coalition	62	28.429	the
11	105.154	zarqawi	63	28.213	prior
12	91.555	war	64	27.565	exit
13	85.686	they	65	26.842	analysts
14	77.554	baghdad	66	26.581	hemisphere
15	76.569	fisa	67	26.501	ctc
16	76.279	inspectors	68	26.501	port
17	73.634	patriot	69	25.814	wmd
18	71.249	information	70	25.616	constitution
19	70.090	think	71	25.397	success
20	67.507	sunni	72	25.227	field
21	62.657	fbi	73	25.163	captured
22	61.799	he	74	24.577	piece
23	61.450	cells	75	24.502	disarm
24	61.255	sectarian	76	23.481	islamist
25	58.257	prime	77	23.481	registration
26	57.532	cia	78	23.481	ttic
27	56.465	shia	79	23.033	visitors
28	55.867	victory	80	22.977	camps
29	54.885	you	81	22.648	department
30	53.070	surveillance	82	22.582	three
31	50.261	bush	83	22.493	before
32	48.857	homeland	84	22.460	battalions
33	45.241	minister	85	22.460	morocco
34	44.979	democracy	86	22.460	reformers
35	44.977	ct	87	22.460	transformation
36	44.847	free	88	22.443	arabia
37	42.762	hezbollah	89	22.175	help
38	42.101	financial	90	22.006	network
39	42.098	people	91	21.964	killers
40	41.408	agents	92	21.964	tswg
41	41.180	financing	93	21.886	assets
42	39.816	maliki	94	21.720	casey
43	38.488	program	95	21.439	gspc
44	38.268	lot	96	21.439	tip
45	35.877	cell	97	21.390	mass
46	35.732	musharraf	98	21.276	democratic
47	35.303	canada	99	21.274	qaida
48	34.240	anthrax	100		
49	34.062	reform			
50	34.022	saudi			
51	33.690	cicte			
52	33.690	sunnis			

Первые 100 ключевых слов под-корпуса 2009 – 2012

№	Keyness	Ключевое слово	№	Keyness	Ключевое слово
1	381.587	Obama	53	50.655	term
2	343.725	pakistan	54	49.777	going
3	260.976	ida	55	46.397	years
4	260.976	qa	56	45.128	investing
5	260.418	al	57	44.863	administration
6	258.511	our	58	44.474	jobs
7	243.459	afghanistan	59	44.315	pakistani
8	226.206	we	60	43.673	sure
9	191.119	violent	61	43.357	organized
10	170.515	cyber	62	42.546	safe
11	166.102	afghan	63	42.167	strategic
12	153.684	that	64	41.839	peninsula
13	152.073	extremism	65	41.757	future
14	128.756	yemen	66	41.753	resilient
15	126.570	governor	67	41.718	economy
16	113.421	transition	68	41.318	forces
17	111.992	affiliates	69	41.094	dan
18	111.167	transnational	70	41.086	adherents
19	109.273	nato	71	39.323	maintain
20	104.761	security	72	39.288	arabian
21	98.969	qaeda	73	39.169	said
22	91.833	core	74	39.072	building
23	90.994	romney	75	38.259	region
24	89.463	values	76	38.161	assad
25	84.582	president	77	38.159	kfor
26	80.798	partnership	78	38.091	guantanamo
27	80.594	allies	79	38.091	pacific
28	77.208	radicalization	80	37.517	civilian
29	75.895	challenges	81	37.253	counterterrorism
30	75.359	approach	82	37.252	century
31	72.878	and	83	37.182	militaries
32	72.272	isaf	84	37.179	governance
33	71.340	deployments	85	37.079	st
34	68.056	defense	86	35.731	communities
35	67.460	china	87	35.730	end
36	65.777	engagement	88	35.223	cancer
37	64.939	i	89	34.459	including
38	64.599	strategy	90	33.903	common
39	62.684	somalia	91	33.702	export
40	60.725	military	92	32.488	regions
41	58.706	shabaab	93	31.665	taliban
42	57.453	commitment	94	31.478	intrusions
43	56.362	partners	95	31.236	professionals
44	56.128	partnerships	96	31.026	asia
45	55.770	aqap	97	30.730	but
46	54.861	leadership	98	30.635	gains
47	53.456	capacity	99	30.469	bay
48	52.209	aq	100	30.319	nuclear
49	51.897	afghans			
50	51.877	pressure			
51	51.189	trillion			
52	50.969	energy			

Приложение 2. ПОНЯТИЯ, АССОЦИИРУЕМЫЕ С И ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕМЫЕ ДЕМОКРАТИИ В ИЗУЧАЕМОМ КОРПУСЕ

Понятия, с которыми ассоциируется демократия

1972-2001	2001-2009	2009-2012
<p>Гражданское общество: <i>Rule of law (10); respect for human rights/life (6); open society (5); Moderation (2); Pluralism (2); Legitimate government; Civilized society; Prosperity; Sustainable development</i></p> <p>Свобода: <i>Freedom/free society (5); free and open trade; liberty</i></p>	<p>Свободы: <i>Freedom (45); (+ freedom of religion (5); freedom of vote (2); freedom of expression (2); freedom of speech; freedom to assemble; liberty (9); economic freedom); free institutions (2);</i></p> <p>Гражданское общество: <i>Rule of law (10); liberal institutions (6); constitution (5); moderation (5); openness (4); civil society (3); legitimacy (3); free media (2); justice (2); pluralism (2); civil liberties; equality before law;</i></p> <p>Мир и безопасность: <i>Peace (16); stability (6); security (4); safety (3)</i></p> <p>Общечеловеческие ценности: <i>Hope (11); prosperity (8); progress (2); future (2); unity (2); dignity; decency; power of the individual; liberation; self-determination; education; choice; well-being; modernity</i></p> <p>Права человека: <i>human rights (9); tolerance (4); equal rights for women (3); free labor unions; minority rights</i></p> <p>«Власть народа волей народа и для народа»: <i>Well-governed states (5); independence (4); self-government (3); good/effective governance (2); representative of its people</i></p> <p>Экономика: <i>Free markets (3); economic opportunity (3); market economy (2); economic development (2); capitalism; market reform; open markets; economic freedom; economic reform</i></p>	<p>Гражданское общество: <i>Rule of law (5); good/effective governance (4); political reforms (3); accountability (3); transparency (3); civil society (2); dialog (2); mobility (2); moderation (2); equal treatment for all; diplomacy; openness; credibility</i></p> <p>Универсальные ценности: <i>Development (5); prosperity (5); opportunity (3); progress (2); dignity (2); value of human life; self-determination</i></p> <p>Свобода: <i>Freedom (6); individual liberty;</i></p> <p>Мир и безопасность: <i>Security (3); peace (3); stability;</i></p> <p>Права человека: <i>Women's rights (3); human rights (2); support for religious minorities (2)</i></p> <p>Экономика: <i>Economic development (2); economic growth; free market; economy; commerce</i></p>

Понятия, контекстуально противопоставляемые демократии

1972-2001	2001-2009	2009-2012
<p><i>Terrorism (7); totalitarianism (2); dictatorship (2); Marxist-Leninist values; right; left; tyranny; aggression; radical ideology</i></p>	<p><i>Terror/ism (48); extremism (25); tyranny (13); violence (8); radicalism (5); dictatorship (4); assassination (3); hatred (3); repression (2); insurgency (2); sectarianism (2); Saddamism (2); subversion (2); torture; Secret police ; control by tiny elite; authoritarianism; despotism; corruption; fundamentalism; fanaticism</i></p>	<p><i>Extremism (14); terror(ism) (7); autocracy (3); sectarianism (2); destruction; conflict; corrupt governments; authoritarianism; dictatorship</i></p>

Приложение 3. КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ *WORLD* В ИЗУЧАЕМОМ КОРПУСЕ

Первые 50 слов каждого периода, ранжированные по индексу взаимной информации MI (-4 +4 слова до нода, минимальная частотность коллокаций - 2)

72-93		93-01		01-09		09-12	
8.47887	Unite	9.65088	retrospect	8.87212	reshaping	9.70391	notices
8.47887	policeman	8.65088	spots	8.87212	fissures	8.70391	rallied
8.47887	moslem	8.65088	interdependent	8.53109	civilized	8.70391	interconnected
8.47887	ii	8.65088	dawn	8.45709	interconnected	8.70391	imf
8.06384	aftermath	8.65088	corners	8.28716	unstable	8.70391	ii
7.89391	market	8.22204	around	8.28716	ridding	8.70391	globalized
7.89391	hopeful	8.14565	trade	8.28716	rallied	8.27649	around
7.89391	health	8.06592	trouble	8.28716	blessed	8.11895	volatile
7.80080	anywhere	8.06592	pull	8.25340	around	8.11895	torch
7.59435	around	7.94039	throughout	8.19405	ii	8.11895	lifts
7.47887	reaching	7.90464	center	8.06477	towers	8.11895	attractive
7.47887	promise	7.65088	ii	7.90187	trade	7.96695	image
7.47887	peoples	7.48096	parts	7.87212	monetary	7.70391	shaping
7.25648	stable	7.32895	indispensable	7.87212	expects	7.70391	lethality
7.15695	parts	7.32895	food	7.87212	deceiving	7.70391	bank
7.15695	elsewhere	7.32895	changing	7.68770	anywhere	7.48152	rest
7.15695	economy	7.06592	vital	7.55019	static	7.44088	stable
6.81591	free	7.06592	show	7.55019	rid	7.38198	adopt
6.74191	civilized	7.06592	least	7.55019	defiance	7.11895	threatens
6.67152	wars	7.06592	behavior	7.55019	acknowledged	7.11895	revolutionary
6.67152	throughout	6.91392	values	7.28716	watched	7.11895	nobody
6.67152	independent	6.84353	live	7.28716	somewhere	7.11895	muslim
6.67152	dangerous	6.65088	west	7.17168	entire	7.11895	class
6.47887	live	6.65088	february	7.06477	transformed	7.11895	apart
6.47887	entire	6.65088	brought	7.06477	rest	7.00347	strongest
6.20586	community	6.58479	bombing	7.06477	ours	6.93838	locations
6.15695	scene	6.48096	wide	7.06477	failures	6.89656	showing
6.15695	influence	6.48096	bank	7.02413	troubled	6.89656	programming
6.15695	indeed	5.95044	call	6.99765	parts	6.89656	finest
6.01944	democracies	5.84353	leadership	6.90607	center	6.89656	arab
5.99345	second	5.84353	leaders	6.87212	ship	6.70391	influence
5.97637	developing	5.84353	allies	6.87212	posture	6.58843	muslims
5.89391	certainly	5.74399	understand	6.87212	ending	6.53399	happening
5.89391	broad	5.74399	problems	6.77968	muslim	6.53399	character
5.83502	seek	5.65088	america	6.70220	youth	6.50228	parts
5.80080	third	5.60649	oklahoma	6.70220	volatile	6.48152	various
5.77843	friendly	5.52160	city	6.70220	rally	6.38198	stage
5.77843	areas	5.48096	great	6.68770	arab	6.38198	lack
5.64237	peace	5.48096	freedom	6.62420	notice	6.38198	criminals
5.51805	war	5.48096	business	6.55019	dictators	6.38198	changing
5.47887	similar	5.37786	islamic	6.55019	clock	6.28887	smaller
5.47887	responsibilities	5.25856	responsible	6.52163	throughout	6.24448	safer
5.47887	region	5.19145	pan	6.51457	post	6.24448	post
5.39141	oil	5.10656	after	6.45709	whole	6.16786	live
5.39141	kind	5.06592	bombings	6.45709	dark	6.11895	peaceful
5.39141	crimes	4.97846	interests	6.41269	submitted	6.11895	defined
5.30895	look	4.84353	take	6.41269	oceans	6.11895	acting
5.23095	little	4.84353	order	6.41269	imagine	6.06006	entire
5.23095	leadership	4.80958	every	6.41269	bombed	6.00347	vulnerable
5.20586	less	4.77641	like	6.36962	revolutionary	6.00347	fail

Приложение 4. КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ WORLD В COCA – CORPUS OF CONTEMPORARY AMERICAN ENGLISH

Первые 100 слов, ранжированные по индексу взаимной информации MI (-4 +4 слова до нода, минимальная частотность коллокаций - 3)

	CONTEXT	FREQ	MI
1	II-ERA	81	7.26
2	WWW.NPS.ARS.USDA.GOV	86	7.24
3	WARCRAFT	116	7.20
4	FACTBOOK	61	7.15
5	MULTIPOLAR	76	6.22
6	II	15296	6.11
7	CHAMPIONSHIPS	1648	5.68
8	ANTI-DOPING	70	5.65
9	GLOBALIZED	175	5.57
10	LUCKIEST	115	5.48
11	GUINNESS	269	5.42
12	EXPORTER	151	5.25
13	WORKADAY	58	5.24
14	POST-COLD	232	5.15
15	UNESCO	163	5.05
16	COLUMBIAN	71	5.05
17	MCEDWARDS	64	5.03
18	RICHEST	549	4.98
19	INDUSTRIALIZED	467	4.89
20	POPULOUS	190	4.89
21	POST-9/11	101	4.89
22	IMF	489	4.86
23	TALLEST	266	4.84
24	FIFA	72	4.79
25	SECOND-LARGEST	206	4.75
26	THIRD-LARGEST	90	4.74
27	SUPERPOWER	270	4.68
28	ARAB	3390	4.62
29	HEAVYWEIGHT	267	4.62
30	DISNEY	1390	4.52
31	WAR	24732	4.43
32	POOREST	377	4.42
33	LARGEST	4730	4.40

34	PREMIERE	454	4.40
35	INTERDEPENDENT	119	4.39
36	ENGLISH-SPEAKING	151	4.28
37	CIVILIZED	350	4.26
38	RELIGIONS	523	4.20
39	FICTIONAL	495	4.20
40	CHAMPION	1309	4.18
41	MAKE-BELIEVE	65	4.15
42	BUSIEST	141	4.11
43	INHABIT	172	4.05
44	WEALTHIEST	155	3.99
45	PREMIERES	78	3.98
46	TRADE	5466	3.94
47	FASTEST-GROWING	123	3.93
48	WALT	347	3.81
49	MUSLIM	1548	3.80
50	1893	74	3.78
51	FASTEST	350	3.75
52	INTERCONNECTED	87	3.74
53	ORGANISATION	58	3.74
54	CHAMPIONS	304	3.69
55	REIGNING	84	3.68
56	BANK	4238	3.66
57	OCEANS	241	3.66
58	CHAMPIONSHIP	1098	3.65
59	SERIES	5207	3.63
60	WTO	140	3.63
61	CONQUER	126	3.56
62	ALMANAC	64	3.56
63	CHAMP	162	3.51
64	BRAVE	486	3.48
65	DICTATORS	62	3.48
66	CUP	3993	3.41
67	SMARTEST	89	3.39
68	REST	4967	3.37
69	PC	641	3.37
70	DUBAI	82	3.36
71	STANDINGS	68	3.36

72	INHABITED	125	3.35
73	ORGANIZATION	2971	3.32
74	AROUND	19904	3.30
75	FAIRS	74	3.30
76	SLALOM	55	3.30
77	JURASSIC	54	3.30
78	WARS	825	3.29
79	FINEST	311	3.28
80	ANYWHERE	1386	3.27
81	RANKINGS	154	3.26
82	AUTOMAKER	57	3.25
83	DOMINATION	167	3.24
84	DEVELOPING	1854	3.23
85	GREATEST	1543	3.20
86	BEST-KNOWN	104	3.20
87	ECONOMIES	375	3.19
88	BOXING	277	3.19
89	DEMOCRACIES	140	3.19
90	THIRD	4640	3.17
91	THROUGHOUT	2780	3.16
92	UPSIDE	241	3.15
93	CAPITALS	107	3.13
94	ISLAMIC	928	3.11
95	HAPPIEST	85	3.11
96	RANKING	262	3.09
97	MEDALIST	63	3.09
98	TWO-TIME	75	3.08
99	ENCYCLOPEDIA	95	3.07
100	PARTS	2337	3.06

**Приложение 5. КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ *WORLD* В АНАЛИЗИРУЕМОМ КОРПУСЕ –
ДЛЯ СРАВНЕНИЯ С АНАЛОГИЧНЫМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ, ПОЛУЧЕННЫМИ ДЛЯ
*COCA – CORPUS OF CONTEMPORARY AMERICAN ENGLISH***

Первые 100 слов анализируемого корпуса, ранжированные по индексу взаимной информации MI (-4 +4 слов до нода, минимальная частотность коллокаций - 3)

1	8.55255	interconnected	51	5.80811	influence
2	8.45301	rallied	52	5.71605	banking
3	8.34868	ii	53	5.68748	pentagon
4	8.22163	around	54	5.65946	spoken
5	8.16197	civilized	55	5.64566	tyranny
6	7.77494	blessed	56	5.60502	shut
7	7.60502	globalized	57	5.60502	democracies
8	7.57563	trade	58	5.60502	advancing
9	7.54048	anywhere	59	5.55255	believes
10	7.52701	towers	60	5.54612	live
11	7.39643	corners	61	5.50816	elsewhere
12	7.35990	somewhere	62	5.46751	changed
13	7.35990	defiance	63	5.45301	regions
14	7.18998	volatile	64	5.45301	oklahoma
15	6.96759	image	65	5.45301	food
16	6.95182	parts	66	5.38262	faces
17	6.91630	center	67	5.34868	stage
18	6.88742	rest	68	5.31551	knows
19	6.84894	rid	69	5.27244	retreat
20	6.80409	muslim	70	5.26539	islamic
21	6.77494	troubled	71	5.23062	happening
22	6.77494	entire	72	5.22778	across
23	6.65946	shaping	73	5.18998	battlefield
24	6.53463	throughout	74	5.16613	muslims
25	6.52701	transformed	75	5.16532	free
26	6.45301	strongest	76	5.15045	smaller
27	6.40571	locations	77	5.15045	friendly
28	6.37284	arab	78	5.13109	indeed
29	6.35990	plotted	79	5.12287	engagement
30	6.31551	class	80	5.09687	wars
31	6.28952	hopeful	81	5.07450	believed
32	6.27244	corner	82	5.06070	various
33	6.25138	stable	83	5.05612	changing
34	6.23437	post	84	5.03798	fail
35	6.22035	safer	85	5.00235	market
36	6.21016	bank	86	4.99358	opinion
37	6.18998	revolutionary	87	4.96759	counterparts
38	6.18998	bombed	88	4.96759	assure
39	6.07450	notice	89	4.94205	moderate
40	6.05248	aftermath	90	4.93844	vision
41	6.02005	ours	91	4.93364	everywhere
42	6.01413	bombing	92	4.93364	accounts
43	5.96759	peoples	93	4.89230	vast
44	5.94897	dangerous	94	4.86805	alone
45	5.93844	whole	95	4.85013	friends
46	5.93364	imagine	96	4.84420	shown
47	5.90047	pull	97	4.84420	modern
48	5.83634	ending	98	4.83634	suffered
49	5.83634	dark	99	4.83634	rely
50	5.82741	peaceful	100	4.83243	part

Приложение 6. СЛОВСОЧЕТАНИЯ ТИПА ADJ/PART I, II + TERRORIST(S) В АНАЛИЗИРУЕМОМ И «СЛОВАРНОМ» КОРПУСАХ

Adj/Part I,II + terrorist(s),

анализируемый корпус (360):

Правовые действия против террористов (101): suspected (69), captured (16), wanted (5), convicted (2), designated (2), special interest, alleged, defeated, jailed, imprisoned, incarcerated, indicted

География деятельности (43): international (35), global (5), regional (2), transnational

Аффилиация (36): Al-Qae/ida (21), Jeemaiya Al-Islamiyah (4), He/izbollah (4), Abu Nidal (3), Fatah (2), Hamas, Al-Qaeda-inspired

Национальность и регион (36): Lebanese (10), Palestinian (4), Lybian (2), Colombian (2), Korean (2), European-based (2), Western European (2), Middle East(ern) (2), Southeast Asian, Indian, Irish, Pakistani, Portuguese, Turkish, Israeli, Jordanian, Kurdish, Katangan

Происхождение (32): foreign (16), alien (8) domestic (6), indigenous, overseas

Известность (29): known (22), notorious (3), infamous (2), significant, important

Приверженность идеалам и место в иерархии (22): potential (10), would-be (4), affiliated (2), hardened (2), senior (2), fellow, key, high-level, prospective, untested, entrenched, operational

Личность, характер (17): dangerous (4), trained (3), brutal (2), young (2), worst, old, crazed, evil, mad, vicious, lone-wolf

Религия (10): Islamic (5), Sikh, Shia, Sunni, Islamist, secular

Тип деятельности (7): urban (2), biological, drug, money-laundering, suicidal, sleeper

Индивидуализм (7): individual (2), sole (2), single, particular, additional

Политические взгляды (5): political (2), leftist, radical, extremist

Временная отнесённость (3): modern, new, traditional

Разное (7): one man's (4), surviving (2), fleeing

Adj/Part I,II + terrorist(s),

«словарный» корпус (281):

Правовые действия против террористов (51): wanted (30), suspected (11), captured (4), convicted (2), imprisoned (2), alleged, proven

Национальность (34): Palestinian (17), Russian (3), Algerian (3), (West) German (3), Cuban, Venezuelan, Basque, Colombian, Japanese, Lebanese, Moluccan, (Munich)

Тип деятельности (31): suicide (9), single-issue (6), criminal (3), freelance (2), chemical (2), urban (2), hacker, information, narcissistic, nuclear, WMD, racist, surrogate

(Политические) взгляды (31): revolutionary (5), right-wing (5), left-wing (4), anti-abortion (3), political (3), anarchist, politically-motivated, anti-government, anti-colonial, Jacobin, anti-NATO, leftist, ethnic separatist, radical, authoritarian, ideologically-motivated

Приверженность идеалам и место в иерархии (23): fellow (3), professional (3), client (2), typical, would-be, active, dedicated, experienced, former, feared, future, habitual, original, potential, actual, operational, ultimate, second-generation

Личность, характер (21): women (5), trained (3), girl (2), female (2), older (2), young (2), woman, dangerous, dead, ruthless, influenced

География деятельности (18): international (12), state (3), transnational (2), national

Аффилиация (17): PLO (2), IRA (3), He/izbollah (2), al-Qaeda (2), ANO, April 19, ETA, GIA, Islamic Jihad, Ruf, Dev Sol, Hamas

Временная отнесённость (16): new (8), contemporary (4), modern (2), 20th-century, traditional

Религия (14): Islamic (5), Shi'ite (4), Muslim (3), fundamentalist, Sikh

Индивидуализм/известность (8): last, known (2), individual (2), single, additional, the biggest, infamous, faceless

Происхождение (7): domestic (3), foreign (2), émigré, indigenous

Регион (5): Latin American (2), Middle East(ern) (2), western

Разное(4): remaining (2), surviving, transitional

**Приложение 7. СЛОВСОЧЕТАНИЯ ТИПА ADJ/PART I,II + TERRORIST(S) В
АНАЛИЗИРУЕМОМ КОРПУСЕ, РАЗБИТЫЕ ПО ПОДКОРПУСАМ**

1972 – 1993	1993 – 2001	2001 - 2009	2009 – 2012
lebanese 10 International 8 Suspected 6 abu nidal 4 one man's/persons 4 Palestinian 3 notorious 3 north Korean 2 political 2 middle east/ern 2 indigenous 2 known 2 domestic 2 convicted 2 urban 2 sole 2 surviving 2 fatah 2 European 2 katangan significant drug italian leftist captured state-supported portuguese transnational sikh particular homegrown alien turkish radical shia western columbian contemporary imprisoned foreign jailed infamous	International 9 Alien 7 Suspected 6 Foreign 3 Domestic 2 Major iranian-trained Secular Wanted Fanatic Crazed today's world trade center Radical Palestinian loosely-affiliated Islamic special interest Indicted Overseas would-be Traditional Potential Biological Israeli	Suspected 43 Known 20 Captured 13 Foreign 17 al-queda 17 International 12 Potential 8 al-islamiiyah 6 Dangerous 4 Homegrown 4 Hezbollah 3 today's 3 Islamic 4 Domestic 3 would-be 3 european-based 2 Affiliated 2 Global 2 Trained 2 young 2 brutal 2 designated 2 the same Mad Certain Sophisticated Suicidal Infamous Hardened high-profile Fleeing imprisoned entrenched al Qaeda inspired Extreme fundamentalist Radical anti-Indian non-state Untested Defeated Hunted modern Key well-known Hamas Irish Sleeper Evil Islamist prospective Wanted	suspected 15 al-queda 11 international 4 captured 2 individual 2 Global 2 Alleged pakistani Senior so-called Violent hardened incarcerated lone wolf committed numerous experienced operational old al-queda inspired worst

		Sunni Southeast Asian fellow senior additional regional the most wanted Jordanian	
--	--	--	--

Приложение 8. СЛОВСОЧЕТАНИЯ ТИПА *TERRORIST* + *NOUN* В АНАЛИЗИРУЕМОМ КОРПУСЕ (2359 СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

Организационная структура (686): group/s (292), organization/s (228), network/s (94), cells (42), infrastructure/s (12), state/s (11), entity/ies (3), nations, associations (2), factions

Ассоциируемые действия (365): act/s (124), activity/ies (124), incident/s (69), action/s (12), movement/s (7), transit (4), travel (3), use (2), cases (4), event/s (6), mobility (2), preparations, effort/s (5), acquisition, tragedies

+ подгруппа «военные действия» (415): attack/s (306), training/s (19), recruitment (10), bombing/s (8), strike/s (4), target/s (10), war, forces (2), weapon, campaign/s (5), operation/s (43), bomb, raid, outfits (2), alerts, front

+ подгруппа «угроза/насилие» (225): threat/s (211), menace (5), violence (8), barbarism

+ подгруппа «преступления» (29): crime/s (11), offense/s (5), assaults (2), abuse, blackmail, outrages (2), kidnapping, murder/s (2), violations, hoaxes, victim, police

Финансирование (192): financing (113), finance/s (29), assets (17), fundraising (15), financier/s (6), funding (5), funds (3), money (2), accounts, business

Способы противодействия терроризму (143): surveillance (41), operation/s (43), interdiction (14), screening (7), list/s (7), tracking (5), trial/s (4), watchlist/s (7), investigations (3), exclusion (2), retaliation (2), arrests, interrogations, prosecutions, rehabilitation, removal, identification, policy, task force

Именования террористов и их сторонников (111): suspect/s (20), operative/s (13), leader/s (12), allies (6), element/s (6), financier/s (6), alien/s (5), enemy/ies (7), murderers (3), supporters (3), adversary/ies (3), affiliates (2), colonel (2), individual/s (3), surrogates (2), actors, agents, apparatus, criminals, experts, extremist, facilitator, guy, hijackers, organizers, parasites, personnel, planner, subjects, sympathizers, trainers, warlord, police

Цели/планирование (65): plot/s (21), demands (9), tactics (8), plotting (5), purposes (5), plans (4), aims (2), conspiracy/ies (3), planning (2), strategy/ies (3), agenda/s (2), schemes

Места пребывания террористов (47): safe haven/s (18), camp/s (12), sanctuary (5), base/s (3), facilities (2), underworld (2), hub, sites, strongholds, enclaves, theaters

Теоретизирование (28): propaganda (5), designation (2), option (2), consequences, dimensions, discussion, mentality, methods, narrative, nature, phenomenon, profile, realities, trend, landscape, scene, crisis, ideology (3), end (2)

Ассоциируемые проблемы (15): problem/s (7), scourge (3), challenge (2), concerns, disasters, issues

Связи / коммуникация (12): communications (5), ties (3), links (2), associates, connections

Слабость, необходимость поддержки (9): support (6), vulnerability/ies (3)

Разное (17): capabilities (4), documents (2), cookbooks, endeavor, hands, influence, leads, names, presence, resolution, spill-over, statutes, trees

Приложение 9. СЛОВСОЧЕТАНИЯ ТИПА *TERRORIST* + *NOUN* В АНАЛИЗИРУЕМОМ КОРПУСЕ, РАЗБИТЫЕ ПО ПОДКОРПУСАМ

Terrorist+ NOUN (2359)	1972-1993 (275)	1993-2001 (344)	2001-2009 (1454)	2009-2012 (292)	Общее КОЛ-ВО
groups	42	58	124	31	255
attacks	23	19	148	31	221
organizations	5	22	109	24	160
threat	12	25	88	33	158
financing			105	10	115
acts	26	36	39	5	106
attack	6	9	53	15	83
activities	14	14	33	9	70
organization		18	36	14	68
networks		5	57	6	68
activity	3	14	35	10	62
threats	8	3	36	10	57
incidents	23	15	16	1	55
operations	4	4	31	2	41
surveillance			41		41
group	2	9	15	12	38
cells		1	31	2	34
network	5	1	19	4	29
finance			19	7	26
training			8	2	10
suspects		2	10	5	17
Act	6	5	4	1	16
assets			16		16
incident	3	6	5		14
fundraising		9	5		14
interdiction		1	13		14
plots		1	9	3	13
training camps			12	1	13
actions	4	1	7		12
operatives			11	1	12
tactics	4		7		11
infrastructure	2	4	5		11
camps	2	1	7	1	11
leaders		1	8	2	11
crimes	1	4	4	1	10
recruitment			1	9	10
demands	9				9
states	3	2	4		9
safe havens			8	1	9
violence	5	1	2		8
cell			7	1	8
plans	1	2	4		7

screening			6	1	7
targets	2		3	1	6
support	1	1	4		6
allies	1		5		6
finances			6		6
list			6		6
communications			6		6
plot			5	1	6
problem	4		1		5
menace	3		2		5
strategy	2		3		5
movements		2	3		5
bombings		2	3		5
elements		2	3		5
capabilities		1	4		5
funding			5		5
ideology			5		5
financiers			2	3	5
propaganda			2	3	5
watchlist			4	1	5
watchlists			5		5
training camp			5		5
trials	3		1		4
state	1	1	2		4
effort	1		3		4
campaign	1		3		4
event		2	1	1	4
aliens		1	3		4
scourge	1		3		4
transit			4		4
entities			4		4
sanctuaries			4		4
travel			1	3	4
plotting			2	2	4
safe haven			3	1	4
murderers	3				3
scene	3				3
operation	1	1		1	3
facilities	1	2			3
target	1		2		3
individuals		1	2		3
funds		1	2		3
purposes		3			3
bombing		3			3
offenses		2	1		3
asset			3		3
enemy			3		3

enemies			3		3
investigations			3		3
money			3		3
supporters			3		3
underworld			3		3
movement			2	1	3
planning			3		3
cases			1	2	3
assassinations	2				2
aims	2				2
vulnerability	2				2
problems	2				2
outrages	2				2
murders	1	1			2
assaults	1	1			2
retaliation	1		1		2
cases	1			1	2
events	1	1			2
terrorist.		2			2
strikes		2			2
option		2			2
surrogates		1	1		2
agenda		1	1		2
target		1	1		2
disasters		1	1		2
associations			2		2
base			2		2
conspiracy			2		2
designation			2		2
infrastructures			2		2
legislation			2		2
mobility			2		2
names			2		2
offense			2		2
purposes			2		2
suspect			2		2
adversaries			1	1	2
sanctuary			2		2
logistics			1	1	2
documents			2		2
haven			2		2
ties			1	1	2
trend			1	1	2
challenge			1	1	2
task forces			2		2
affiliates				2	2
outfits				2	2

factions	1			1
nations	1			1
criminals	1			1
air piracy	1			1
action	1			1
victim list	1			1
dimensions	1			1
subjects	1			1
alien	1			1
issues	1			1
sites	1			1
prosecutions	1			1
blackmail	1			1
crime			1	1
links	1			1
apparatus	1			1
plan	1			1
policy	1			1
war		1		1
bases		1		1
PKK		1		1
spill-over		1		1
weapon		1		1
consequences		1		1
bomb attacks		1		1
profile		1		1
campaigns		1		1
tragedies		1		1
violations		1		1
nature		1		1
statutes		1		1
hijackings	1			1
intentions			1	1
abuse			1	1
actors			1	1
agencies			1	1
agent			1	1
camp			1	1
cookbooks			1	1
adversary			1	1
preparations			1	1
organizers			1	1
sympathizers			1	1
end users			1	1
mentality			1	1
personnel			1	1
photos			1	1

fingerprints			1		1
recruiting			1		1
facilitator			1		1
state sponsors			1		1
arrests			1		1
schemes			1		1
influence			1		1
leads			1		1
hub			1		1
leadership			1		1
alerts			1		1
presence			1		1
havens			1		1
use			1		1
support systems			1		1
forces			1		1
phenomenon			1		1
business			1		1
kidnapping			1		1
parasites			1		1
chaos			1		1
conspiracies			1		1
ID system			1		1
front groups			1		1
accounts			1		1
safe house			1		1
enclaves			1		1
murder			1		1
hands			1		1
strongholds			1		1
element			1		1
interrogations			1		1
extremist			1		1
crisis			1		1
exclusion list			1		1
acquisition			1		1
enterprises			1		1
theaters of operation			1		1
vulnerabilities			1		1
hoaxes			1		1
endeavor			1		1
realities			1		1
barbarism			1		1
hijackers			1		1
trainers			1		1
concerns			1		1

connections			1		1
planner			1		1
safehouses			1		1
tracking			1		1
associates				1	1
insurgents				1	1
landscape				1	1
leader				1	1
militias				1	1
narrative				1	1
rehabilitation				1	1
warlord				1	1

Приложение 10. КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ *TERRORIST* В АНАЛИЗИРУЕМОМ КОРПУСЕ

Первые 100 слов, ранжированные по индексу взаимной информации MI (-5 +5 слов до нода, минимальная частотность коллокаций - 3)

1	8.76893	outfits	53	6.37662	evolving
2	8.18397	Puerto-rican	54	6.37662	deadliest
3	8.01405	interdicting	55	6.35800	surveillance
4	7.92094	criminalizing	56	6.33597	fto
5	7.76893	fawaz	57	6.33597	apprehend
6	7.76893	younis	58	6.32982	responding
7	7.76893	repel	59	6.30950	eta
8	7.76893	clouds	60	6.30950	degraded
9	7.57731	accede	61	6.30950	buffalo (city)
10	7.44700	financing	62	6.29089	alleged
11	7.44700	specially	63	6.28781	incident
12	7.42908	automatically	64	6.27708	trials
13	7.37662	interdiction	65	6.26340	integration
14	7.18397	outrages	66	6.24537	ttic
15	7.11358	designating	67	6.24055	cell
16	7.11358	tip	68	6.20669	eliminate
17	7.01405	cells	69	6.18397	watchlist
18	7.01405	implicated	70	6.18397	sentenced
19	6.99133	complicity	71	6.18397	rogue
20	6.96158	financiers	72	6.18397	movements
21	6.92706	lifeblood	73	6.18397	jemaah
22	6.92094	organizations	74	6.18397	affiliated
23	6.92094	notorious	75	6.16407	deter
24	6.89857	detecting	76	6.15844	disrupted
25	6.88194	tracking	77	6.15294	prevent
26	6.86204	activity	78	6.14215	plots
27	6.84694	blocking	79	6.13334	finances
28	6.80546	incidents	80	6.11358	strikes
29	6.76893	sanctuaries	81	6.09651	suppress
30	6.76893	mount	82	6.09651	logistics
31	6.74340	indigenous	83	6.08733	activities
32	6.74340	suspects	84	6.06995	organization
33	6.72454	raising	85	6.06849	insurgencies
34	6.72224	criminalize	86	6.04647	disrupting
35	6.71004	groups	87	6.04647	dismantling
36	6.62758	camps	88	6.02869	recruitment
37	6.62454	designated	89	6.01405	pkk
38	6.59901	dismantle	90	6.01405	consolidated
39	6.59901	shadowy	91	5.99133	freeze
40	6.58358	avoided	92	5.98438	attacks
41	6.54472	networks	93	5.89446	involving
42	6.50590	acts	94	5.88851	designation
43	6.50590	menace	95	5.88629	links
44	6.50590	declined	96	5.87912	preventing
45	6.48353	arresting	97	5.86204	tracked
46	6.48353	finance	98	5.86204	surrogates
47	6.44700	designate	99	5.86204	reduced
48	6.44700	venue	100	5.86204	launching
49	6.44700	rooting			
50	6.40261	hamadei			
51	6.39638	occur			
52	6.39638	disrupt			

Приложение 11. КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ *TERRORIST* ПО ПЕРИОДАМ

Первые 100 слов, ранжированные по индексу взаимной информации MI (-5 +5 слов до нода, минимальная частотность коллокаций - 3)

1972 – 1993

1	7.62825	murderers	51	4.96529	abu nidal
2	7.62825	accede	52	4.96529	attempt
3	7.30632	outrages	53	4.92781	victims
4	7.21321	fawaz	54	4.92781	prevent
5	7.21321	younis	55	4.91205	another
6	7.21321	implicated	56	4.87336	commit
7	7.09774	conducting	57	4.82090	against
8	6.82090	lebanese	58	4.75378	did
9	6.82090	links	59	4.74911	threat
10	6.78026	complicity	60	4.68965	germany
11	6.62825	network	61	4.66478	act
12	6.56685	sentenced	62	4.62825	recently
13	6.55786	incidents	63	4.62825	overseas
14	6.52246	demands	64	4.58386	supporting
15	6.51277	groups	65	4.56936	libyan
16	6.49075	man	66	4.56936	justice
17	6.40586	organizations	67	4.55786	violence
18	6.40586	trials	68	4.55296	citizens
19	6.39121	menace	69	4.54079	rule
20	6.36522	activities	70	4.51277	directed
21	6.21321	syrian	71	4.48141	libya
22	6.21321	responding	72	4.45833	difficult
23	6.21321	colombian	73	4.41880	including
24	6.04329	assassinations	74	4.40586	responsible
25	6.04329	vicious	75	4.30632	see
26	6.04329	notorious	76	4.29435	support
27	6.04329	largely	77	4.27070	middle
28	6.04329	hamadei	78	4.21321	training
29	6.00934	activity	79	4.21321	further
30	5.92043	acts	80	4.12575	europe
31	5.89129	attacks	81	4.06057	action
32	5.82090	scene	82	4.02921	international
33	5.70225	respond	83	4.02834	most
34	5.62825	give	84	3.98440	year
35	5.62825	threats	85	3.97290	out
36	5.54079	frequently	86	3.96529	syria
37	5.40586	specific	87	3.93794	was
38	5.38032	palestinian	88	3.89129	might
39	5.30632	incident	89	3.89129	counter
40	5.30632	tactics	90	3.87336	problem
41	5.30632	rewards	91	3.72136	number
42	5.30632	longer	92	3.70542	these
43	5.30632	involvement	93	3.69751	intelligence
44	5.30632	indeed	94	3.62825	only
45	5.25902	committed	95	3.60588	actions
46	5.21321	targets	96	3.59640	from
47	5.19529	established	97	3.58386	were
48	5.16882	almost	98	3.58386	over
49	5.01354	operations	99	3.58386	countries
50	4.96531	attack	100	3.55977	its

1993 – 2001

1	7.92772	movements	53	4.89345	domestic
2	7.34276	Puerto-rican	54	4.88333	operations
3	6.75780	strikes	55	4.84026	worldwide
4	6.60579	designating	56	4.81750	international
5	6.53540	punish	57	4.79256	since
6	6.53540	incident	58	4.75780	afghanistan
7	6.46829	organizations	59	4.67979	allow
8	6.42522	raising	60	4.57722	libya
9	6.34276	networks	61	4.56140	including
10	6.34276	nature	62	4.55849	attack
11	6.34276	involving	63	4.53540	act
12	6.34276	event	64	4.48478	anti
13	6.34276	abu-nidal	65	4.44659	out
14	6.25530	acts	66	4.43587	overseas
15	6.21348	activity	67	4.40416	potential
16	6.17283	declined	68	4.38856	bin
17	6.12037	incidents	69	4.38856	based
18	6.09483	occur	70	4.38856	although
19	6.08337	groups	71	4.37928	infrastructure
20	6.02083	organization	72	4.34276	within
21	5.96425	responding	73	4.34276	section
22	5.94683	activities	74	4.34276	ability
23	5.92772	deter	75	4.28386	facilities
24	5.82819	interest	76	4.21348	another
25	5.81920	fund	77	4.15689	against
26	5.67979	special	78	4.13331	address
27	5.60579	prevent	79	4.12037	several
28	5.56515	designated	80	4.12037	home
29	5.53540	crimes	81	4.02083	plan
30	5.50626	jurisdiction	82	3.98521	funding
31	5.46829	purposes	83	3.97352	while
32	5.46829	number	84	3.93677	threats
33	5.46829	fundraising	85	3.92772	used
34	5.43587	group	86	3.92462	or
35	5.40416	hezbollah	87	3.88333	provide
36	5.40165	attacks	88	3.88333	middle
37	5.39523	respond	89	3.84633	if
38	5.34276	might	90	3.84026	over
39	5.34276	designation	91	3.84026	during
40	5.25530	major	92	3.84026	any
41	5.25530	engaged	93	3.79256	most
42	5.25530	engage	94	3.75780	your
43	5.25530	directed	95	3.69250	support
44	5.22728	funds	96	3.67979	tools
45	5.20811	foreign	97	3.65470	was
46	5.17926	threat	98	3.64927	united
47	5.12037	commit	99	3.57017	some
48	5.07972	counter	100	3.57017	israel
49	5.02083	suspects			
50	5.02083	limited			
51	5.02083	individuals			
52	4.92772	Lebanon			

2001 – 2009

1	8.17842	automatically	53	6.27153	detain
2	7.95603	interdicting	54	6.27153	category
3	7.91539	specially	55	6.27153	affiliated
4	7.91539	apprehend	56	6.25242	raising
5	7.85649	criminalizing	57	6.23982	ttic
6	7.70006	financing	58	6.23982	section
7	7.50035	interdiction	59	6.20442	detect
8	7.47798	dismantle	60	6.17842	scourge
9	7.37107	criminalize	61	6.17842	cell
10	7.17842	sanctuaries	62	6.12780	freeze
11	7.17842	evolving	63	6.11953	occur
12	7.17842	designating	64	6.11429	preventing
13	7.10803	tip	65	6.11370	attacks
14	7.05556	cells	66	6.09096	prosecute
15	7.02290	organizations	67	6.09096	diminish
16	7.00850	consolidated	68	6.06294	cbrn
17	6.95603	infrastructures	69	6.06294	camp
18	6.95603	disrupt	70	6.04092	dozen
19	6.91539	indigenous	71	6.00850	jemaah-al isla
20	6.86391	activity	72	5.97679	responding
21	6.85649	blocking	73	5.96543	entities
22	6.84214	networks	74	5.95603	watchlist
23	6.83447	suspects	75	5.95603	tracked
24	6.80919	tracking	76	5.95603	logistics
25	6.78249	designated	77	5.95603	incident
26	6.76338	shadowy	78	5.94396	operatives
27	6.74546	deter	79	5.93741	havens
28	6.73785	alleged	80	5.89302	aimed
29	6.70037	integration	81	5.89212	organization
30	6.69655	groups	82	5.87099	activities
31	6.69299	dismantling	83	5.85649	movements
32	6.64791	incidents	84	5.85649	globally
33	6.59346	rooting	85	5.85649	connections
34	6.59346	fto	86	5.82087	ties
35	6.59346	detecting	87	5.78610	usg
36	6.57074	camps	88	5.78610	plotting
37	6.53688	finance	89	5.76338	saved
38	6.52787	surveillance	90	5.76338	launching
39	6.52634	finances	91	5.76338	investigating
40	6.48654	plots	92	5.75056	related
41	6.47798	suppress	93	5.74546	identifying
42	6.47798	financiers	94	5.74546	countering
43	6.47798	arresting	95	5.71899	transit
44	6.45596	disrupted	96	5.71899	connected
45	6.41943	eliminate	97	5.68366	destroy
46	6.37107	lists	98	5.66385	list
47	6.37107	disrupting	99	5.65486	freezing
48	6.34553	prevent	100	5.62383	links
49	6.33042	designation			
50	6.30395	suppression			
51	6.30395	buffalo (town)			
52	6.29090	acts			

2009 – 2012

1	9.67809	outfits	53	5.25182	reduce
2	9.09312	repel	54	5.23514	threats
3	9.09312	financiers	55	5.20004	foreign
4	8.67809	cells	56	5.18623	history
5	8.67809	camps	57	5.12350	disrupt
6	8.37692	financing	58	5.11584	killed
7	8.24513	suspects	59	5.06338	single
8	7.83009	recruitment	60	5.06338	central
9	7.77120	rogue	61	5.04001	criminal
10	7.73055	activity	62	5.03423	possible
11	7.67809	soil	63	4.97765	program
12	7.50816	travel	64	4.82011	significant
13	7.50816	finance	65	4.74735	europe
14	7.50816	designated	66	4.70081	whether
15	7.35616	worst	67	4.70081	remain
16	7.18239	organizations	68	4.63369	address
17	7.04250	organization	69	4.60869	against
18	6.95796	groups	70	4.60127	al-qaida
19	6.87073	defeating	71	4.59487	cyber
20	6.84520	propaganda	72	4.52834	century
21	6.77120	suspected	73	4.50816	or
22	6.77120	laundering	74	4.46863	affiliates
23	6.77120	hezbollah	75	4.41130	within
24	6.77120	direct	76	4.39268	training
25	6.60770	preventing	77	4.37431	ensure
26	6.59062	response	78	4.30653	safe
27	6.50816	plotting	79	4.29871	such
28	6.47645	prevent	80	4.27550	global
29	6.43016	effectiveness	81	4.26870	asia
30	6.37066	acts	82	4.23514	could
31	6.34589	group	83	4.22687	like
32	6.32759	potential	84	4.21865	past
33	6.21865	plots	85	4.20235	lives
34	6.21865	dealing	86	4.18623	including
35	6.20560	hamas	87	4.13893	every
36	6.20560	activities	88	4.11584	only
37	6.11839	threat	89	4.10823	information
38	6.09312	cases	90	4.07817	under
39	6.03423	posed	91	4.07076	up
40	6.03423	attacks	92	4.07076	countries
41	5.98879	necessary	93	4.04873	intelligence
42	5.98460	counter	94	3.99159	down
43	5.95562	carry	95	3.98162	no
44	5.89518	attack	96	3.97418	any
45	5.89149	network	97	3.96384	from
46	5.77120	attacked	98	3.95796	efforts
47	5.72389	risk	99	3.95211	international
48	5.72389	active	100	3.93662	violence
49	5.61200	networks			
50	5.50816	havens			
51	5.43016	related			
52	5.33824	major			